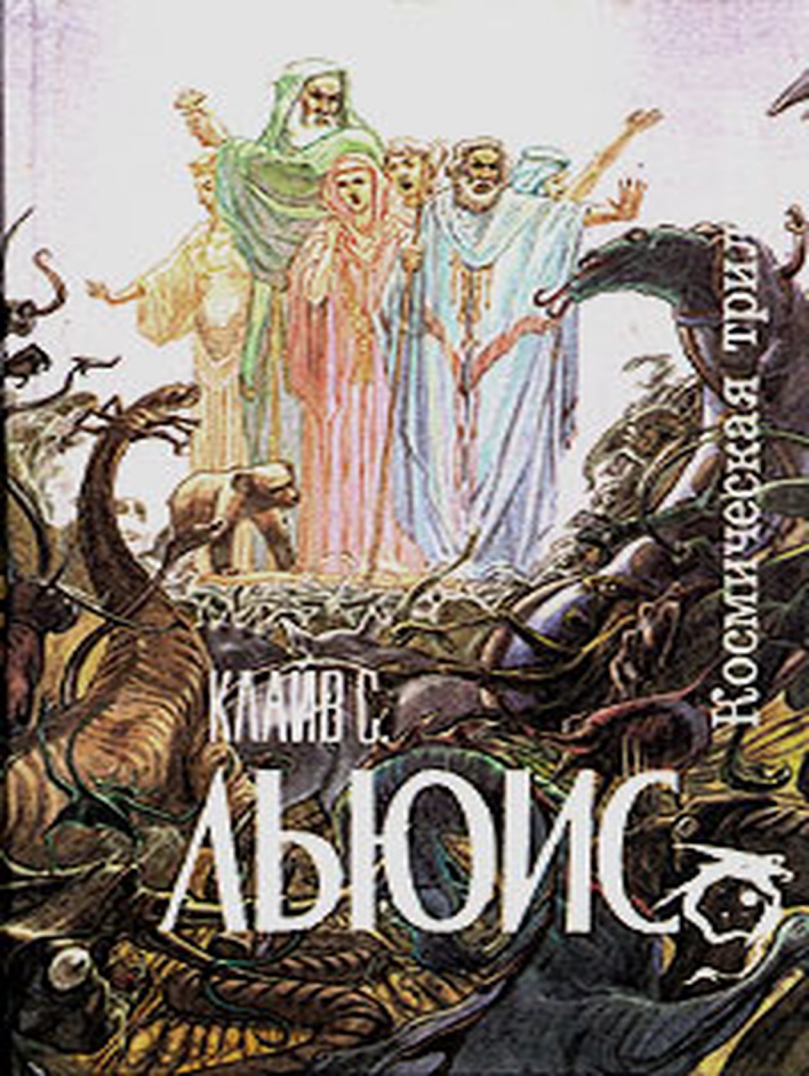

КЛАЙВ С.
ЛЬЮИС
Космическая трил

За пределы безмолвной планеты
Клайв Стэйплз Льюис

Аннотация
Клайв Стейплз Льюис. За пределы безмолвной планеты
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
XI
XII
XIII
XIV
XV
XVI
XVII
XVIII
XIX

XX
XXI
XXII
ПОСТСКРИПТУМ

Аннотация

Доктор Рэнсом похищен и на космическом корабле перенесен на красную планету Малакандру. Бежав с нее, он ставит под угрозу не только шансы на возвращение домой, но и свою жизнь. Это первая книга из Космической Трилогии Клайва Льюиса; в посвящении он пишет, что многим в ней обязан Г.Уэллсу.

Клайв Стейплз Льюис
За пределы безмолвной планеты

I

Не успели последние капли грозы простучать по листьям, как путник засунул карту в карман, устало поправил рюкзак за плечами и вышел на дорогу из-под раскидистого каштана, под ветвями которого укрывался от дождя. Оранжевый поток солнечных лучей еще лился в прореху между тучами на западе, но впереди, над холмами, небо уже потемнело. С каждого листа, с каждой травинки, стекали капли, а дорога сверкала, словно ручей. Однако путник не стал любоваться пейзажем. Он решительно зашагал вперед с видом доброго ходока, который понял, что путь еще неблизок. Впрочем, так оно и было. Оглянувшись назад, он увидел бы в отдалении шпиль церкви в Наддерби и, верно, помянул бы недобрым словом негостеприимную маленькую гостиницу. От постояльцев она явно не ломилась, но в ночлеге ему все же отказали. Когда-то, во время одного из своих предыдущих походов, он уже бывал в этих краях, но с тех пор гостиница перешла в другие руки. Знакомый ему добродушный старик куда-то исчез, и теперь у руля — по словам

официантки в баре — стояла некая «хозяйка». Эта особа, несомненно, принадлежала к той ортодоксальной британской школе содержателей постоялых дворов, для которых постояльцы — одна морока. В результате ему ничего не оставалось, как примириться с необходимостью прошагать еще добрых шесть миль до Стерка по ту сторону холмов, где, если верить карте, тоже имелась гостиница. Правда, богатый опыт подсказывал путнику, что не стоит возлагать на нее особые надежды, но выбора у него не было.

Высокий, немного сутуловатый, он шел быстрым решительным шагом, почти не глядя по сторонам, погруженный в свои мысли, помогавшие скоротать дорогу. На вид ему было лет тридцать пять — сорок; потертая одежда выдавала работника умственного труда, привыкшего проводить отпуск в пешем походе. Его легко было бы принять за врача или учителя, но ему недоставало добродушной снисходительности медика или неуловимой учительской жизнерадостности. На самом деле это был кембриджский ученый-филолог по имени Рэнсом.

Уходя из Наддерби, он рассчитывал, что по пути к Стерку набредет на какую-нибудь ферму и гостеприимные хозяева предложат ему заночевать.

Но местность по эту сторону холмов оказалась почти необитаемой. Вдоль дороги за чахлой живой изгородью тянулись плоские, унылые поля капусты и турнепса. Даже деревья попадались редко. К югу от Наддерби места были плодороднее, там часто встречались приезжие, а впереди за холмами, лежал густонаселенный промышленный район. Но здесь царило запустение. Уже спустились сумерки, птичий гомон смолк, и Рэнсома окружила тишина, необычная даже для сельской Англии. Хруст щебня под башмаками назойливо отдавался в ушах.

Мили две уже осталось позади, когда в глаза ему бросился огонек. Здесь, в тени холмов, уже почти стемнело, но надеждам на большой фермерский дом и ночлег не суждено было сбыться: подойдя поближе, он обнаружил крошечный коттедж постройки девятнадцатого века, уродливо сложенный из красного кирпича. Вдруг дверь коттеджа распахнулась и какая-то пожилая женщина выбежала навстречу Рэнсому, чуть не сбив его с ног.

— Ой, сэр, извините! — воскликнула она, увидев перед собой незнакомца. — Я думала, это мой Гарри идет.

Воспользовавшись случаем, Рэнсом справился,

нельзя ли где-нибудь поблизости устроиться на ночь.

— Нет, сэр, — только в Стерке. А что же вы не остались в Наддерби? — в ее робком голосе звучала тревога, и мысли явно были заняты чем-то другим.

Рэнсом поведал о своей наддербийской неудаче.

— Тогда, ей-Богу, сэр, не знаю. Тут до самого Стерка такого дома не сыщешь, чтобы вам подошел. Поблизости и нет ничего, кроме «Склонов», — это где мой Гарри работает. Я как услышала, что идут, так и выскочила — думала, может, это Гарри. Ему бы давно пора дома быть.

— «Склоны»? — заинтересовался Рэнсом. — Это что — ферма? Меня там не пустят переночевать?

— Да что вы, сэр! Конечно, нет. С тех пор, как мисс Элис умерла, там и не живет никто — только профессор и еще один джентльмен из Лондона. Они вас ни за что не примут. Они даже слуг не держат — только Гарри у них навроде истопника и то его, считай, в дом не пускают.

— А как зовут профессора? — спросил Рэнсом со слабой надеждой.

— Вот, ей-Богу, сэр, не скажу. Другой джентльмен — тот мистер Дивайн, а Гарри говорит, что

тот, первый — профессор. Гарри в этом во всем мало что смыслит: он у меня понимаете ли, придурковат, я потому и боюсь, если он поздно домой приходит, а они его обещали каждый день отпускать в шесть. И так-то он целый Божий день работает.

При таком скудном словарном запасе женщине с ее монотонным голосом непросто было выразить свои чувства, но Рэнсом, стоявший совсем рядом, видел, что она вся дрожит и вот-вот расплачется. Стоило бы повидать этого таинственного профессора, подумал он, и напомнить, что мальчику пора домой. Ему тут же пришло в голову, что, очутившись среди собратьев по профессии, он вполне сможет принять приглашение провести ночь под их кровом. Воображение нарисовало такую яркую картину посещения «Склонов», что он понял: это дело решенное. Рэнсом поспешил сообщить женщине о своих планах.

— Ох, сэр, ей-Богу, не знаю, как вас и благодарить, — обрадовалась она. — Только, если можно, вы его проводите до ворот и посмотрите, чтобы он домой пошел. А то ведь он так профессора-то боится, что назад шмыгнет, только вы голову повернете, — это если они сами-то его домой не отошлют.

По ее словам, «Склоны» находились слева от дороги, минутах в пяти ходьбы. Постаравшись, как мог, обнадежить хозяйку коттеджа, Рэнсом распрощался.

За разговором он не заметил, как одеревенели суставы, и теперь с трудом переставлял ноги. Слева от дороги не было ни огонька — только ровные поля да какая-то темная масса, которую Рэнсом принял за перелесок. Прошло, казалось, гораздо больше пяти минут, когда он наконец добрался до нес и понял, что ошибся. Рощи здесь не было: деревья, поднявшиеся над головой, росли нешироким поясом, и меж ветвей проглядывало небо. От дороги их отделяла густая живая изгородь с белыми воротами. Без сомнения, это и были «Склоны», а за поясом деревьев скрывался дом с садом. Рэнсом толкнул ворота, но они не поддались. На минуту тишина и густеющая тьма вселили в него нерешительность. Первым побуждением было, несмотря на усталость, идти дальше, в Стерк. Но он обещал старой женщине. К тому же, при желании сквозь изгородь явно можно было продраться. Правда, желания такого Рэнсом не ощущал. Представить только, как он — дурак дураком — выползет из кустов прямо на чудака-пенсионера (кому еще придет в голо-

ву в этих местах держать ворота на запоре!) и поведает ему идиотскую историю о несчастной матери, заливающейся истерическими рыданиями, потому что ее слабоумный сынок на полчаса задержался на работе! Но — куда денешься — обещания нужно выполнять. Ползти сквозь живую изгородь с рюкзаком на спине невозможно, поэтому Рэнсом скинул рюкзак и перебросил его через ворота. Если до этой минуты он пребывал в нерешительности, то теперь сам отрезал себе путь к отступлению: в сад нужно было пробраться хотя бы за рюкзаком. Браня последними словами и себя и старуху, Рэнсом опустился на четвереньки и пополз в кусты.

Изгородь оказалась неожиданно густой, и только через несколько минут, весь в царапинах и крапивных ожогах, он выбрался в сырую мглу под деревьями. На ощупь вернувшись к воротам, Рэнсом подобрал рюкзак и осмотрелся по сторонам. Здесь было светлее, и он без труда разглядел дорогу, которая пересекала запущенный и неопрятный газон и вела к большому каменному дому. Здесь дорога раздваивалась, причем правая ветка плавным изгибом выводила к парадному крыльцу, левая же шла прямо и скрывалась за домом, где, вероятно, находились надворные

постройки. Глубокие колеи на ней, наполненные водой после дождя, наводили на мысль о тяжелых грузовиках. Напротив, правая ветка, по которой Рэнсом и направился к крыльцу, заросла мхом. Ни одно окно в доме не светилось: некоторые были закрыты ставнями, другие зияли черными провалами без ставней и штор, но все казались одинаково безжизненными и негостеприимными. Только густой столб дыма, поднимавшийся из-за дома и рождавший мысль скорее о фабричной трубе, чем о кухонной печи, говорил о том, что здесь есть люди. «Склоны» вовсе не походили на место, где незнакомцев приглашают остаться на ночь, и Рэнсом, конечно, повернул бы назад, если бы не был связан обещанием.

Он поднялся по трем ступенькам на крыльцо, позвонил; не дождавшись ответа, позвонил снова и устало опустился на деревянную скамью возле двери. Ждать пришлось так долго, что, хотя ночь стояла ясная и теплая, пот у него на лице высох и он начал слегка зябнуть. Рэнсом очень устал и, вероятно, поэтому не стал подниматься и звонить в третий раз. Кроме того, умиротворенная тишина в саду, красота летнего неба, уханье совы, время от времени звучавшее неподалеку, — все вокруг дышало покоем. Он уже начинал дремать, как

вдруг какой-то шум заставил его открыть глаза. До него донеслись беспорядочные, прерывистые звуки, чем-то напоминавшие о схватке в регбийном матче. Рэнсом вскочил. Шум нарастал: где-то за домом люди в тяжелых башмаках то ли дрались, то ли боролись, то ли играли в какую-то игру. Теперь стали слышны и крики. Снов, правда, было не разобрать, но явственно звучали резкие выкрики обозленных, тяжело дышащих людей. Рэнсому вовсе не улыбалось оказаться замешанным в темную историю, но надо же было разобраться, что тут происходит! И в эту минуту из-за дома донесся особенно пронзительный крик, в котором можно было различить слова:

— Пустите! Пустите! — И секундой позже: — Я туда не пойду! Отпустите меня домой!

Бросив рюкзак, Рэнсом сбежал с крыльца и кинулся вокруг дома, напрягая одеревеневшие, натруженные ноги. Разбрызгивая грязные лужи, он влетел на задний двор, где оказалось неожиданно много построек. Краем глаза он заметил высокую трубу, низенькую дверь, освещенную изнутри красными бликами, и какую-то огромную черную сферу, закрывающую звезды, которую принял за купол небольшой обсерватории. Но все это тут же вылетело из головы,

потому что внезапно перед ним возникли три сцепившиеся фигуры и он едва не врезался в них. С первого взгляда было ясно, что это старухин Гарри тщетно пытается вырваться из рук двух крепких мужчин. Рэнсом хотел было загреметь: «Вы что делаете с мальчиком?!» — но сумел только неубедительно воскликнуть не слишком внушительным голосом:

— Эй, послушайте!..

Двое поспешно отскочили от заходящегося в плаче мальчишки. Один из них — тот, что был выше и плотнее — заревел как раз таким голосом, какого Рэнсому недоставало:

— Кто вы такой, черт побери? Чего вам здесь надо?

— Я в этих краях в походе. Но я обещал бедной женщине…

— К черту бедную женщину! — перебил тот. — Как вы сюда попали?

На помощь Рэнсому пришло раздражение, и он резко ответил:

— Пролез сквозь изгородь. Мне неизвестно, что вы тут делаете с мальчиком, но…

— Надо было нам завести собаку, — не слушая Рэнсома, бросил толстяк своему компаньону.

— Была у нас собака. Вы же сами пожелали

использовать ее для опыта, — впервые подал голос второй. Он был немного ниже толстяка, но гораздо стройнее и моложе, голос его показался Рэнсому смутно знакомым.

Рэнсом попытался еще раз начать сначала:

— Послушайте, я не знаю, что вы делаете с мальчиком, но его рабочий день давно кончился. Вам пора отослать его домой. Мне вовсе не хочется вмешиваться в ваши дела, но…

— Кто вы такой? — взревел толстяк.

— Если вас интересует имя, меня зовут Рэнсом. Так вот…

— Погодите, — встрепенулся худощавый, — вы, случайно, не учились в школе Уэденшоу?

— Учился.

— То-то мне показалось, что я узнал ваш голос, — улыбнулся тот. — Моя фамилия Дивайн. Помните меня?

— Ну конечно. Еще бы нет! — воскликнул Рэнсом, пожимая ему руку с несколько вымученной сердечностью, обычной для подобных встреч. По правде говоря, из всех соучеников Дивайн оставил у него самые неприятные воспоминания.

— До чего трогательно, а? — ухмыльнулся Дивайн. — Негасимый свет школьных дней сияет даже на пустошах между Наддерби и Стерком.

Самое время нам ощутить комок в горле и вспомнить воскресные проповеди в милой сердцу школьной часовне! Вы, кажется, не знакомы с Уэстоном? — Дивайн указал на своего внушительного и громогласного компаньона. — Не какой-то там, а знаменитый Уэстон. Великий физик. Режет Эйнштейна на части и кушает Шредингера с маслом. Уэстон, позвольте вам представить моего однокашника Рэнсома. Доктор Элвин Рэнсом. Знаменитый Рэнсом. Великий филолог. Режет Есперсена на части и кушает…

— Знать об этом ничего не знаю, — заявил Уэстон, который все еще держал за шиворот несчастного Гарри. — Если вы ждете, что я буду расточать любезности субъекту, который только что вломился ко мне в сад, так я вас разочарую. Мне наплевать, в какой школе он учился и на какое шарлатанство сейчас тратит деньги, так необходимые науке. Я желаю только знать, чего ему здесь надо, а потом пусть убирается, чтобы я его больше не видел.

— Не будьте ослом, Уэстон, — голос Дизайна посерьезнел. — Рэнсом заглянул к нам очень кстати. Рэнсом, не обижайтесь на его манеры. Как говорится, под внешней суровостью скрывается благородное сердце. Вы, конечно, не откажетесь

чего-нибудь выпить и поужинать?

— Очень любезно с вашей стороны, — отозвался Рэнсом. — Но как насчет мальчика…

— Он чокнутый, — зашептал Дивайн, увлекая Рэнсома в сторону. — Обычно работает, как вол, но иногда бывают вот такие припадки. Мы просто хотели отвести его в душевую и подержать там часок, пока не придет в себя. Все равно в таком состоянии домой его отпускать нельзя. Мы это делаем по доброте душевной. Если захотите, чуть погодя сами отведете его домой. А потом возвращайтесь, здесь и переночуете.

У Рэнсома голова шла кругом. Все происходящее было неприятно и подозрительно, он чувствовал, что творится нечто незаконное. С другой стороны, подобно всем своим современникам и собратьям по классу, он был глубоко, хотя и иррационально убежден, что с подобными событиями обычный человек сталкивается только в книжках и они во всяком случае уж никак не связаны с профессорами и старыми школьными товарищами. Так или иначе, Рэнсом понимал: даже если здесь что-то нечисто, отбить мальчишку силой не удастся.

Тем временем Дивайн что-то негромко втолковывал Уэстону. Впрочем, вел он себя вполне естественно: просто хозяин в присутствии гостя

обсуждает, как бы поудобнее его устроить. В конце концов Уэстон издал невнятное ворчание в знак согласия. Рэнсом, кроме всего прочего, теперь испытывал еще и обычную неловкость человека, набивающегося в гости; он повернулся к ним и хотел заговорить. Но Уэстон уже обратился к мальчику:

— Намучились мы с тобой сегодня, Гарри. Будь в нашей стране нормальные законы, я бы с тобой разобрался. Замолчи! Утри сопли! Так и быть, в душевую тебе идти не обязательно…

— Это не душевая, — захныкал слабоумный, — совсем не душевая. Я не хочу снова в эту штуку…

— Это он про лабораторию, — перебил Дивайн. — Он как-то туда залез, и его случайно заперли на несколько часов. Отчего-то он перетрусил там, как заяц. Как говорится, бедный робкий индеец! — Дивайн повернулся к мальчику: — Слушай, Гарри. Этот добрый джентльмен отведет тебя домой, только сначала немного отдохнет. Зайди-ка в дом и посиди тихонько в прихожей, а я тебе дам чего-то вкусненького. — И он очень похоже воспроизвел чмоканье пробки, извлекаемой из бутылки. Гарри понял и радостно захохотал, а Рэнсом вспомнил, что этот трюк Дивайн проделывал еще в школе.

— Пусть заходит, — буркнул Уэстон, повернулся и исчез в доме. Рэнсом заколебался было, но Дивайн стал его уверять, что Уэстон будет просто счастлив провести с ним вечер. Конечно, это была неприкрытая ложь, но Рэнсому гак хотелось отдохнуть и чего-нибудь выпить, что он отбросил все мысли о приличиях. Он последовал за Дивайном и Гарри в дом и минутой позже уже сидел в кресле, поджидая Дивайна, который отправился за виски.

II

В комнате, где оказался Рэнсом, странным образом совмещались убожество и роскошь. Окна без штор были наглухо закрыты ставнями, голый пол усеян пустыми коробками, стружкой, газетами и книгами, а на обоях виднелись пятна там, где у прежних хозяев висели картины и стояла мебель. Однако посреди всего этого разгрома стояли два очень дорогих кресла. А в мусоре на столе среди жестянок из-под сгущенного молока и сардин, сухих кусков хлеба, дешевой посуды, недопитых чашек чая и сигаретных окурков валялись сигары, устричные раковины и бутылки из-под шампанского.

Дивайн все не возвращался, и Рэнсом невольно задумался о нем. Дивайн вызывал у него особое чувство — неприязнь, какую мы испытываем к человеку, которым когда-то в детстве восхищались, пока не поумнели. Дело в том, что Дивайн на полсеместра раньше, чем соученики, освоил разновидность юмора, которая заключалась в постоянном пародировании сентиментальных и патетических штампов, звучащих в речи

взрослых. Несколько недель вся школа, включая Рэнсома, покатывалась от хохота, когда он рассуждал о Незабвенных Школьных Годах, необходимости Хранить Честь и Совесть, о Бремени Белого Человека и Духе Честной Борьбы. Но продолжалось это недолго. Уже в Уэденшоу Рэнсом понял, что Дивайн — зануда, а в Кэмбридже попросту избегал его и только удивлялся издалека, почему другие не замечают, как он безвкусен и банален. Потом Дивайна совершенно неожиданно избрали в совет Лестерского колледжа, и он начал непонятным образом богатеть. Вскоре он уехал в Лондон, где, по слухам, «вращался в деловых кругах». Иногда его имя всплывало в разговорах, и собеседник Рэнсома обычно заканчивал свой рассказ о Дивайне так: «Никуда не денешься, по-своему он чертовски умен», — или жалобно заявлял: «Никогда мне не понять, как этот тип ухитрился так высоко залететь». Насколько можно было судить по краткому разговору во дворе, старый однокашник Рэнсома почти не изменился.

Возвращение Дивайна прервало цепь воспоминаний. В руках у него был поднос с бутылкой виски, стаканом и сифоном.

— Уэстон там соображает чего-нибудь на

ужин. — Он опустил поднос на пол рядом с креслом Рэнсома и занялся бутылкой. Рэнсом, у которого совсем пересохло в горле, тоскливо отметил, что хозяин его не из тех, кто умеет одновременно говорить и заниматься делом: Дивайн подцепил было штопором серебристую фольгу на горлышке, но тут же забыл о ней:

— Откуда вы взялись в этой глуши?

— Просто отправился в поход, — отозвался Рэнсом. — Вчера переночевал в Стоук Андервуде, а сегодня надеялся остановиться в Наддерби. Но там меня не приняли, пришлось идти в Стерк.

— Бог ты мой! — изумился Дивайн, по-прежнему игнорируя бутылку. — Вам что, за это деньги платят, или это чистый мазохизм?

— Я этим занимаюсь для собственного удовольствия. — Рэнсом демонстративно уставился на бутылку.

— А непосвященный способен понять, что в этом привлекательного? — Дивайн наконец вспомнил о своих обязанностях и оборвал крошечный клочок фольги.

— Не знаю, как вам объяснить. Ну, во-первых, мне нравится сам процесс ходьбы…

— Боже! Вам, наверное, и армия была по душе. Как там говорится — шагом марш куда не знаю!

— Нет, что вы! В армии все наоборот. Там ты ни минуты не бываешь один, там за тебя другие решают, куда тебе идти, ты даже не можешь выбрать, по середине дороги шагать или по обочине. А в походе ни от кого не зависишь. Захочешь — остановишься, захочешь — пойдешь дальше. Кроме себя, спрашивать разрешения не у кого.

— А потом однажды вечером в гостинице вас поджидает телеграмма: «Возвращайтесь немедленно!», — улыбнулся Дивайн, сдирая наконец остатки фольги.

— Ну, такое может случиться, только если по глупости оставишь кому-нибудь свой маршрут, да еще и не будешь от него отклоняться. Меня, самое худшее, начнут разыскивать по радио: «Вниманию доктора Элвина Рэнсома, который, повидимому, находится в походе, где-то в Центральных графствах...»

— Начинаю понимать, — протянул Дивайн. Он уже начал вытаскивать пробку, но остановился на полпути. — Если б вы занимались бизнесом, этот номер бы не прошел. Везет же некоторым! Неужели вы можете просто так вот взять и исчезнуть? А как же жена, дети, горячо любимые престарелые родители?

— У меня никого нет — только замужняя сест-

ра в Индии. А кроме того, я же кембриджский преподаватель. Вы, наверное, помните, что стоит преподавателю уйти в длительный отпуск, он все равно что перестает существовать. Даже в колледже никого не волнует, где он и что с ним, а уж за стенами колледжа — и подавно.

Пробка, наконец, выскочила из бутылки с многообещающим чмоканъем. Рэнсом подставил стакан.

— Скажете, когда хватит, — предупредил Дивайн. — Нет, все-таки должна быть какая-то зацепка. Неужели действительно никто не может с вами связаться и не знает, где вы и когда вернетесь?

Рэнсом покачал головой. Дивайн, взявшись за сифон вдруг чертыхнулся.

— Боюсь содовая кончилась. Давайте, я налью воды. Только придется сходить на кухню. Сколько вам?

— Долейте доверху, пожалуйста.

Еще пара минут — и Дивайн вручил Рэнсому долгожданный стакан. Наполовину его опорожнив и откинувшись на спинку кресла, Рэнсом удовлетворенно вздохнул и заметил, что жилище Дивайна вызывает не меньше вопросов, чем его собственный способ проводить отпуск.

— Это верно, — согласился Дивайн. — Но если б вы знали Уэстона, то поняли бы: лучше с ним не спорить, а просто поехать туда, куда он захочет. Что называется, коллега с сильным характером.

— Коллега? — удивился Рэнсом.

— В каком-то смысле. — Дивайн бросил взгляд на дверь, придвинул свое кресло поближе в Рэнсому и заговорил доверительным тоном: — Зато уж в своем деле он мастак. Строго между нами: я вкладываю кое-какие деньги в его исследования. Тут все чисто, комар носа не подточит — идет путем прогресса для блага человечества и тому подобное. Но дело может дойти и до промышленного производства, так что мы стараемся держать все в секрете.

С Рэнсомом тем временем происходило нечто странное. Сначала ему послышалось, что Дивайн несет околесицу, что-то вроде того, что промышленность производит его в секрете, но исследования в Лондоне на себя не натянешь. Тут он понял: слова Дивайна непонятны потому, что их просто не слышно. В этом не было ничего удивительного, ибо и сам Дивайн вдруг удалился на добрую милю, словно Рэнсом видел его четкое изображение в перевернутом бинокле. Из этого далека, из своего крошечного кресла Дивайн при-

стально смотрел на Рэнсома с каким-то новым выражением на лице. Под его взглядом Рэнсом забеспокоился, попытался пошевелиться, но обнаружил, что полностью утратил власть над своим телом. Он не ощущал неудобства, но руки его и ноги словно кто-то прибинтовал к креслу, а голову сжимали восхитительно мягкие, но не поддающиеся усилиям тиски. Страха он не испытывал, хотя знал, что должен испугаться и скоро непременно испугается. Постепенно комната померкла в его глазах.

Впоследствии Рэнсом так и не смог решить для себя, было ли пригрезившееся ему видение просто сном или каким-то таинственным образом предвещало события, описанные далее в этой книге. Он увидел себя, Уэстона и Дивайна в небольшом садике, окруженном стеной, по верху которой торчали осколки стекла. Здесь ярко светило солнце, но за стеной все окутывала тьма. Они старались перелезть через стену, и Уэстон просил подсадить его. Рэнсом все повторял, что лучше не лезть, что по ту сторону слишком темно, но Уэстон настаивал, и в конце концов все трое стали карабкаться на стену. Рэнсом лез последним. Он взобрался наверх и уселся на стену верхом, поддернув под себя пиджак, чтобы

не пораниться о битое стекло. Уэстон и Дивайн уже спрыгнули наружу, в темноту, но не успел он последовать за ними, как вдруг в стене отворилась никем не замеченная дверь и Уэстона с Дивайном ввели в сад небывало диковинные существа, оставили их в саду, а сами вернулись во тьму и заперли за собою дверь. Рэнсом обнаружил, что не может слезть со стены. Он, правда, не испугался, но сидеть на стене было очень уж неудобно, потому что левой ноге было очень светло, а правой — ужасно темно. «Если еще стемнеет, у меня нога отвалится, — заявил он, потом вгляделся в темноту и спросил: Кто вы?». Должно быть, Диковинные Существа еще не разошлись, потому что заухали в ответ многоголосым эхом: «А вы, а вы, а вы?»

Рэнсом начал понемногу осознавать, что нога у него болит не столько от темноты, сколько от холода и усталости, потому что на ней давно уже покоится другая нога. Появилось сознание, что он сидит в кресле в освещенной комнате, а рядом уже довольно давно разговаривают двое. Голова немного прояснилась. Рэнсом понял, что его загипнотизировали или чем-то опоили, а может, и то и другое вместе. Он все еще чувствовал крайнюю слабость, но телом мало-помалу начинал

владеть. Он прислушался, стараясь не выдать себя ни одним движением.

— Мне это начинает надоедать, Уэстон, — звучал голос Дивайна, — особенно если вспомнить, что это я рискую своими деньгами. Говорю вам: он годится не хуже мальчишки, в некотором отношении даже лучше. Но он вот-вот придет в себя. Нужно его немедленно перенести на борт. Лучше б мы это сделали час назад.

— Лучше мальчишки было не придумать, — пробурчал Уэстон. — Для человечества он бесполезен да еще и наплодит идиотов. В цивилизованном обществе такого мальчишку сразу передали бы для опытов в государственную лабораторию.

— Очень может быть. Но в Англии его исчезновением может заинтересоваться Скотланд Ярд. Зато этого любителя совать нос куда не след не хватятся несколько месяцев, да и потом никто не узнает, где он исчез. Пришел он один, адреса не оставил, семьи у него нет. В конце концов, никто его не заставлял лезть не в свое дело.

— По правде говоря, не нравится мне это. Все-таки он человек. Мальчишка — дело другое, все равно что… лабораторный препарат. Но если подумать, и этот — всего лишь индивид, да к

тому же, наверно, совершенно бесполезный. Мы ведь и сами рискуем жизнью. Когда дело идет о великой цели…

— Ради Бога, давайте без этого! У нас нет времени.

— Я думаю, — торжественно произнес Уэстон, — если бы он был способен понять, он бы согласился.

— Берите его за ноги, а я возьму за голову.

— Если он должен скоро прийти в себя, неплохо бы добавить еще одну дозу, — предложил Уэстон. — До рассвета мы в путь все равно не отправимся. Ничего хорошего, если он будет три часа буянить там, внутри. Пусть лучше проснется, когда мы будем уже в пути.

— Это верно. Присмотрите за ним. Я сбегаю наверх, принесу все, что нужно. Дивайн вышел. Сквозь полуприкрытые веки Рэнсом видел нависшего над ним Уэстона. Он не знал, сможет ли сделать резкий рывок, но это был его единственный шанс. Только дверь за Дивайном закрылась, он, собрав все силы, бросился в ноги Уэстону. Физик повалился через него грудью на кресло, и Рэнсом, с трудом стряхнув его ноги, вскочил и кинулся в прихожую. Слабость одолела его, и он упал; однако, подгоняемый ужасам, нашел силы

подняться, отыскал наружную дверь и стал отчаянно дергать засовы. Но руки дрожали, в темноте он не мог ничего разглядеть. Кто-то схватил его за плечи и за ноги. Рэнсом лягался, извивался, обливался потом и орал во весь голос, слабо надеясь на чью-нибудь помощь. Он и сам бы не поверил, что способен на такое отчаянное сопротивление. На как-то-то секунду он, торжествуя, распахнул дверь, ощутил на лице свежий ночной ветерок, увидел спокойные звезды и даже собственный рюкзак на крыльце. В следующее мгновение на голову обрушился тяжелый удар. Сознание померкло, и в последний миг он услышал стук захлопнутой двери и почувствовал, как сильные руки тащат его назад, в темный коридор.

III

Сознание понемногу возвращалось, но со всех сторон Рэнсома по-прежнему окружала тьма. Жестокая головная боль и крайняя слабость долго не позволяли ему определить, где он находится. Все же он обнаружил, что лежит в постели; а вытерев обильный пот со лба, заметил, что в помещении жарко. Рэнсом сбросил простыни и при этом коснулся правой рукой стены — от нее полыхало жаром. Помахав левой рукой в пустоте, он заключил, что воздух здесь прохладнее: стало быть, жар шел от стены. Рэнсом ощупал лицо и почувствовал над левым глазом здоровенную шишку. Он тут же вспомнил схватку с Уэстоном и Дивайном. Должно быть, они заперли его в сарае позади плавильной печи. Подняв глаза, он обнаружил, что сверху струится тусклый свет, и понял, что, сам того не замечая, с самого начала различал движения своих рук в темноте. Прямо над головой у него располагался как бы световой люк — квадрат усеянного звездами ночного неба. Ночь, как видно, стояла небывало морозная. Пылающие звезды бились в конвульсивной пульса-

ции, словно охваченные нестерпимой болью или блаженством. Бессчетные, беспорядочно разбросанные в густой черноте мириады солнц, ярких, как во сне, приковали к себе Рэнсома, заставили сесть на кровати, взволновали и растревожили его душу. В такт их мерцанию быстрее забился пульс боли у него в висках. Тут Рэнсом вспомнил, что его чем-то опоили. «Наверное, — подумал он, — это зелье как-то воздействует на зрачки, отсюда и небывалое великолепие небес», — но тут его взгляд привлекло появившееся в углу люка серебряное свечение, напоминавшее чуть ли не восход солнца в миниатюре. Еще несколько минут — и в поле зрения вполз край полной луны. Рэнсом застыл в недоумении. Такой ослепительно-белой, огромной луны ему никогда не доводилось видеть. «Как будто большой футбольный мяч прямо за стеклом», — подумал он, но тотчас же понял, что диск гораздо больше. Без сомнения, с его глазами что-то случилось: луна никак не могла быть таких размеров.

Сияние этого непонятного гигантского небесного тела проникло во все уголки помещения, словно наступил день. Рэнсом обнаружил, что находится в престранной комнате. Внизу она была такой тесной, что кровать и приставлен-

ный к ней столик занимали ее почти целиком; однако стены шли от пола под тупым углом, и потолок казался вдвое шире пола. Создавалось впечатление, что лежишь на дне узкой и глубокой тачки. Рэнсом уверился окончательно, что зрение его серьезно расстроилось — может быть, на время, а может, и навсегда. Но в остальном он быстро приходил в себя и даже начал ощущать какую-то особую легкость на сердце и приятное возбуждение. Правда, по-прежнему было очень жарко, и прежде, чем встать и осмотреть комнату, он сбросил одежду, оставшись в брюках и рубашке. Когда же, наконец, он решился встать, произошло нечто настолько не лезущее ни в какие рамки, что Рэнсом с еще большей тревогой вспомнил о снадобье, выпитом по милости Дивайна. Хотя Рэнсом не прилагал никаких особых усилий, он взмыл над кроватью, сильно ударился головой о верхний люк и, как мешок, свалился на пол у противоположной стены. Если верить его прежним впечатлениям, стена должна была отклоняться наружу, как боковина тачки. Ничего подобного! Он осмотрел ее, ощупал… сомнений быть не могло: стена образовывала с полом прямой угол. Соблюдая на этот раз максимальную осторожность, Рэнсом поднялся на ноги. Тело его

было таким легким, что стоило немалых усилий не отрываться от пола. Впервые Рэнсом заподозрил, что уже умер и стал призраком. При этой мысли он задрожал; но укоренившаяся привычка мыслить рационально взяла верх, и он запретил себе даже думать об этом. Взамен он продолжил осмотр своей тюрьмы. Результат был несомненным: все стены казались расположенными под тупым углом к полу, но стоило приблизиться к стене — и обнаруживалось, что она поднимается строго перпендикулярно: это подтверждало и зрение, и осязание. Кроме того, наблюдения Рэнсома пополнились еще двумя любопытными фактами. Во-первых, и пол и стены комнаты были металлическими и почти незаметно беззвучно вибрировали. Необычная эта вибрация отличалась от механической дрожи моторов или станков; скорее она наводила на мысль о живом организме. Во-вторых, тишину постоянно нарушали какие-то мелодичные постукивания и позвякивания, несущиеся с потолка. Уловить в них правильный ритм не удавалось; было похоже, будто кто-то обстреливает металлическую камеру маленькими звенящими снарядами.

К этому времени Рэнсом ощущал уже сильный страх. Это не был прозаический испуг человека

на войне. Страх кружил ему голову, как вино, и был почти неотделим от общего нервного возбуждения. Рэнсом словно балансировал между чудовищным ужасом и экстатической радостью и каждую секунду был готов рухнуть в пропасть — или вознестись в небеса. Теперь он понял, что место его заключения — не подводная лодка. В то же время едва заметная вибрация стен вряд ли могла быть вызвана передвижением на колесах. Скорее уж это корабль или какой-нибудь летательный аппарат… Но и эти предположения никак не объясняли странного самочувствия и ощущений ученого. Так и не придя ни к какому выводу, он сел на кровать и уставился на зловещий лик луны.

Пусть даже это летательный аппарат… Но откуда такая огромная луна? Она еще больше, чем ему сперва показалось. Луна такой вообще не бывает… — тут он понял, что знал об этом с самого начала, но ужас заставил его лгать самому себе. И в ту же минуту Рэнсом задохнулся от внезапной мысли: полной луны в эту ночь быть не могло! Когда он шел из Наддерби, ночь была безлунной. Даже если от его внимания и ускользнул тоненький серпик месяца, не мог же он за несколько часов превратиться в это чудовище! Да нико-

гда месяцу не превратиться в этот невиданный диск, одержимый манией величия! Какой уж там футбольный мяч — он же закрывает полнеба! А кроме того, куда подевались знакомые пятна на луне, напоминающие человеческое лицо, — все люди от начала времен их видели, а теперь Рэнсом их не обнаруживал?! Это вовсе не луна, подумал Рэнсом и почувствовал, как волосы у него встают дыбом.

Раздавшийся за спиной звук заставил его резко оглянуться. Дверь открылась, впустив в комнату рой слепящих лучей, и тут же захлопнулась снова. Перед Рэнсомом стоял грузный обнаженный мужчина. Это был Уэстон. Может быть, похититель ждал, что пленник набросится на него с упреками или потребует объяснений. Но для Рэнсома в эту минуту существовал только чудовищный шар над головой, Уэстон же был сейчас просто человеком, спасителем от одиночества, и нервное напряжение, которое поддерживало его в борьбе с бездонным отчаянием, разрешилось слезами. Всхлипывая и задыхаясь, он прокаркал сведенным судорогой горлом:

— Уэстон! Уэстон! Что это? Ведь не бывает же такой луны?!

— Это не Луна, — ответил Уэстон. — Это Земля.

IV

Ноги Рэнсома подломились, и он упал на кровать, но не заметил этого. Ужас затопил все его существо. Он не знал даже, чего страшится: это был бесформенный, беспредметный, беспредельный страх. Даже потерять сознание было ему не дано, как он этого ни хотел. Умереть, уснуть, а еще лучше — проснуться и обнаружить, что все это было сном, все, что угодно, только не этот тошнотворный ужас. Но вскоре к нему начало возвращаться самообладание — эта полулицемерная добродетель, без которой невозможно общение между людьми, — и он сумел обратиться к Уэстону без постыдной дрожи в голосе:

— Это правда?

— Безусловно.

— Где же мы находимся?

— Приблизительно в восьмидесяти пяти тысячах миль от Земли.

— Так значит, мы… в космосе? — Рэнсом с трудом выдавил это слово — так испуганный ребенок говорит о привидениях, а взрослый — о раковой опухоли.

Уэстон кивнул.

— Но зачем? Чего ради вы меня похитили? И как вам все это удалось?

На секунду Рэнсому показалось, что Уэстон не намерен отвечать. Но, видимо, физик передумал и, опустившись на кровать рядом с Рэнсомом, заговорил:

— Полагаю, лучше уж мне сразу покончить с этими вопросами, а то вы целый месяц проходу нам не дадите. Как нам это удалось? То есть, вероятно, вы хотите узнать, как действует космический корабль? Это вам объяснять бесполезно. Разобраться в этом могли бы человека четыре-пять — настоящие физики. Впрочем, будь вы способны понять, я бы тем более ничего вам объяснять не стал. Могу сказать — если вам от этого станет легче, — что мы используем малоизвестные свойства излучения Солнца. Сказать так — значит ничего не сказать, но для профана в науке и такого объяснения вполне достаточно. Второй вопрос: зачем мы здесь? Отвечаю: мы направляемся на Малакандру…

— Малакандра — это звезда?

— Даже вам едва ли должно прийти в голову, что мы летим за пределы Солнечной системы! Нет, Малакандра гораздо ближе. Мы доберемся

до нее дней за двадцать восемь.

— Но ведь нет такой планеты — Малакандра, — возразил Рэнсом.

— Я употребляю настоящее название, а не то, которое изобрели земные астрономы, — пояснил Уэстон.

— Что за ерунда! Откуда вам известно, что это «настоящее название»?!

— От обитателей планеты.

Это заявление было не так-то просто переварить.

— Вы что, хотите сказать, что уже были на этой звезде… то есть планете… в общем, там, куда мы летим?

— Вот именно.

— Но в это же невозможно поверить, — возмутился Рэнсом. — Черт побери, ведь такие вещи не каждый день случаются! Почему об этом никто знать не знает? Почему в газетах не было ни слова?

— Потому что мы еще не совсем спятили, — резко бросил Уэстон.

Наступило молчание, но вскоре Рэнсом заговорил снова:

— А как у нас называется эта планета?

— Зарубите себе на носу: этого я вам не скажу.

Если сумеете узнать сами, когда мы доберемся до места, ради Бога: думаю, что нам от ваших ученых изысканий вреда не будет. А пока что вам знать ни к чему.

— Но, по вашим словам, планета обитаема?

Уэстон как-то странно взглянул на него и кивнул. Рэнсому стало не по себе, но он тут же ощутил, как из хаоса противоречивых чувств, обуревавших его, вырастает гнев.

— Но я-то здесь причем? — взорвался он. — Вы на меня напали, опоили, засунули в свою адскую машину и теперь везете невесть куда! Что я вам сделал? Как вы все это объясните?

— Я мог бы ответить, что вы, как тать, прокрались ко мне во двор. Если б не лезли не в свое дело, не оказались бы здесь. Впрочем, нам действительно пришлось посягнуть на ваши права. Однако скажу в свое оправдание, что все мелкое должно отступить перед великим. Насколько нам известно, то, что мы делаем, совершается впервые в истории человечества, а то и в истории Вселенной. Мы сумели покинуть пылинку материи, где появился на свет наш род, и теперь в руках человека бесконечность, а может быть, и вечность. Неужели вы настолько ограничены, чтобы перед лицом этого небывалого свершения

вспоминать о жизни и правах отдельной личности — или даже миллиона личностей?

— Вот именно вспоминаю, — твердо ответил Рэнсом. — Для меня жизнь священна, я всегда выступал даже против вивисекции. Но вы не ответили на вопрос. Зачем я вам нужен? Как я могу вам пригодиться там — на Малакандре?

— Это мне неизвестно, — сказал Уэстон. — Идея принадлежит не нам. Мы только выполняем приказ.

— Чей?

Уэстон ответил не сразу.

— Послушайте, — произнес он наконец, — продолжать этот перекрестный допрос бесполезно. Каких-то ответов на ваши вопросы я и сам не знаю, а других вы не поймете. Наше путешествие будет гораздо приятнее, если вы смиритесь со своей судьбой и перестанете мучить и себя и нас. Все было бы проще, не будь вы таким узколобым индивидуалистом. Мне-то думалось, что роль в таком спектакле воодушевит кого угодно. По-моему, даже червяк согласился бы на эту жертву, если бы мог соображать. Не поймите меня превратно: я хочу сказать, что пожертвовать придется временем и свободой. Конечно, есть и риск, но он невелик.

— Ну что ж, — отозвался Рэнсом, — козыри на руках у вас. Придется сыграть в вашу игру. Впрочем, если я подхожу к жизни как узколобый индивидуалист, то вы — как буйнопомешанный. Все ваши разглагольствования насчет бесконечности и вечности только и означают, что вы считаете себя вправе творить все что угодно здесь и сейчас, а в оправдание приводите сомнительное соображение, будто некие существа, ведущие свой род от человека, в каком-нибудь уголке Вселенной протянут на пару тысячелетий дольше.

— Именно так: ради этого можно пойти на что угодно! — загремел физик. — И все, кто чтит истинную науку, а не белиберду вроде латыни и истории, будут на моей стороне. Хорошо, что вы об этом заговорили, советую запомнить мой ответ… А сейчас давайте пройдем в соседнюю комнату и позавтракаем. Вставайте осторожно: по сравнению с Землей, здесь вы почти невесомы.

Рэнсом поднялся, и Уэстон распахнул дверь. Комнату тут же залил поток слепящего золотого сияния, совершенно затмивший бледный свет Земли.

— Сейчас я вам дам темные очки, — сказал Уэстон, проходя в комнату, откуда лилось сияние.

Рэнсому показалось, что Уэстон поднимался в гору до самой двери, а сразу за ней исчез куда-то вниз. Он осторожно последовал за ним. Его охватило странное ощущение, будто он приближается к краю обрыва. Комната за дверью словно лежала на боку, ее дальняя стена была почти параллельна полу комнаты с кроватью. Но, с опаской перенеся ногу через порог, он обнаружил, что никакого излома в полу нет. Едва дверь осталась позади, как стены внезапно выпрямились и закругленный потолок оказался над головой. Оглянувшись, Рэнсом увидел, что теперь уже спальня встала на попа — потолок превратился в стену, а одна из стен — в потолок.

— К этому скоро привыкнете, — успокоил Уэстон, перехватив его взгляд. — Корабль имеет форму сферы, и теперь, когда мы вышли за пределы земного тяготения, центр притяжения совпадает с центром корабля. Конечно, мы это предусмотрели и построили корабль именно с таким расчетом. Его сердцевина — полый шар, там у нас склад припасов, а поверхность этого шара — пол у нас под ногами. Вокруг внутреннего шара расположены каюты, и их стены поддерживают внешний шар — с нашей точки зрения, это потолок. Поскольку центр всегда ощущает-

ся «внизу», любой участок пола, где вы стоите, кажется горизонтальным, а ближайшая стена — вертикальной. С другой стороны, внутренний шар достаточно мал, чтобы всегда можно было заглянуть за его край — будь вы блохой, этот край показался бы вам горизонтом. Поэтому видно, что пол и стены соседней каюты расположены в иной плоскости. На Земле дело обстоит точно так же, просто мы слишком малы, чтобы увидеть это своими глазами.

Покончив с объяснениями, Уэстон без особых церемоний предложил Рэнсому раздеться донага, чтобы не страдать от жары. Вместо одежды Рэнсом надел по его совету тонкий металлический пояс, увешанный тяжелыми грузами, чтобы по возможности компенсировать непривычную легкость тела. Кроме того, Уэстон выдал ему темные очки. Вскоре они уже сидели за маленьким столиком, накрытым к завтраку. Проголодавшийся Рэнсом с жадностью набросился на еду: мясные консервы, галеты, масло и кофе.

Но все эти действия Рэнсом совершал механически, сознание его не зафиксировало ни новой экипировки, ни подробностей завтрака. Единственное, что накрепко врезалось ему в память — всепроникающий свет и жара. На Земле они

были бы невыносимыми, но здесь обладали особыми качествами. Свет был не такой резкий, как на Земле — не чисто белый, а бледно-бледно-золотистый, — но при этом отбрасывал четкие тени, словно прожектор. Совершенно сухой жар проходился по коже, как руки гигантского массажиста, и вызывал не сонливость, а возбуждение. Головная боль прошла. Рэнсом как никогда ощущал бодрость, отвагу и воодушевление. Вскоре он даже осмелился поднять глаза к прозрачному потолку. Стальные заслонки оставляли свободным лишь маленький стеклянный просвет, который, в свою очередь, прикрывала шторка из плотной темной материи; и все же Рэнсом был ослеплен и поспешно отвел взгляд.

— Мне всегда казалось, что в космосе мрак и холод, — нерешительно пробормотал он.

Уэстон презрительно усмехнулся.

— А про Солнце забыли?

Несколько минут Рэнсом молча поглощал еду. Потом сделал еще одну попытку.

— Если здесь уже рано утром такое творится… — начал было он, но тут же замолк, увидев, что лицо Уэстона складывается в презрительную гримасу. Его охватило изумленное благоговение: ведь здесь не было ни утра, ни вечера, ни ночи

— здесь царил вечный полдень, наполнявший бесконечное пространство на протяжении бесчетных столетий. Он снова взглянул на Уэстона, но тот жестом заставил его молчать.

— Ни слова больше. Все необходимое мы обсудили. На корабле слишком мало кислорода, чтобы заниматься чем-нибудь лишним — даже разговорами.

Вслед за этими словами он встал и, не приглашая Рэнсома последовать за собой, вышел в одну из многочисленных дверей, которые до сих пор были закрыты.

V

Казалось бы, перелет к Малакандре должен был пройти для Рэнсома в ужасе и тревоге. Астрономическое расстояние отделяло его от человечества, а тем двоим, которые находились рядом, он имел все основания не доверять. Его везли неведомо куда, и к тому же похитители наотрез отказались объяснить, зачем он им понадобился. Дивайн и Уэстон посменно несли вахту в отсеке, куда Рэнсома не допускали, — по-видимому, там располагался центр управления кораблем. Уэстон, сменившись с дежурства, не произносил почти ни слова. Дивайн был более разговорчив и часто болтал с пленником, при этом громко хохоча, пока Уэстон не начинал колотить в переборку, крича, что они тратят воздух. Но стоило разговору достичь определенной точки — и Дивайн таинственно замолкал. Впрочем, он всегда с готовностью высмеивал Уэстонову «святую веру в идеи науки». По его словам, ему было наплевать и на будущее рода человеческого, и на контакт двух миров.

— На Малакандре сыщется и еще кое-что, — с

хитрецой подмигивал он Рэнсому. Но когда тот требовал разъяснений, Дивайн, ухмыляясь, начинал иронически разглагольствовать о «бремени белого человека» и «благах цивилизации».

— Так значит, там действительно есть жители? — не сдавался Рэнсом.

— О, в таких делах туземный вопрос всегда стоит на повестке дня, — отвечал Дивайн. Главным же образом он болтал о том, чем займется, вернувшись на Землю; в его речах то и дело упоминались океанские яхты, женщины, которые другим не по карману, и роскошная вилла на Ривьере. — Попусту я бы рисковать не стал, — добавлял он.

Если Рэнсому случалось впрямую спросить, какую роль отвели ему, Дивайн предпочитал просто промолчать. Лишь однажды, будучи не слишком трезвым, он признал, что они с Уэстоном в общем-то хотят «проехать за его, Рэнсома, счет».

— Но я уверен, — прибавил Дивайн, — вы не посрамите добрую старую школу!

Все это, как я уже сказал, могло растревожить кого угодно. Однако, как ни странно, Рэнсом особой тревоги не ощущал. Не так-то просто с сомнением вглядываться в будущее, когда чувствуешь себя так необыкновенно хорошо,

как Рэнсом во время перелета. С одной стороны корабля была бесконечная ночь, с другой — бесконечный день; и Рэнсом, полный восторга, по своей воле мог сменить одно чудо на другое. Одним поворотом дверной ручки он творил ночь и часами лежал, созерцая небо сквозь прозрачный корпус корабля. Диск Земли давно исчез из виду, и повсюду царили звезды, бесчисленные, как маргаритки на нескошенном лугу. Не было ни солнца, ни луны, ни облаков, чтобы поспорить с ними за власть над небесами. Перед Рэнсомом в ореоле величия проходили планеты и неведомые созвездия, небесные сапфиры, рубины, изумруды и зерна расплавленного золота; в левом углу картины висела крошечная, невероятно удаленная комета; и фоном для этого великолепия служила бездонная, загадочная чернота, куда более яркая и осязаемая, чем на Земле. Звезды пульсировали и, казалось, становились тем ярче, чем дольше он в них вглядывался. Обнаженный, раскинувшись на кровати, как некая вторая Даная, Рэнсом с каждой ночью все больше проникался верой в учение древних астрологов. Он то ли воображал, то ли действительно чувствовал, как звездные токи вливаются — даже вонзаются в тело, отдавшееся их власти. Вокруг царила тишина, если не

считать неритмичного позвякивания. Теперь он знал, что его производили метеориты — мельчайшие летучие частицы мирового вещества, которые постоянно бомбардировали пустотелый стальной шар. Более того, он догадывался, что в любую секунду они могут столкнуться с объектом, достаточно большим, чтобы превратить в метеориты и корабль, и путешественников. Но страх не приходил. Теперь, вспоминая, как Уэстон в ответ на его панический ужас назвал его ограниченным, Рэнсом готов был с ним согласиться: воистину это небывалое путешествие в обрамлении торжественно застывшего мироздания вызывало не ужас, а глубокое благоговение. Но лучше всего был день — то есть часы, проведенные в обращенном к Солнцу полушарии их крохотного мирка. Часто Рэнсом, отдохнув всего несколько часов, возвращался в страну света, куда его неудержимо влекло. Он не уставал удивляться, что полдень ожидает его в любой час — стоит только пожелать. Он с головой окунулся в волны чистого. неземного, невероятно яркого, но не режущего света. Полуприкрыв глаза, он подставлял тело и сознание лучам и чувствовал, как день за днем они сдирают с него грязь, оттирают дочиста, наполняют жизненной силой, — а

чудесная колесница, чуть подрагивая, влекла его все дольше по тем краям, где не властна ночь. В ответ на его вопросы Уэстон как-то раз нехотя пояснил, что эти ощущения легко объяснимы с точки зрения науки: на людей в корабле воздействуют различные формы излучения, для которых земная атмосфера непрозрачна.

Однако мало-помалу Рэнсом осознал, что есть и другая. духовная причина, благодаря которой на сердце у него становилось все легче, а в душе царило ликование. Он постепенно освобождался от кошмара, наведенного на сознание нынешнего человека мифами современной науки. Ему приходилось читать о космосе, и в глубине его души сложилась мрачная фантазия о черной, безжизненной, скованной морозом пустоте, разделяющей миры. До сих пор он и не подозревал, как мощно эта картина влияла на все его мысли. Но теперь, по отношению к океану небесного сияния, в котором они плыли, само название «космос» казалось богохульной клеветой. Как можно было говорить о безжизненности, если каждое мгновение пространство вливало в него новую жизнь? Иначе и быть не могло: ведь из этого океана возникли и миры, и жизнь на их поверхности. Напрасно считал он пространство

бесплодным — нет, оно породило все бессчетные пылающие миры, что глядят по ночам на Землю. А здесь он увидел, что миров во сто крат больше! Нет, назвать все это «космосом» невозможно. В старину мудрецы поступали верно, говоря просто о «небесах» — о небесах во славе своей, о

…благословенных краях
Где день не смыкает очей
В высоких просторах небесных полей.

Часто Рэнсом с любовью повторял про себя эти строки Мильтона.

Но, конечно, Рэнсом не только нежился на солнце. Насколько ему дозволялось, он обследовал корабль, проплывая из комнаты в комнату, как в замедленной съемке, поскольку Уэстон предупредил спутников, что, двигаясь медленно, они расходуют меньше воздуха. Из-за сферической формы на корабле было много неиспользуемых отсеков; впрочем, Рэнсом был уверен, что его похитители — по крайней мере, Дивайн — рассчитывают на обратном пути превратить их в трюмы для какого-то груза. Кроме того, как-то само собой получилось, что он стал выполнять обязанности стюарда и кока. С одной стороны, ему казалось естественным делать хоть какую-нибудь работу: ведь в рубку управления его так и

не допускали. С другой же, Уэстон так или иначе превратил бы его в слугу — его поведение ясно об этом говорило, — а Рэнсом предпочитал скорее работать добровольно, чем по принуждению. Да и готовил он гораздо лучше спутников.

Именно работа в кухне позволила ему невольно подслушать разговор, который сильно его встревожил. Произошло это, по его подсчетам, недели через две после начала путешествия. В тот день Рэнсом, как всегда, вымыл после ужина посуду, принял солнечную ванну, поболтал с Дивайном, который был куда разговорчивее Уэстона, хотя, по мнению филолога, и гораздо более омерзительным, и в обычное время лег в постель. Но ему не спалось, и час-другой спустя он вдруг вспомнил, что не сделал в камбузе кое-какие мелкие приготовления к завтраку. Дверь в камбуз находилась в кают-компании, где всегда был день, рядом с дверью в рубку управления. Не медля, Рэнсом отправился туда, беззвучно ступая босыми ногами.

Потолок камбуза выходил на ночную сторону, но зажигать свет Рэнсом не стал, так как в приоткрытую дверь вливался поток солнечного сияния. Каждый, кому приходилось вести домашнее хозяйство, легко представит себе, что дел оказалось

гораздо больше, чем думал Рэнсом. Привычные действия почти не производили шума. Закончив все, Рэнсом уже вытирал руки полотенцем, висевшим за дверью, как вдруг услышал, что открывается дверь рубки, и увидел силуэт человека — судя по всему, это был Дивайн. Тот не вошел в кают-компанию, а остался стоять в дверях, в то время как Уэстон находился в рубке. Таким образом, получилось, что Рэнсом ясно слышал слова Дивайна, но реплики Уэстона разобрать не мог.

— По-моему, дурацкий план, — раздраженно произнес Дивайн. — Одно дело, если бы эти твари поджидали нас на месте посадки, — а если придется их искать? Вы считаете, лучше его усыпить, а потом тащить на себе вместе с рюкзаком? Нет уж, пусть идет сам и несет свою долю груза.

Уэстон что-то ответил.

— Да откуда же он узнает? — парировал Дивайн. — Мы же не дураки, чтобы ему сказать! Но даже если он что-нибудь заподозрит, у него кишка тонка сбежать на чужой планете. У него же нет ни еды, ни оружия. Вот увидите, стоит ему углядеть первого сорна, он у вас в ногах будет валяться! И снова послышался неразборчивый голос Уэстона.

— А мне откуда знать? — ответил Дивайн. —

Может быть, тамошний вождь, а скорее, какой-нибудь местный божок.

На этот раз из рубки донесся односложный вопрос. Дивайн тут же отозвался:

— Тогда понятно, зачем он им нужен.

Уэстон вновь что-то спросил.

— Я думаю, человеческое жертвоприношение. Но ведь для них жертва не будет человеческой — я думаю, вы меня понимаете.

Уэстон разразился целой тирадой, вызвавшей у Дивайна характерный иронический смешок:

— Безусловно, безусловно! Я прекрасно понимаю, что вы идете на это из высших побуждений. Продолжайте в том же духе, пока они не мешают моим побуждениям.

Уэстон все не умолкал, и на этот раз Дивайн его перебил:

— Вы сами-то не собираетесь праздновать труса, а? — и, послушав еще немного, резко заключил: — Если вам эти твари так по душе, можете оставаться там и породниться с ними — хотя мы еще не знаем, обладают ли они полом. Вам нечего беспокоиться. Когда придет время, мы для вас парочку сохраним. Можете их держать дома вместо собаки, анатомировать или спать с ними — как вам больше нравится… Это я знаю

не хуже вас. Абсолютно омерзительны. Ну, я же просто пошутил. Спокойной ночи.

Дивайн захлопнул дверь рубки, пересек кают-компанию, вошел в свою каюту и, как всегда, неизвестно зачем запер дверь. Рэнсом почувствовал, как отпускает его напряжение. Он слушал, затаив дыхание, и только теперь осмелился сделать глубокий вдох. Наконец он осторожно вышел из камбуза.

Благоразумие призывало Рэнсома как можно скорее вернуться в постель, но он все стоял в кают-компании, вбирая знакомый солнечный свет с каким-то новым, мучительным чувством. С этих небес, из этих счастливых сфер им предстояло опуститься — но куда? Что его ожидает? Сорны, человеческие жертвы, омерзительные бесполые чудовища! Что такое «сорн»? Теперь перед ним явственно вырисовалась его собственная роль во всем этом деле. Кто-то послал за ним. Конечно, не за ним лично. Кому-то понадобилась жертва — любая жертва — с Земли. Выбрали именно его, потому что выбирал Дивайн: только теперь он с изумлением понял, что все эти годы Дивайн так же ненавидел его, как он ненавидел Дивайна. Но что же такое «сорн»? Увидев их, он повалится в ноги Уэстону… В сознании Рэнсома, как и у других

людей его поколения, не было недостатка в кошмарных чудищах. Он читал и Уэллса, и другие книги. Его вселенную населяли монстры, рядом с которыми бледнели химеры древней и средневековой мифологии. Чужой мир он всегда был готов заселить насекомоподобными, пресмыкающимися или ракообразными страшилищами с дергающимися усиками, кожистыми крыльями, слизистой шкурой, жадными щупальцами — а главное, эти богомерзкие твари противоестественно соединяли в себе сверхчеловеческий интеллект и ненасытную кровожадность. Сорны, должно быть… но нет, он не решался представлять их себе. И его собираются им отдать! Почему-то это казалось еще более ужасным, чем если бы сорны его изловили. Отдать, вручить, предложить! Его воображение рисовало какие-то тошнотворные, несовместимые детали: выпученные глаза, острозубый оскал, рога, хоботы, жвала. Омерзение к насекомым, змеям, к бесформенной, хлюпающей, засасывающей протоплазме играло на его нервах симфонию ужаса. Но он знал, в действительности все будет еще хуже: то, что он встретит, будет чуждо земному сознанию, и потому непредставимо! И в эту минуту Рэнсом принял решение. Пусть смерть, но только не сорны. На

Малакандре он использует любую возможность для побега. Лучше он будет голодать, лучше сорны будут охотиться за ним, но он не позволит Дивайну и Уэстону просто отдать его чудовищам. Если же бежать не удастся, придется покончить с собой. Рэнсом был набожным человеком, и в этом случае надеялся, что будет прощен. Другого решения он не мог бы принять, как не мог отрастить себе третью руку. Не раздумывая больше, он прокрался назад в камбуз и выбрал самый острый нож. Больше он с ним не расстанется, пообещал себе Рэнсом. Ужасные переживания последних минут так изнурили его, что, добравшись до кровати, он тут же провалился, как в пропасть, в крепкий сон без сновидений.

VI

Он проснулся отдохнувшим и даже испытал что-то вроде стыда за свой испуг прошлым вечером. Конечно, он попал в серьезную переделку, и шансов живым вернуться на Землю не было почти никаких. Но с обычным страхом смерти можно справиться и ожидать ее с гордо поднятой головой. Куда более сложную проблему представлял иррациональный, идущий из глубин организма ужас при мысли о чудовищах. Но и с ним Рэнсом сумел в какой-то мере совладать, когда принимал солнечную ванну после завтрака. К нему пришло чувство, что существу, парящему в небесах, не пристало унижать себя страхом перед теми, кто прикован к планетам. Он подумал даже, что нож годится не только для самоубийства. Вообще говоря, такое воинственное настроение лишь изредка посещало Рэнсома. Подобно многим современникам, он не слишком высоко ценил свое мужество. Конечно, мальчишкой и он мечтал о доблести в бою, но когда ему самому пришлось понюхать пороха на войне, он стал совсем иначе — и, может быть, слишком

низко — оценивать свою способность к героизму. Вот и сейчас Рэнсом побаивался, что пришедшей было твердости духа хватит ненадолго, но все же готов был побороться с врагами. Час проходил за часом, Рэнсом то засыпал, то вновь бодрствовал, а Солнце все сияло в небе, и долгий-долгий день не кончался. Но вот что-то стало меняться. Мало-помалу начала спадать жара. Путникам пришлось снова облачиться в одежду, а потом и надеть теплое белье. Вскоре понадобилось даже включить электрическое отопление в центре шара. Одновременно стало заметно, что солнечный свет как-то трудноуловимо слабеет. Сравнивая его с всепроникающим сиянием начала путешествия, Рэнсом это отчетливо понимал, но его привычные к Земле чувства отказывались свидетельствовать, что света стало меньше и, тем более, что вокруг «стемнело». Ведь свет оставался таким же «неземным», как и в первые минуты. На Земле, когда солнце клонится к закату, тело охватывает влажная прохлада, а в воздухе играют призрачные цветные переливы. Но здесь, как понял Рэнсом, сила света могла уменьшиться вполовину — и оставшаяся половина не изменила бы своей природы. Пока солнечный свет вообще воспринимался глазом, он оставался

самим собой — вплоть до невероятно дальнего предела, где терял последние силы. Рэнсом как-то заговорил об этом с Дивайном.

— Вот-вот! — ухмыльнулся тот. — Все равно как мыло остается мылом до последнего клочка пены!

Минуло еще несколько суток, и привычная рутина корабельной жизни изменилась. Уэстон объяснил, что они скоро войдут в пределы гравитационного поля Малакандры.

— Это значит, что «низ» у нас будет по направлению не к центру корабля, а к Малакандре — то есть, с нашей точки зрения, в рубке управления. Соответственно, в большинстве отсеков пол станет стеной или потолком, а одна из стен превратится в пол. Радости вам от этого будет мало.

Теперь блаженное созерцание сменилось изнурительной работой. Часами Рэнсом вдвоем с тем из спутников, кто был свободен от вахты в рубке, готовил корабль к новому испытанию. Металлические бочонки с водой, кислородные баллоны, оружие, боеприпасы, коробки с продуктами — все нужно было аккуратно сложить на боку у соответствующей стены, чтобы снаряжение не пострадало, когда эта стена станет полом. Не успели они закончить свой труд, как Рэнсом с

тревогой почувствовал нарастающую тяжесть в ногах. Сначала он подумал, что виною усталость, но отдых не принес облегчения. Ему объяснили, что корабль уже пойман гравитационным полем планеты, и потому тело с каждой минутой набирает вес, причем каждые 24 часа вес удваивается. Ощущение, испытываемое при этом, можно было сравнить с ощущениями беременной женщины, только невыносимо усиленными.

И в то же время их вестибулярные аппараты, и так-то не слишком уверенные в себе, казалось, окончательно сошли с ума. Внутреннее пространство корабля наполнилось загадками. С самого начала пол любого соседнего отсека представлялся спускающимся под углом, но стоило перейти туда, и пол оказывался ровным. Теперь же спуск был не только виден, но и чуть-чуть, самую малость, ощутим. Переходя из отсека в отсек, человек неожиданно для себя пускался бегом. Подушка, брошенная на пол в кают-компании, через несколько часов сползала на пару дюймов к стене. Путники страдали от тошноты, головной боли и сердцебиения.

С каждым часом на корабле становилось все хуже. Представления о верхе и низе головокружительно перепутались. Некоторые отсеки

перевернулись вниз головой, и по полу в них могла бы разгуливать разве что муха. Рэнсом не смог бы назвать ни одной каюты, где пол несомненно оставался бы полом. То и дело возвращалось ощущение, что они падают с невероятной высоты, — в небесах оно не приходило ни разу. Камбуз был давно заброшен. Подкреплялись чем могли и как могли. Особенно сложно было с питьем: никогда не было уверенности, что бутылка расположена надо ртом, а не рядом с ним. Уэстон стал еще более мрачным и неразговорчивым. Дивайн, не расставававшийся с фляжкой виски, изрыгал гнусные ругательства и призывал силы ада на голову Уэстона, втравившего его в эту затею. Рэнсом, перемогая боль в истерзанном теле и облизывая пересохшие губы, молился о конце.

Наконец настала минута, когда одна из сторон шара несомненно стала нижней. Привинченные к полу койки и столы теперь бесполезно торчали на стенах и потолках. Двери превратились в люки, воспользоваться которыми было почти невозможно. Тела налились свинцовой тяжестью. Дивайн распаковал тюк с одеждой, которую им предстояло надеть на Малакандре. Все это, как заметил Рэнсом, были теплые вещи: толстое шерстяное белье, овчинные куртки, меховые

перчатки и ушанки. На его вопросы Дивайн не обратил внимания. Присев на корточки, он пристально вглядывался в термометр, укрепленный на стене в кают-компании, которая теперь стала полом, и кричал Уэстону в рубку:

— Тормозите! Тормозите, кретин вы этакий! Мы вот-вот войдем в атмосферу! — Он обозленно вскочил. — Передайте управление мне!

Уэстон не откликался. Дивайн расточал свои советы попусту, и это было вовсе на него не похоже: видимо, он не помнил себя то ли от страха, то ли от возбуждения.

Вдруг небесное сияние словно отключили, как будто некий демон провел по лику Солнца грязной губкой. Золото лучей, так долго омывавшее их тела, померкло и превратилось в бледный, безотрадный, жалкий серый полусвет. Дотянуться до заслонок и шторы, открыть их и осветить кают-компанию поярче Рэнсом не мог. Великолепная колесница, скользящая по небесным лучам, за одно мгновение превратилась в стремительно низвергающийся стальной контейнер, внутренность которого едва освещалась узеньким окошком. Они падали с небес на планету. За все время приключений Рэнсома не было у него минуты горше. Как мог он когда-то думать, что

планеты и Земля — островки жизни и смысла, плавающие в мертвой пустоте? Теперь он понял (и уверенность в этом навсегда осталась с ним), что планеты, или «земли», как он их мысленно называл, — это просто провалы, разрывы в живой ткани небес. Эти мусорные кучи, слепленные из низменного вещества и мутного воздуха, были навсегда отвержены, отторгнуты от мирового сияния. Они — продукт не приумножения, а умаления небесной славы. Но ведь за пределами Солнечной системы сияние кончается? Что там — истинная пустота, истинная смерть? Но, возможно… он изо всех сил пытался поймать свою мысль… возможно, видимый свет — это тоже провал, разрыв, умаление чего-то иного… Чего-то такого, что соотносится с сияющими неизменными небесами, как небеса с темными, тяжелыми землями.

Жизнь таит немало неожиданностей. Рэнсом опустился на поверхность незнакомого мира, с головой погрузившись в философские раздумья.

VII

В наступившей тишине раздался насмешливый голос Дивайна:

— Вы что, уснули? Новые планеты успели вам поднадоесть?

— Вам что-нибудь видно? — перебил Уэстон.

— Не могу справиться с заслонками, черт их дери! Давайте лучше откроем люк.

Рэнсом с трудом очнулся от грез. Рядом с ним в полутьме копошились спутники. Он замерз. Тело все еще казалось невыносимо тяжелым, хотя на самом деле было куда легче, чем на Земле. Рэнсом вновь подумал о своем необычайном приключении и ощутил огромное любопытство, смешанное с малой толикой страха. Может быть, его ожидает смерть, но каков эшафот! Холодный воздух и лучи света уже проникали в корабль снаружи. Рэнсом нетерпеливо заерзал, пытаясь что-нибудь разглядеть в щель между Дизайном и Уэстоном. Наконец-то отвинчен последний болт. Люк открылся.

Естественно, через отверстие было видно только почву. Перед Рэнсомом было круглое пятно

чего-то бледно-розового, почти белого; он не мог разобрать, то ли это густая короткая растительность, то ли неровный, покрытый трещинами камень. Тут же в люк протиснулась темная фигура Дивайна, Рэнсом заметил у него в руке револьвер и успел подумать: «В кого он собирается стрелять? В сорнов или в меня?»

— Теперь вы, — бросил Уэстон.

Рэнсом сделал глубокий вдох, рука непроизвольно нащупала нож, заткнутый за пояс. Он просунул в люк голову и плечи и уперся руками в Малакандру, в розовый ковер, который оказался растительностью: он был мягким и слегка пружинил, как каучук. Рэнсом поднял глаза. Над ним было бледно-голубое небо, как в ясное морозное утро на Земле. На его фоне вздымался огромный розовый массив, который Рэнсом принял за фронт кучевых облаков.

— Поживее! — подтолкнул его Уэстон.

Рэнсом выполз наружу и поднялся на ноги. Было довольно холодно. От здешнего воздуха слегка запершило в горле. Он жадно оглядывался по сторонам, но само желание как можно скорее увидеть и понять новый мир словно сыграло злую шутку с его глазами: он видел только переливы цвета, которые никак не складывались в

пейзаж. Для того, чтобы увидеть что-либо отчетливо, нужно иметь о нем хотя бы минимальное представление; землянину же все здесь было незнакомо. Первым впечатлением Рэнсома было, что он смотрит на ярко освещенный мир бледных красок, словно нарисованный детской акварелью. Через минуту он понял, что светло-голубая полоса, доходящая почти до его ног, — это поверхность воды или чего-то похожего на воду. Корабль опустился на берегу реки или озера.

— Посторонитесь! — Уэстон тоже выбрался из люка.

Рэнсом повернулся и, к своему изумлению, увидел прямо перед собой хижину, ничем не отличающуюся от земных, если не считать того, что стены были сложены из незнакомого материала.

— Здесь живут люди? — в смятении пробормотал он. — Они строят дома…

— Не угадали, — хохотнул Дивайн. — Это мы строим дома. — Он вытащил из кармана ключ и отомкнул самый обычный висячий замок на двери хижины. Рэнсом понял, что его похитители просто вернулись на место своей предыдущей стоянки. Он не мог бы точно сказать, что испытал при этом: облегчение или разочарование. Уэстон и Дивайн вели себя совершенно как на Земле.

Они вошли в домик, сняли щиты, закрывавшие окна, принюхались к стоялому воздуху, подивились, что оставили после себя столько грязи, и снова вышли наружу.

— Теперь займемся припасами, — сказал Уэстон.

Скоро оказалось, что у Рэнсома нет времени любоваться Малакандрой, не говоря уже о возможности побега. В течение следующего часа он вместе со своими похитителями перетаскивал с корабля в хижину продукты, одежду, оружие и множество ящиков с неизвестным содержимым. На это уходили почти все силы и внимание. Но кое-что он все-таки увидел и понял. Прежде всего, он понял, что Малакандра прекрасна — странно, но такая возможность никогда не приходила ему в голову. Игра воображения, заставлявшая его населять вселенную чудовищами, одновременно рисовала ландшафт неведомой планеты как беспорядочное нагромождение голых скал или пустыню, где господствуют кошмарные механизмы. Теперь Рэнсом и сам не мог бы это объяснить. Кроме того, он обнаружил, что вода окружает их по меньшей мере с трех сторон: четвертую закрывал от него громадный стальной шар, на котором они прибыли. Хижина стояла

то ли на оконечности полуострова, то ли на берегу острова. Мало-помалу он пришел также к заключению, что вода здесь не просто казалась голубой при определенном освещении, как на Земле, но действительно была окрашена в голубой цвет. Под дуновением легкого ветерка она вела себя как-то странно, и Рэнсом с недоумением отметил неестественную форму волн. Во-первых, они поднимались слишком высоко для такого слабого ветра, но это было еще не все. Глядя на них, Рэнсом припомнил картины, изображающие морские сражения, где разрывы снарядов взметывают вверх массы воды. И тут он понял — эти волны словно неумело нарисованы: их высота не соответствует длине, они слишком крутые, слишком узкие у основания. Вот так у кого-то из современных поэтов, подумал Рэнсом, морская волна описана, как «крепостная стена, увенчанная башнями».

— Ловите! — крикнул Дивайн. Рэнсом поймал мешок и перебросил его Уэстону в дверях хижины.

По одну сторону суши полоса воды, как отметил про себя Рэнсом, была шириной с четверть мили, хотя в этом непривычном мире определить расстояние было нелегко. По другую сторону

был лишь узкий рукав футов в пятнадцать от берега до берега. Здесь вода текла по отмели, судя по тому, как она бурлила, хотя шума от этого было гораздо меньше, чем на Земле, и какой-то неясный присвист. У противоположного берега, где бело-розовая растительность спускалась к самому урезу воды, лопались пузыри и мелькаем солнечные блики — видимо, выделялся газ. В редкие мгновения, когда Рэнсом мог оторваться от работы, он старался получше разглядеть тот берег. Его глазам предстал лиловый массив, столь огромный, что Рэнсом принял его за покрытую вереском гору. За широкой полосой воды виднелось что-то в этом же роде, а еще дальше вздымались странные бледно-зеленые монолиты, слишком неровные и зазубренные, чтобы быть зданиями, но в то же время чересчур тонкие и крутые для гор. За ними возвышался уже виденный им розовый массив, напоминающий гряду облаков. Возможно, это и были облака, но выглядели они необычно плотно для скопления паров и к тому же не сдвинулись с места с тех пор, как Рэнсом впервые заметил их из люка. Они поражали изысканной красотой цвета и формы и более всего напоминали — если прибегнуть к земным аналогиям — гигантскую розовую цветную капу-

сту или огромный чан с розовой мыльной пеной.

Отчаявшись разобраться во всем этом, Рэнсом вновь обратился к ближайшему берегу. Лиловая стена сперва представилась ему зарослями органных труб, потом напомнила рулоны ткани, поставленные вертикально вплотную друг к другу, наконец показалась лесом гигантских вывернутых зонтов. По ней как будто пробегало слабое волнение. И вдруг у Рэнсома словно открылись глаза. Он понял, что лиловая стена состоит из растений. Хотя они и были вдвое выше земных вязов, слово «деревья» к ним не подходило: на вид они были слишком мягкими и хрупкими. Круглые, гладкие, удивительно тонкие стебли (стволами их никак нельзя было назвать) поднимались на высоту до сорока футов и здесь выбрасывали сноп полупрозрачных листьев, каждый размером со шлюпку. Примерно так Рэнсом представлял себе подводный лес: удивительно было, что такие огромные и в то же время такие хрупкие растения стоят выпрямившись и не рушатся под собственной тяжестью. Между стеблями висели плотные лиловые сумерки, кое-где разорванные бликами бледного солнечного света.

— Время обедать! — неожиданно провозгласил

Дивайн.

Рэнсом разогнул усталую спину и почувствовал, что, несмотря на холод и разреженный воздух, по лбу у него стекают капли пота. Поработать пришлось изрядно, и теперь он никак не мог отдышаться. В дверях хижины появился Уэстон и пробормотал, что неплохо бы сначала покончить с делами. Но Дивайн отмел его возражения. На свет появилась банка консервированной говядины и галеты, и все расселись на ящиках, все еще во множестве валявшихся между кораблем и домиком. Не обращая внимания на ворчанье Уэстона, Дивайн разлил по кружкам виски, причем добавил воды не из озера, а из собственных запасов.

Как нередко случается, Рэнсом только теперь, оторвавшись от работы, заметил, в каком возбуждении он пребывает с самого момента посадки. Ему и думать не хотелось о еде. Но, помня, что может представиться возможность обрести свободу, он заставил себя съесть гораздо больше, чем обычно, и во время еды пришел аппетит. Он жадно съел и выпил все, что пришлось на его долю. Впоследствии вкус этой первой трапезы на Малакандре всегда был связан в его памяти с изумлением, которое он испытывал, созерцая

ярко освещенный, неподвижный, непонятный, неземной пейзаж: бледно-зеленые иглы, вонзающиеся в небо на тысячи футов, ослепительные блики на поверхности синей, шипящей, как шампанское, воды, и бесконечные пространства розовой мыльной пены. Он немного опасался, что спутники заметят его необычное обжорство и что-нибудь заподозрят. Но им было не до него: они все время оглядывались по сторонам, едва слушали друг друга и то и дело бросали взгляд через плечо или пересаживались на другое место. Рэнсом уже почти покончил с обедом, как вдруг Дивайн застыл, как собака, делающая стойку, и молча положил руку на плечо Уэстону. Они кивнули друг другу и поднялись с ящиков. Рэнсом, допив последний глоток виски, тоже встал. Он оказался между похитителями. В руках у них неизвестно откуда появились револьверы. Они плечами подталкивали Рэнсома к берегу узкой протоки, не отрывая глаз от противоположного берега.

Рэнсом не сразу разглядел, что привлекло их внимание. Ему показалось, что среди лиловых растений появились какие-то новые, бледные и тонкие стебли, но он лишь скользнул по ним взглядом и уставился на почву, где, как подска-

зывало ему подстегнутое страхом воображение, должно было появиться насекомоподобное или пресмыкающееся страшилище. Неожиданно глаза его натолкнулись на отражения белых стеблей в бегущей воде — четыре, пять… нет, шесть длинных, тонких, неподвижных отражений. Он поднял взгляд. На берегу действительно возвышались на два или три человеческих роста шесть белых, хрупких на вид предметов. Он подумал было, что это изваяния людей, высеченные первобытным скульптором: ему приходилось видеть подобные в книгах по археологии. Но как они держатся на таких ненатурально длинных и тонких ногах — ведь непомерно широкая грудная клетка должна их опрокинуть?! Они, словно отражение земных двуногих в кривом зеркале, кажутся гибкими, как стебли. И из чего они сделаны? Ясно, не из камня и не из металла: они слегка колеблются под ветром… И вдруг Рэнсом смертельно побледнел. Фигуры на берегу двинулись прямо на него. Это были живые существа! Секунду, скованный ужасом, он смотрел на их тонкие, невозможно длинные лица. Висячий нос и унылая линия губ придавала им мрачный и надутый вид, заставляя думать о слабоумных привидениях. В следующее мгновение Рэнсом рванулся прочь, но его пере-

хватил Дивайн.

— Пустите! — заорал Рэнсом.

— Бросьте эти глупости! — прошипел Дивайн, тыча в него дулом револьвера.

Рэнсом тщетно пытался вырваться. Вдруг одно из существ издало какой-то звук; его громовой голос, подобный призыву рога, пронесся над их головами.

— Они зовут нас на тот берег! — Уэстон тоже ухватился за Рэнсома.

Теперь враги уже вдвоем тащили его к воде. Рэнсом весь скрючился, уперся ногами в землю и не двигался с места, как упрямый осел. Дивайн и Уэстон уже ступили в воду и старались стащить его за собой, но Рэнсом, визжа, все еще цеплялся ногами за берег. Неожиданно существа на том берегу испустили еще один звук — не такой членораздельный, но еще более оглушительный. Уэстон тоже закричал, отпустил Рэнсома и вдруг выпалил из револьвера куда-то в воду. В ту же секунду Рэнсом увидел и мишень.

К ним приближалась пенная дорожка, похожая на след торпеды. Воду стремительно разрезало блестящее тело какого-то крупного зверя. Дивайн отчаянно выругался, поскользнулся и забарахтался в воде. Совсем рядом мелькнули ужасные

острозубые челюсти. Рэнсома чуть не оглушили громовые раскаты выстрелов Уэстона. Страшилища на том берегу тоже подняли громкий гам и ступили в воду.

Рэнсому не нужно было принимать решения, он действовал под влиянием момента. Как только враги отпустили его, он нырнул им за спины, обогнул корабль и со всех ног кинулся бежать навстречу неведомому. По ту сторону стального корпуса перед ним открылся сине-лилово-розовый хаос, но он ни на миг не замедлил бега. В следующую секунду ноги его зашлепали по воде, и он издал изумленное восклицание, почувствовав, что вода теплая. Не прошло и минуты, как он снова выбрался на сушу, вскарабкался на крутой склон и скрылся в лиловом полумраке меж стеблей гигантских растений.

VIII

Не так-то просто бежать бегом в незнакомом мире, да еще после месяца, проведенного в космическом корабле, и плотного обеда. Полчаса спустя Рэнсом уже шел шагом, прижимая ладонь к разболевшемуся боку, и напряженно прислушивался, нет ли погони. Но вокруг стояла полная тишина. Грохот револьвера и человеческие и нечеловеческие голоса позади сначала сменились одиночными винтовочными выстрелами и редкими криками, а потом все затихло. Насколько хватало глаз, вокруг него были только стебли огромных растений, постепенно сливающиеся с фиолетовой тенью. Крыша гигантских полупрозрачных листьев, пропуская лишь малую часть солнечного света, окутывала лес торжественными сумерками. Немного отдохнув, Рэнсом снова пускался бегом; ноги легко отталкивались от мягкого пружинистого травяного ковра, который он потрогал еще у люка корабля. Пару раз дорогу ему перебегали маленькие рыжие зверьки, но в остальном лес не подавал признаков жизни. Похоже, никакая опасность ему не грозила — если

не считать того, что он оказался один, без пищи и воды, среди неведомых растений в тысячах или миллионах миль за пределами изведанного человеком.

Но Рэнсом думал не об этом. Он вспоминал сорнов — ведь несомненно существа, которым его хотели выдать, были сорнами. Они вовсе не походили на те ужасы, которые рисовало ему воображение, и потому он был совершенно не готов к их появлению. Фантазии Уэллса не имели к ним никакого отношения, зато при виде их наружу выплыли страхи детского сознания, образы великанов, людоедов, призраков, скелетов. Привидения на ходулях, подумал Рэнсом, длиннолицые пугала, словно написанные кистью сюрреалиста. Но сковавшая его в первые минуты паника проходила. Он отбросил мысль о самоубийстве и решил держаться до конца. Молитва сняла тяжесть с души, а нож за поясом придал уверенности. Рэнсома охватило странное чувство братской близости к себе самому, и он чуть было не сказал: «Будем держаться вместе!»

Но тут началась более пересеченная местность, и Рэнсому стало не до размышлений. Уже несколько часов он поднимался по пологому склону. Справа от него почва резко уходила

вверх, так что он, по-видимому, огибал холм, одновременно понемногу на него взбираясь. Теперь же на его пути стали то и дело попадаться невысокие гребни, которые ответвлялись от возвышенности, лежащей по правую руку. Без всякой особой причины он не пытался их обогнуть, а перебирался через них и шел дальше. Может быть, подсознательные воспоминания о земной географии подсказывали ему, что, если он спустится ниже, то наткнется на безлесные участки возле воды, где его могут поймать сорны. Перебираясь через гребни и спускаясь в лощины, Рэнсом поражался необычной крутизне склонов; но, как ни странно, преодолевать их было не так уж сложно. Он заметил также, что даже самые небольшие холмики по форме не походили на земные: и так неестественно тонкие у основания, они еще заострялись кверху. Рэнсом припомнил, что и волны голубого озера отличались теми же особенностями. Бросив взгляд на лиловые листья, он нашел, что и они играют вариацию на ту же тему порыва к небу. Несмотря на величину, они не обвисали на конце. Воздух служил для них достаточной подпоркой, и лес, вероятно, выглядел сверху как море раскрытых вееров. Да ведь и сорны, вспомнил он, передернувшись, тоже

извращенно вытянуты в высоту!

Рэнсом достаточно разбирался в физике, чтобы догадаться, что находится на планете, которая легче Земли. Здесь природе было проще реализовать свое стремление вверх, к небу. Эта мысль заставила его задуматься, куда же он попал. Сначала он вспомнил о Венере, но не был уверен, больше она Земли или меньше; кроме того, температура там вроде бы должна быть повыше. Может быть, он очутился на Марсе или даже на Луне. Сначала он отверг последний вариант, поскольку при посадке не видел Землю, но потом вспомнил, что как-то слыхал об обратной стороне Луны, откуда Землю не видно никогда. Вполне могло случиться, что он сейчас скитается по обратной стороне Луны! При этой мысли он еще острее, чем раньше, ощутил одиночество, хотя разум подсказывал, что в его положении Луна и Марс мало чем отличаются друг от друга.

Во многих лощинах Рэнсому встречались голубые ручейки, которые с шипением спешили к низине по левую руку. Вода в них, как и в озере, была теплой, воздух над ними также нагревался, и Рэнсом, карабкаясь вверх и вниз по склонам, как будто постоянно попадал из одной климатической зоны в другую. Именно по контрасту с

теплой лощиной он, поднявшись на очередной гребень, обратил внимание, что в лесу становится все холоднее. Рэнсом огляделся и обнаружил, что и свет явственно ослабевает. В своих расчетах он совсем упустил из виду ночь, и притом понятия не имел, что такое ночь на Малакандре! Полумрак сгущался. Вздох холодного ветра пронесся меж лиловых стеблей, и они заколебались, снова напомнив о своей легкости и гибкости, столь неожиданных при огромной высоте. До сих пор страх и ощущение необычности всего происходящего помогали Рэнсому забыть о голоде и усталости, но теперь они напомнили о себе. Подавив дрожь, он заставил се бя идти вперед. Ветер усиливался. Громадные листья поплыли над ним в медленном танце. Меж ними то и дело мелькал просвет все бледнеющего неба, и вот уже на нем зажглись первые звезды. Безмолвие покинуло лес. Рэнсом тревожно озирался, боясь неожиданного нападения, но видел только быстро наступающую темноту.

Теперь он радовался теплу, висящему над ручьями. Здесь можно было укрыться от нарастающего мороза. Дальше идти не стоило: так или иначе, он не знал, уходит от опасности или приближается к ней. Опасность была повсюду,

двигался ли он вперед или стоял на месте. Зато у ручья можно устроиться в тепле. Рэнсом устало тащился вперед в поисках очередной лощины. Ее долго не было, и он перепугался, что все они остались позади. Он уже собирался повернуть назад, как вдруг перед ним возник крутой спуск; Рэнсом поскользнулся, съехал вниз и очутился на берегу потока. Деревья (вопреки себе он называл гибкие растения «деревьями») оставляли над ручьем просвет, вода слабо фосфоресцировала, так что здесь было немного светлее. Русло ручья шло справа налево под сильным уклоном. Рэнсом, как некий турист в поисках «местечка получше», немного поднялся вверх по течению. Склон стал еще круче. Ручей здесь обрывался вниз небольшим водопадом. У Рэнсома появилась было смутная мысль, что вода падает слишком медленно, но он чересчур устал, чтобы задумываться об этом. Температура воды была явно выше, чем в озере: может быть, неподалеку находился подземный источник тепла. Но путника гораздо больше интересовало, можно ли ее пить. Его мучила жажда, но вода на вид была непохожа на воду. Вдруг она ядовита? Он постарается не пить ее. Может быть, он достаточно устал, чтобы заснуть, несмотря на жажду. Рэнсом опустился на колени

и сполоснул руки в теплом ручье, потом перекатился в выемку рядом с водопадом и зевнул.

Звук собственного зевка, столько раз слышанный в детской, в школьном общежитии, во множестве спален, вдруг пробудил в нем острую жалость к себе. Он подтянул колени к груди и обхватил себя руками. Его захлестнуло чувство чуть ли не сыновней любви к собственному телу. Часы у него на запястье молчали, и он завел их. Что-то бормоча, тихонько похныкивая, он думал о том, как на далекой планете Земля люди ложатся в постель — в домах, океанских лайнерах, гостиницах, супруги, маленькие дети под присмотром нянюшек; сгрудившиеся вместе для тепла, пропахшие табаком мужчины в кубриках и окопах. Он не мог больше сопротивляться желанию заговорить с собой: «Мы позаботимся о тебе, Рэнсом… мы будем держаться вместе, старина!…» Вдруг он подумал, что в ручье может обитать острозубое страшилище вроде того, в озере. «Верно, Рэнсом, — пробормотал он. — Не годится здесь оставаться на ночь. Немного отдохнем, и пойдем дальше. Но не сейчас. Чуть погодя».

IX

Рэнсом проснулся от жажды. За ночь он не замерз, хотя одежда и отсырела. Теперь на него падали лучи солнца и рядом весело плясал водопад, искрясь всеми оттенками голубизны и отбрасывая бегущие отблески на нависшие сверху листья. Но вспомнив свое положение, Рэнсом ощутил почти невыносимую тяжесть. Ах, если бы он только не потерял самообладания! Сейчас сорны уже убили бы его, и смерть была бы избавлением. Тут же с невыразимым облегчением он вспомнил, что в лесу скитается человек. Хорошо бы его встретить. Он подошел бы к бедняге и сказал: «Привет, Рэнсом!...» Нет, тут что-то не то. Ведь Рэнсом — это он сам! Или нет? Кто был тот человек, которого он привел к теплому ручью, уложил спать и посоветовал не пить незнакомую воду? Наверное, какой-нибудь новичок, который здесь еще не разобрался, что к чему. Ладно, что бы там ни говорил Рэнсом, теперь пора напиться. Он лег на берег и окунул лицо в теплые струи ручья. Как хорошо пить! Вода была с сильным минеральным привкусом, но невероятно вкусная. Он

сделал еще несколько глотков и почувствовал, как проясняется разум и в тело вливаются силы. Все это чепуха, нет никакого второго Рэнсома. Теперь он отдавал себе отчет, что ему угрожает безумие. Чтобы отвлечься, он вознес горячую молитву и начал приводить себя в порядок. Впрочем, не так уж важно, сойдет он с ума или нет. Может быть, это уже произошло, и он вовсе не на Малакандре, а лежит в постели в какой-нибудь английской психиатрической лечебнице. Как было бы хорошо! Он тогда спросил бы Рэнсома… черт побери, снова начинается!.. Беглец поднялся и торопливо пошел прочь.

Приступы умопомрачения повторялись каждые несколько минут. Но Рэнсом придумал своеобразный трюк: он словно останавливал мыслительную деятельность и давал приступу, как волне, перекатиться через сознание. Терзать себя по этому поводу было бессмысленно, зато после приступа он снова становился нормальным человеком. Куда большие опасения вызывала проблема пищи. Рэнсом попробовал отрезать кусок от «дерева». Как он и ожидал, стебель оказался податливым, вроде овоща, а не жестким, как древесина. Когда он вонзил в него нож, весь гигантский организм задрожал до кончиков ли-

стьев, как если бы Рэнсом одной рукой расшатал мачту корабля под всеми парусами. Отрезанный кусок оказался почти безвкусным, но неприятных ощущений не вызывал. Несколько минут Рэнсом удовлетворенно жевал мягкую клетчатку, но проглотить так и не смог: она годилась только как жвачка. Все же, то и дело отрезая от стеблей новые куски и засовывая в рот, он испытывал некоторое облегчение.

Сегодня уже не было необходимости удирать от погони, и Рэнсом просто блуждал по лесу, надеясь отыскать какую-нибудь пищу. Впрочем, поисками это было трудно назвать, поскольку он не имел понятия, есть ли на Малакандре подходящая для человека еда, и не узнал бы се, если б нашел. Во время этих бесцельных блужданий произошел эпизод, сильно перепугавший беглеца. Он вышел из леса на небольшую прогалину и не успел толком оглядеться, как вдруг увидел, что на него надвигается огромная желтая туша, рядом — еще одна, а вокруг — целое стадо. Рэнсом хотел было обратиться в бегство, но его уже окружили со всех сторон покрытые блекло-желтым мехом существа. Больше всего они напоминали жирафов, но временами поднимались на дыбы и даже делали несколько шагов на задних ногах.

К тому же они были стройнее и гораздо выше, чем жирафы, и объедали самые верхние листья лиловых растений. Заметив Рэнсома, громадины уставились на него влажными глазами, зафыркали глубоким басом, но враждебных намерений у них явно не было. Их прожорливость поражала: минут за пять они изуродовали верхушки нескольких сотен деревьев, впустив в лес столбы солнечного света, и двинулись дальше.

По трезвому рассуждению, этот эпизод даже успокоил Рэнсома: он уже начинал бояться, что сорны — единственная форма жизни на планете. Теперь же он познакомился с вполне достойными представителями животного мира, которых, вероятно, можно приручить. Скорее всего, то, что они едят, годится и для человека — нужно только взобраться на «дерево»! Рэнсом поискал взглядом подходящий стебель и заметил, что, объев листья с верхушек, желтые животные открыли его глазам широкую панораму. Над «деревьями» возносились все те же бело-зеленые пики, что он увидел вчера от корабля на дальнем берегу озера.

Сегодня они были гораздо ближе. Вершины их, казалось, упирались в небо, и Рэнсому пришлось откинуть голову, чтобы рассмотреть, что они

разной высоты. Они напоминали столбы, расставленные, как попало, без всякого плана. Некоторые заострялись кверху и заканчивались настоящими шпилями; другие, сужаясь снизу вверх, на вершине вновь расширялись и образовывали своего рода платформы, которые, как показалось Рэнсому, каждую секунду грозят обвалиться. Он отметил, что обрывистые склоны изрезаны трещинами и неровностями, как сетью морщин. Между двумя пиками, словно приклеенная, висела неподвижная голубая лента — несомненно, водопад. Это окончательно убедило Рэнсома, что перед ним горы — горы совершенно невероятных очертаний. Изумление в его душе уступило место возвышенному восторгу. Он понял, что эти горы — самое полное выражение идеи перпендикуляра, которой подчинялось все на Малакандре: звери и растения, волны и холмы. По сравнению с этим буйством камня, взметнувшегося вверх, как струя фонтана, и застывшего в воздухе, любые земные горы казались лежащими на боку. Сердце Рэнсома забилось сильнее от восхищения и восторга.

Но в следующий миг оно словно замерло в груди. На бледно-зеленом фоне горы, совсем недалеко (сами горы были от Рэнсома всего в четверти

мили) в разрыве между верхушками растений появилась движущаяся фигура. Она, казалось, подкрадывалась к беглецу, и он сразу ее узнал. Огромный рост, смертельная худоба, крючковатый, как у злого колдуна, нос — это был сорн. У него была узкая голова с конической макушкой. Тонкими до. прозрачности, подвижными, похожими на паучьи лапы руками сорн раздвигал перед собой стебли. Бессознательная уверенность, что чудовище разыскивает его, охватила Рэнсома. Все заняло лишь долю секунды — не успел образ ужасного противника запечатлеться в сознании, как беглец уже несся огромными скачками в чащу леса.

У него не было плана спасения. Он просто хотел как можно дальше оторваться от сорна. На бегу он молил Бога, чтобы враг был один — а вдруг лес кишит ими, вдруг они достаточно умны, чтобы взять его в кольцо! Но сейчас это безразлично — нужно просто бежать, бежать, сжимая в руке нож. Страх растворился в неистовом беге и уступил место хладнокровной осторожности. Рэнсом был как никогда готов к последнему испытанию.

Он все быстрее несся вниз по склону. Скоро спуск стал таким крутым, что, будь Рэнсом на Земле, ему бы пришлось сползать на четверень-

ках. Впереди что-то блеснуло. Еще минута — и лес остался позади. Рэнсом зажмурился: в глаза ему брызнули солнечные блики с поверхности реки. Перед ним расстилалась равнина, покрытая реками и озерами с островами и полуостровами. В такой же местности они высадились на Малакандре.

По-видимому, его никто не преследовал. Рэнсом лег на берег и напился. Черт побери, похоже, на этой планете холодной воды вообще не бывает! Он прислушался, в то же время стараясь отдышаться. Вдруг он заметил, что ярдах в десяти от него на поверхность воды вырываются пузырьки, и от них расходятся круги. Неожиданно вода раздалась в стороны, и на поверхность, словно пушечное ядро, взметнулось что-то круглое, черное и блестящее. Рэнсом увидел два глаза, а под ними — отдувающийся рот, окаймленный бородой пузырьков. Поднимая тучу брызг, на берег выбиралось странное существо. Когда оно встало на задние лапы, оказалось, что в нем шесть или семь футов, но при этом солидном росте оно отличалось уже привычной Рэнсому малакандрийской стройностью и хрупкостью. Его покрывала густая черная шерсть, блестящая, как котиковый мех. Длинное тело опиралось на ко-

ротенькие перепончатые лапы и широкий хвост, как у бобра или у рыбы. Пальцы мускулистых передних конечностей тоже соединяла перепонка. Посреди живота животного было какое-то утолщение сложной формы, которое Рэнсом принял за половые органы. Существо одновременно напоминало пингвина, выдру и тюленя, а гибкостью тела даже горностая. Венчала его большая круглая тюленья голова с густыми усами, но лоб был выше, чем у тюленя, а рот — меньше.

Бывают минуты, когда действия, вызванные страхом или осторожностью, совершаются совершенно рефлекторно, и человек не связывает с ними ни ужас, ни надежду. Рэнсом лежал неподвижно, изо всех сил вжавшись в траву, как будто мог остаться незамеченным. Его охватило усталое спокойствие. Словно глядя на себя со стороны, он невозмутимо подумал, что его приключения, видимо, подошли к концу. С суши ему угрожал сорн, а от воды — большой черный зверь. Правда, у него мелькнула мысль, что такой рот и челюсти вряд ли могут принадлежать хищнику. Но он слишком плохо разбирался в зоологии, чтобы быть в этом уверенным.

И вдруг случилось нечто, совершенно изменившее ход его мыслей. Животное все еще его

не заметило. Оно усердно отряхивалось, и от него веером летели брызги, и поднимался пар после купания в теплой воде. Неожиданно оно открыло рот и издало серию звуков. В этом не было бы ничего удивительного, но Рэнсом, посвятивший жизнь языкознанию, сразу понял, что звуки членораздельные. Существо говорило на каком-то языке! Если вы не филолог, вам, боюсь, придется принять на веру, как сильно подобное открытие может подействовать на лингвиста. Он уже познакомился с новым миром — но новый, нечеловеческий, внеземной язык представлял для него куда больший интерес. Раньше, когда он услышал голоса сорнов, это почему-то не пришло ему в голову. Зато теперь на него словно снизошло откровение. Любовь к знаниям — это род безумия. Зная, что его, возможно, ожидает скорая смерть, он в долю секунды забыл о своем отчаянном положении, отбросил все страхи. Его воображение нарисовало блестящую перспективу: он пишет первый учебник малакандрийского языка! «Начальный курс малакандрийского языка»… «Лунный глагол»… «Краткий марсианско-английский словарь»… — целый рой заголовков заклубился в его сознании. Какие великие открытия ожидают специалиста

по внеземному языку! В его руках может оказаться первичная форма любого языка, принцип, лежащий в основе всех языков! Не помня себя, Рэнсом приподнялся на локтях и вперил взгляд в черное существо. Оно умолкло. Шарообразная голова повернулась к Рэнсому и уставилась на него блестящими янтарными глазами. Ветер стих. На озере и в лесу царила полная тишина. Шли минуты, а представители двух чуждых рас все не могли оторвать взгляд друг от друга.

Рэнсом поднялся на колени. Чужак отпрыгнул, не спуская с него глаз, и снова замер. Потом он сделал шаг вперед, и теперь уже Рэнсом, вскочив на ноги, отбежал назад, но недалеко: его удерживало любопытство. Собрав все свое мужество, он приблизился к существу, протягивая открытую ладонь. Чужак неверно истолковал этот жест и отступил на мелководье. Рэнсом видел, как под гладкой шерстью напряглись мускулы. Но и чужака, видимо, снедало любопытство: в двух шагах от берега он остановился. Оба боялись друг друга, и в то же время каждый хотел подойти поближе и пытался это сделать. В их душах неразумный, подсознательный страх накрепко переплелся с экстатическим, невыносимым стремлением друг к другу. Это было не просто любопытство.

Скорее это напоминало любовную игру, словно встретились первый мужчина и первая женщина в мире. Но и такое сравнение не передаст всей первозданности этой минуты. Встреча мужчины и женщины естественна; им нужно сделать лишь небольшое усилие, разрушить непрочный барьер, чтобы броситься друг другу в объятия. Но здесь впервые сошлись в восторженно-боязливом контакте представители двух различных — и разумных — форм жизни.

Вдруг малакандриец повернулся и пошел прочь. Разочарование обрушилось на Рэнсома, как приступ отчаяния.

— Вернись! — с мольбой закричал он по-английски. Чужак обернулся, развел руки с стороны и что-то сказал на своем непонятном языке, а затем двинулся 'дальше. Но, не пройдя и двадцати ярдов, он нагнулся и что-то подобрал. Когда он снова подошел ближе, в руке у него (Рэнсом уже мысленно называл его перепончатую верхнюю лапу рукой) оказалась раковина, похожая на устричную, но более округлая и глубокая. Чужак набрал полную раковину воды из озера, поднес ее к животу и, как показалось Рэнсому, начал в нее мочиться. Землянина охватило отвращение, но тут же он понял, что утолщение на животе

малакандрийца — вовсе не половые органы и вообще не часть тела. Это был пояс, увешанный мешочками, и сейчас чужак добавлял из такого мешочка в воду несколько капель какой-то жидкости. Затем он поднес раковину к черногубому рту и стал пить — не откидывая голову, как человек, а наклонившись к воде и всасывая ее, как лошадь. Выпив воду, он повторил всю процедуру: наполнил раковину, добавил несколько капель жидкости из мешочка (судя по всему, это было что-то вроде кожаной бутылки) и обеими руками протянул сосуд Рэнсому. Не понять его было невозможно. Нерешительно, почти боязливо Рэнсом сделал несколько шагов и принял раковину. Кончиками пальцев он коснулся перепонки между пальцами чужака, и по телу его словно пробежал разряд отвращения, смешанного с восторгом. Рэнсом поднес раковину к губам. Добавленная к воде жидкость, несомненно, содержала алкоголь. Рэнсом никогда еще так не радовался вовремя поднесенной рюмке.

— Спасибо! — произнес он по-английски. — Огромное спасибо!

Чужак ударил себя в грудь и что-то сказал. Сначала Рэнсом не понял, в чем дело, но тут же догадался, что малакандриец старается сообщить

свое имя — или, скорее всего, название своего народа.

— Хросс! — раз за разом повторял он. — Хросс! — и при этом хлопал себя по груди.

— Хросс! — произнес и Рэнсом, указывая на него. Потом подумал и добавил:

— Человек! — и ударил себя в грудь.

— Чел… челх… челховек! — повторил за ним хросс. Затем он подобрал горсть земли с берега, между сплошным травяным ковром и кромкой воды:

— Хандра!

— Хандра! — откликнулся Рэнсом. Тут в голову ему пришла любопытная мысль.

— Малакандра? — вопросительно произнес он. Хросс принялся вращать глазами и размахивать руками, явно пытаясь указать на всю округу. «Кое-что уже ясно, — подумал Рэнсом с удовлетворением. — „Хандра“ — это земля как грунт; „Малакандра“ — „Земля“, то есть планета как целое. Потом можно будет выяснить, что значит „Малак“. После „к“ не произносится „х'“, — отметил филолог, сделав первый шаг в изучении малакандрийской фонетики. Хросс тем временем пытался объяснить ему, что такое „хандрамит“. Рэнсом узнал корень „хандра“ и

заметил, что в местном языке есть и приставки, и суффиксы. Но жесты хросса на этот раз остались для него загадкой, и значение слова „хандрамит“ не прояснилось. Землянин решил сменить тему. Он открыл рот, ткнул в него пальцем и сделал вид, что жует. Хросс ответил словом, которое, должно быть, означало „есть“ или „пища“. Оно содержало согласные звуки, на которых человек мог бы сломать язык, но интересы Рэнсома в этом случае были скорее гастрономическими, чем фонетическими, о чем он и постарался сообщить хроссу. Тот наконец понял, в чем дело, и жестами пригласил Рэнсома следовать за ним.

Там, где хросс недавно взял раковину, Рэнсом к своему, может быть, неоправданному изумлению, увидел привязанную лодку. Она больше, чем что бы то ни было, убедила его в том, что хросс разумен, — таков уж человек. Еще выше Рэнсом оценил разум своего нового знакомого, когда оказалось, что лодка очень похожа на земную, хотя борта у нее были выше и вся она казалась очень хрупкой, как и все на Малакандре. Лишь спустя некоторое время он понял, что лодка на любой планете просто не может быть иной. Хросс достал овальную тарелку из какого-то прочного, но эластичного материала и положил

на ее несколько оранжевых кусков, на вид напоминавших губку. Рэнсом вытащил нож, отрезал кусочек и с некоторым сомнением положил на язык. Через несколько секунд он уже с волчьим аппетитом набросился на еду. Оранжевая масса напоминала бобы, но имела сладковатый привкус. Изголодавшийся Рэнсом был донельзя рад и такой еде. Но вот он утолил первый голод, и снова на него обрушилась вся тяжесть его положения. Огромное тюленеобразное существо показалось невыносимо зловещим. Может, у него и нет дурных намерений. Но ведь оно ужасно большое, ужасно черное, и он ничегошеньки о нем не знает! В каких оно отношениях с сорнами? А может статься, оно вовсе не так разумно, как кажется…

Лишь много дней спустя Рэнсом научился бороться с такими приступами неуверенности. Они возникали, когда разум хросса заставлял думать о нем как о человеке. Тогда малакандриец вызывал отвращение: попробуйте-ка представить себе человека семи футов роста, с гибким, как у змеи, телом, с ног до головы покрытым густой черной шерстью и с кошачьими усами! Но если посмотреть на хросса с другой стороны, то это — великолепное животное с блестящим мехом, влажными глазами, благовонным дыханием и

белоснежными зубами. Но это животное — и тут было его особое очарование — обладало разумом и умело говорить, словно человек не был изгнан из рая и все его исконные мечты сбылись. Как человек хросс был омерзителен; как животное вызывал восхищение и восторг. Тут уж все зависело от точки зрения.

X

Рэнсом плотно поел, выпил еще немного крепкого малакандрийского напитка. После чего хросс, видимо, решил, что пришла пора перебраться в лодку. Сделал он это весьма своеобразно, как четвероногое. Используя гибкость тела, хросс уперся руками в дно лодки, в то время как ноги его оставались на берегу, затем оттолкнулся ногами так, что крестец взлетел футов на пять в воздух, — и оказался на борту. Всю операцию он проделал с ловкостью, немыслимой для такого крупного животного на Земле.

Однако хросс тут же вылез обратно на берег и указал на ледку рукой. Рэнсом понял, что его приглашают последовать примеру хозяина. Его так и подмывало задать один вопрос: какой вид разумных господствовал на Малакандре? Может быть, хросса (так образуется множественное число от «хросс», как он узнал позднее) — хозяева жизни, а сорны, хоть и больше напоминают людей, — всего лишь полуразумный скот? Рэнсом искренне надеялся, что так и есть. Но ведь возможен и другой вариант: хросса — домашние животные сорнов,

и в этом случае последние обладают сверхразумом. Развитое земной культурой воображение подсказывало Рэнсому, что сверхчеловеческий разум должен обладать безжалостной волей и чудовищным обликом. Если он войдет в лодку хросса, то, может статься, в конце пути попадет в лапы к сорнам. С другой стороны, это, возможно, единственный шанс убраться подальше от леса, где бродят сорны… Хросс тем временем начал проявлять признаки нетерпения. Он жестами торопил Рэнсома, и тот наконец решился. Так или иначе, нечего было и думать о том, чтобы расстаться с хроссом. Конечно, его сходство со зверем по-прежнему неприятно поражало Рэнсома. Но желание изучить местный язык, а более всего — робкая, но настойчивая тяга к незнакомому разуму, ощущение, что перед ним

открывается небывалое приключение, все это привязывало землянина к малакандрийцу узами, о крепости которых он и сам не догадывался. Рэнсом ступил в лодку.

Банок в суденышке не было. Его нос и борта поднимались высоко над водой, зато осадка была крайне малой. По существу, большая часть днища вообще не касалась воды, и лодка напоминала этим современный скоростной глиссер. У берега

ее удерживало что-то вроде веревки, но хросс не стал ее развязывать, а просто разъял пополам, словно пластилиновую колбаску. Он уселся на корме и взял в руки весло с такой широченной лопастью, что Рэнсом усомнился, можно ли им вообще грести. Однако землянин тут же вспомнил, что находится на легкой планете. Благодаря своему длинному телу хросс легко перебросил весло через высокий борт и быстро отвел лодку от берега.

Первые несколько минут они плыли по протоке шириной не более сотни ярдов, по берегам которой росли лиловые деревья, затем обогнули мыс и вышли на широкое водное пространство. Перед Рэнсомом открылось огромное озеро, чуть ли не море. Хросс направил лодку прочь от берега, внимательно оглядываясь по сторонам и то и дело меняя курс. Вокруг них все шире и шире раскидывался голубой простор. Солнечные блики слепили глаза. От воды поднималось душное тепло. Скоро Рэнсому пришлось снять шапку и куртку, чем он несказанно удивил хросса.

Рэнсом осторожно поднялся на ноги и окинул взглядом малакандрийский пейзаж. Прямо по курсу и позади расстилалось сверкающее озеро, посылающее улыбку бледно-голубому небу. Кое-

где оно было усеяно островами. Солнце стояло почти в зените: стало быть, они находились в тропической области Малакандры. По периметру озера располагался настоящий лабиринт островов и проток, оперенный гигантскими лиловыми растениями. За этой заболоченной цепью архипелагов кольцом вздымались зазубренные стены бледно-зеленых гор (Рэнсому все еще трудно было называть их горами — слишком они были тонкими, острыми и неустойчивыми на вид). Со штирборта до них было не более мили, и от воды их отделяла лишь узкая полоска леса. По левому борту они были гораздо дальше, милях в семи, но и здесь не теряли своей величавости. Горы тянулись по обеим сторонам озера, насколько хватало глаз, и впереди и позади. В сущности, лодка плыла по затопленному дну величественного каньона шириной почти в десять миль. О длине его судить было невозможно. За горными пиками, а кое-где и выше них, Рэнсом во многих местах различал огромные волнообразные нагромождения розового цвета, которые накануне ошибочно принял за облака. Похоже было, что за цепью гор нет других долин. Эти цепи, скорее, окружали, как частокол пик, беспредельное плоскогорье, местами поднимающееся выше их

вершин. И справа, и слева этим плоскогорьем замыкался горизонт Малакандры. Только впереди и позади планета была рассечена громадным ущельем, которое теперь представлялось Рэнсому трещиной в поверхности плато.

Он попытался знаками спросить хросса, что представляют собой похожие на облака розовые образования. Но вопрос был слишком сложен, чтобы передать его жестикуляцией. Судя по ответным знакам хросса (его гибкие руки метались в воздухе, как два хлыста), он решил, что Рэнсома интересует вся область возвышенности. Называлась она «харандра». Залитая водой низменность — ущелье или каньон — носила название «хандрамит». Рэнсом понял значение этих слов так: «хандра» — земля, «харандра» — высокая земля, горы, «хандрамит» — низкая земля, долина. Короче говоря, возвышенность и низменность. Позднее ему предстояло узнать, как много значит это географическое отличие для жителей Малакандры.

К этому времени хросс достиг места, куда так тщательно правил. Примерно в двух милях от суши он вытащил весло из воды и весь как-то подобрался. В ту же минуту лодка задрожала и стрелой полетела вперед. Несомненно, хросс

воспользовался течением. Скорость достигала пятнадцати узлов. При этом лодка скакала вверх и вниз на перпендикулярной волне какими-то дикими рывками. Это было похуже самой неприятной зыби на Земле. Рэнсом вспомнил, как несладко ему приходилось на военной службе верхом на лошади, идущей рысью. Он вцепился в планшир, другой рукой утирал пот со лба: от воды поднимался гнетущий жар. Может быть, местная еда и тем более питье все-таки не подходят человеческому желудку? Слава Богу, он не подвержен морской болезни! Ну, скажем, не очень подвержен… Ну…

Он поспешно свесился за борт. Жар ударил ему в лицо. Почудилось, будто в толще воды играют длинные серебряные угри. Раз за разом постыдные приступы повторялись. Несчастный Рэнсом отчетливо вспомнил, как сгорал со стыда, когда его стошнило на детском утреннике — давным-давно, на планете, где он родился. Сейчас было так же стыдно. Подумать только, в каком виде первый представитель человечества явился перед инопланетянином! Понимает ли хросс, что с ним происходит? Знакомы ли они вообще с тошнотой? Трясясь всем телом и постанывая, Рэнсом перевалился обратно в лодку. Хросс смотрел на

него, но Рэнсом не мог ничего прочесть на усатой морде. Лишь много дней спустя он научился разбираться в мимике малакандрийцев.

Тем временем течение становилось все быстрее. Описав огромную кривую, они подошли почти вплотную к дальнему берегу, потом опять пересекли озеро, продвигаясь головокружительными спиралями и восьмерками. Вокруг метались зубчатые горы и лиловый лес. В затуманенном сознании Рэнсома этот криволинейный маршрут накрепко сплелся с тошнотворными извивами серебряных угрей в глубине. Он быстро терял интерес к Малакандре. Что значит разница между Землей и другими планетами по сравнению с ужасным отличием воды от суши! А вдруг хроссы вообще живут на воде, подумал он в отчаянии. Если придется провести ночь в этой мерзкой лодчонке…

К счастью, мучиться ему пришлось недолго. Вскоре лодка прекратила подпрыгивать на зыби, скорость упала, и Рэнсом увидел, что хросс табанит веслом. Берега придвинулись совсем близко; они находились в узкой протоке, и вода яростно шипела на мелководье. Хросс выпрыгнул за борт, окатив лодку целым водопадом теплой воды. Рэнсом, все еще дрожа, осторожно после-

довал за ним. Вода доходила ему до колен. К его изумлению, хросс без всякого видимого усилия поднял лодку из воды, опустил себе на голову и, придерживая одной рукой, пошел к берегу, прямой, как греческая кариатида. Они зашагали по берегу протоки — хотя, конечно, широкие дуги, что выписывали коротенькие ноги хросса благодаря подвижным суставам, трудно было назвать обычными шагами. Через несколько минут перед Рэнсомом открылся новый пейзаж.

Впереди, на протяжении полумили, вода бурлила на порогах и низвергалась чередой водопадов. Уровень почвы здесь резко понижался. За этим склоном дно хандрамита снова выравнивалось, но уже гораздо ниже того места, где они сейчас находились. Стены каньона, однако, оставались все такими же высокими, благодаря чему Рэнсом сумел теперь лучше рассмотреть окружающую местность. Отсюда были видны широкие пространства плоскогорья по левую и правую руку. Местами на них поднимались облакоподобные розовые образования, но по большей части они были ровными, бледными и голыми до самого горизонта. Горные пики понизу окаймляли высокое плато, сгрудившись вокруг него, как нижние зубы вокруг языка. Рэнсома поразил резкий кон-

траст между харандрой и хандрамитом. Ущелье протянулось перед ним, как драгоценное ожерелье — игра лилового, сапфирового, желтого, бело-розового — богатый многоцветный орнамент, составленный из покрытой лесом суши и играющей, бегучей, вездесущей воды. Малакандра гораздо меньше напоминала Землю, чем ему поначалу казалось. Хандрамит не был обычной долиной, дно которой поднимается и опадает вместе с горным хребтом: он вообще не имел отношения к горам. Скорее, это была огромная трещина или расселина переменной глубины, рассекающая плоскую возвышенность харандры. Именно харандра, как теперь представлялось Рэнсому, была настоящей «поверхностью» планеты; во всяком случае, так ее обозначил бы любой земной астроном. Что же до хандрамита, он казался бесконечным; насколько хватало глаз, он убегал вдаль по прямой, как разноцветная лента, сужаясь в перспективе, пока, наконец, не вырезал в линии горизонта аккуратную букву «V». Хандрамит был виден на добрую сотню миль; кроме того, подумал Рэнсом, со вчерашнего дня он оставил позади еще миль тридцать — сорок.

Тем временем они спускались мимо порогов и водопадов туда, где можно было снова опу-

стить лодку на воду. Рэнсом продолжал изучать малакандрийский язык. Он узнал, как переводятся слова «лодка», «порог», «вода», «солнце» и «нести»; последнее особенно его заинтересовало, поскольку для него это был первый местный глагол. Кроме того, хросс долго втолковывал ему некое соотношение, содержавшееся в контрастных парах слов «хросса — хандрамит» и «серони — харандра». Рэнсом решил, что, по-видимому, хросса живут внизу, в хандрамите, а серони — наверху, на харандре. Но кто такие «серони»? Сомнительно, чтобы голые просторы харандры могли поддерживать жизнь. Возможно, подумал Рэнсом, у хросса есть мифология (он не сомневался, что они находятся на первобытном уровне развития), и «серони» — это божества или демоны.

Они снова сели в лодку и поплыли дальше. Приступы тошноты, хотя и не такие мучительные, как первый, по-прежнему часто одолевали Рэнсома. Лишь через несколько часов он догадался, что слово «серони» вполне может быть множественным числом от «сорн».

Справа от них солнце клонилось к закату. Оно опускалось быстрее, чем на Земле (по крайней мере, в земных широтах, знакомых Рэнсому), и

закат в безоблачном небе не мог соперничать красками с земным. Было и еще какое-то трудно-постижимое отличие; но не успел Рэнсом разобраться, в чем тут дело, как иглы черных пиков черными силуэтами перерезали солнечный диск, и в хандрамите стемнело. По левую руку, на востоке, бледно-розовая харандра еще была освещена. Она уходила к горизонту — далекая, гладкая, безмятежная, как некий возвышенный мир духа.

Они вновь пристали к берегу и на этот раз направились в чащу лилового леса. Голова у Рэнсома все еще кружилась после долгого плавания, и земля, казалось, покачивалась под ногами. Он очень устал и шел сквозь сумерки в каком-то смутном полусне. Вдруг между деревьями пробился свет, и они вышли к костру. Пламя отбрасывало блики на огромные листья над головой, а между ними виднелись звезды. Рэнсому показалось, что его окружили десятки хроссов. Теперь, когда их было много и они обступали его со всех сторон, они куда больше напоминали животных, чем его одинокий проводник. Он испугался было, но сильнее страха оказалось чувство, что здесь он абсолютно чужой. Ему нужны были люди — любые люди, пусть даже Уэстон

и Дивайн. Рэнсом слишком устал, чтобы как-то реагировать на эти круглые головы и покрытые шерстью морды — все вокруг казалось бессмысленным кошмаром. Но вдруг между ног взрослых зверей к нему пробрались юркие детеныши, щенки, молодняк — как бы их ни называть. И стало легче: малыши были очаровательны. Он опустил руку на черную головку и заулыбался. Напуганный детеныш кинулся прочь.

Рэнсом почти ничего не запомнил об этом вечере. Он что-то ел и пил, вокруг него все время перемещались черные фигуры, пламя костра отражалось в странных глазах. Наконец он оказался в каком-то темном закрытом помещении и уснул.

XI

С тех самых пор, как Рэнсом очнулся на космическом корабле, он не уставал думать о своем невероятном межпланетном путешествии и о том, есть ли у него шансы вернуться. Но мысль о пребывании на чужой планете просто не приходила ему в голову. И теперь каждое утро он бывал изумлен, когда обнаруживал, что он не летит на Малакандру и не бежит с нее, а просто живет на ней: спит, ест, гуляет, купается и даже разговаривает (ему понадобилось немного времени, чтобы изучить язык). Особенно остро он это почувствовал, когда недели через три после прибытия взял и отправился на прогулку. Еще через пару недель у него уже были любимые уголки, а также любимые блюда. Начали появляться и новые привычки. С первого взгляда он уже мог отличить хросса-самца от самки, да и морды — или, скорее, лица — хроссов перестали казаться одинаковыми. Хьои, который когда-то обнаружил его далеко к северу отсюда, был совсем не похож на седолицего почтенного Хнохру, ежедневно дававшего Рэнсому уроки языка. Осо-

бенно привлекала его детвора. Общаясь с детьми, Рэнсом забывал о мучительной для него загадке природы, поместившей разум в нечеловеческое тело: они были слишком малы, с ними можно было не думать о том, что хроссы — разумные существа. С детьми ему было не так одиноко, словно он привез с собой с Земли несколько верных друзей-собак. Со своей стороны, молодняк испытывал живейший интерес к безволосому чудищу, так неожиданно появившемуся среди них. Таким образом, у детей, а значит, и у их матушек, Рэнсом пользовался большим успехом.

Первоначальные впечатления землянина об особенностях общины хроссов постепенно изменялись. Сперва он решил, что их культура находится на стадии палеолита. Орудий у них было немного — в основном, каменные ножи. Судя по неуклюжим сосудам для варки пищи, гончарное искусство только зарождалось. Ни жареной, ни печеной пищи они не знали. В качестве чашек, тарелок и черпаков использовались раковины, из какой Рэнсом впервые испробовал местный напиток, а моллюски, живущие в этих раковинах, были единственной животной пищей. Зато растительные блюда оказались многочисленными и разнообразными, а некоторые из них

— просто настоящими деликатесами. Даже бело-розовая трава, покрывавшая весь хандрамит, была съедобна, так что если бы Рэнсом не встретил Хьои и умер от голода, это была бы голодная смерть за богатым столом. Однако хроссы эту траву («хондраскруд») не любили и питались ею только во время длительных путешествий, когда не было выбора. Жили они в шалашах из жестких листьев, по форме напоминающих ульи.

В округе было несколько деревень. Все они стояли на берегах рек, чтобы использовать тепло, идущее от воды, и располагались недалеко от стен хандрамита, где температура воды была выше. Хроссы спали на земле. Единственным видом искусства у них оказалась поэзия, соединенная с песней. Исполняла ее группа из четырех хроссов, и представления случались почти каждый вечер. Солист декламировал мелодичным речитативом, а остальные трос время от времени перебивали его песней то по одному, то перекликаясь между собой. Рэнсому так и не удалось выяснить, были ли эти песни просто лирическими вставками или драматическим диалогом, вырастающим из повествования солиста. Музыку же он просто не понимал. Голоса у хроссов были приятные, и гармония не резала человеческое ухо, но ритм

совершенно не согласовался с земными представлениями. не мог он поначалу разобраться и в том, чем вообще занимается племя (или семья). То одни, то другие хроссы то и дело исчезали на несколько дней, а потом снова появлялись. Время от времени кто-нибудь отправлялся собирать моллюсков. Часто кто-нибудь уплывал на лодке — но куда и зачем, Рэнсом не знал. Однажды он увидел, как целый караван хроссов направился куда-то по суше, причем каждый нес на голове груз растительной пищи. Очевидно, на Малакандре существовала торговля.

Уже в первую неделю Рэнсом познакомился с сельскохозяйственными угодьями хроссов. Примерно в миле вниз по хандрамиту от поселка лежали широкие безлесные пространства, покрытые низкой мясистой растительностью, главным образом желтого, оранжевого и синего цвета. За ними поднимались салатоподобные растения высотой с земную березу. Там, где они нависали над теплой водой, на нижних листьях можно было лежать, как в гамаке, слегка покачиваясь и вдыхая их нежный запах. Вообще, долго оставаться в неподвижности в хандрамите можно было только возле воды: в других местах было слишком холодно, как на Земле ясным зимним

утром. В обработке «полей» участвовали жители всех близлежащих деревень, причем существовало довольно отчетливое разделение труда. Хроссы не только срезали созревшие растения, но и сушили урожай, переносили в хранилища и даже чем-то удобряли свои угодья. Более того, Рэнсом заподозрил, что если не все, то некоторые водяные протоки имеют искусственное происхождение.

Но настоящий переворот в его взглядах на хроссов произошел, когда он достаточно изучил язык, чтобы объяснить им все про себя. В ответ на их вопросы он заявил, что спустился с неба. Хнохра тут же переспросил, с какой он планеты (или «земли» — хандры). Рэнсом специально давал «детское» объяснение, считая, что имеет дело с примитивным и невежественным народом, и был немало смущен. Хнохра подробно разъяснил ему, что жить на небе нельзя, потому что там нет воздуха. Вероятно, он пролетел сквозь небо, прибавил хросс, но ведь вылетел он с какой-то хандры? Оказалось, что Рэнсом не может указать Землю на звездном небе. Удивленные хроссы сами обратили его внимание на яркую планету, стоявшую невысоко на западе — немного левее, чем село Солнце. Рэнсома изумило, что они

уверенно выбрали именно планету, а не звезду. Неужели они что-то понимают в астрономии? К несчастью, он еще слишком плохо знал язык, чтобы выяснять такие подробности, но поинтересовался, как называется эта планета?

— Тулкандра, — ответили хроссы, — Безмолвный мир, Безмолвная планета.

— Почему «Тулк»? — удивился Рэнсом. — Почему «Безмолвная»? — но этого никто не знал.

— Это знают серони, — сообщил Хнохра. — Такие вещи знают именно они.

Рэнсома спросили, как он добрался до Малакандры. Он попытался описать космический корабль, не сумел, и снова услышал:

— Такие вещи знают серони.

Были ли у него спутники? Да, с ним прилетели еще двое таких, как он, но они оказались дурными людьми (на языке хроссов это звучало как «порченые люди»). Они хотели его убить, но он убежал. Из объяснений Рэнсома хроссы поняли далеко не все и, обсудив, решили, что ему следует отправиться к Уарсе. Уарса его защитит. Рэнсом спросил, кто такой Уарса, но понял только, что, во-первых, живет Уарса в Мельдилорне, во-вторых, знает все и правит всеми, в-третьих, всегда там пребывал, и в-четвертых, не является ни

хроссом, ни одним из серони. Оставаясь в плену своих представлений, Рэнсом спросил, не Уарса ли сотворил мир. Хроссы ужасно запротестовали, зашумели. Неужели на Тулкандре не известно, что мир сотворил Малельдил Юный и он же правит миром? Это знает любой малыш! А где живет Малельдил, поинтересовался Рэнсом.

— Вместе с Древним.

— Кто же такой Древний? — ответа Рэнсом не понял. Он попытался спросить по-другому: — Где живет Древний?

— Древний — не такой, — ответил Хнохра, — ему нет нужды жить где-нибудь.

Из дальнейших разъяснений Рэнсом понял мало, но все же достаточно, чтобы почувствовать раздражение. Он был намерен обращать этих примитивных, но разумных существ в лоно истинной веры, а вышло так, что это он — дикарь, и ему дают необходимые начальные представления о цивилизованной религии. Череда вопросов и ответов напоминала краткий катехизис. Он уяснил, что Малельдил — неделимый дух, лишенный тела и страстей.

— Он — не хнау, — объяснили хроссы.

— Что такое хнау? — спросил Рэнсом.

— Ты — хнау. Я — хнау. Серони — хнау. Пфи-

фльтригги — хнау.

— Пфифльтригги? — удивился землянин.

— В десяти и больше днях пути к западу, — ответил Хнохра, — харандра переходит не в хандрамит, а в широкое пространство, открытое со всех сторон. С севера на юг в нем пять дней пути, с востока на запад — десять. Там леса не такие, как здесь, другого цвета — синие и зеленые. Это очень глубокая впадина, до самых корней земли. Там много твердого вещества, и там живут пфифльтригги. Они любят копать землю, а то, что добудут, — размягчают на огне и делают из него разные вещи. Пфифльтригги — маленький народец, меньше тебя. Цветом они бледнее, с длинной мордой, и все время хлопочут. У них длинные руки. Они делают вещи лучше, чем все остальные хнау, так же как мы лучше всех поем. Пусть человек убедится сам.

Он сказал непонятные слова молодому хроссу, и тот принес небольшую чашу. Рэнсом осмотрел ее при свете костра. Чаша была золотая. Вот почему Дивайна так интересовала Малакандра.

— Здесь много этого вещества? — спросил Рэнсом.

Да, ответили ему, его можно намыть чуть ли не в каждой реке. Но больше всего его у пфифль-

триггов; там оно самое лучшее, и пфифльтригги — большие мастера его обработки. Они зовут его «Арбол хру» — «кровь Солнца».

Рэнсом стал разглядывать чашу. Ее покрывала искусная гравировка. Он увидел изображения хроссов, а также животных поменьше, похожих на лягушек, и, наконец, сорнов. Указав на последних, он получил ответ, подтвердивший его подозрения:

— Это — серони. Они живут почти на самой харандре, в больших пещерах.

Животные, похожие на лягушек — точнее, с лягушечьим телом и головой тапира, — оказались пфифлътриггами. Здесь было чему удивиться. Судя по всему, на Малкандре разумом обладали три различные расы, и ни одна из них до сих пор не истребила другие. Для Рэнсома было очень важно, какая раса занимает господствующее положение.

— Которые хнау правят? — спросил он.

— Правит Уарса, — ответили ему.

— Он — хнау?

Хроссы пришли в замешательство. По их мнению, такой вопрос лучше было бы задать серони. Возможно, Уарса — хнау, но он не похож на других хнау: он не умирает, у него нет детей.

— Так значит, серони знают больше, чем хроссы?

Хроссы заспорили между собой. Никто не мог дать ясного ответа. С одной стороны, серони (то есть сорны) совершенно беспомощны в управлении лодкой, не сумеют добыть моллюсков, даже если будут погибать от голода; почти не способны плавать; лишены поэтического дара, и даже когда хроссы сочиняют для них стихи, сорны понимают только простейшие из них. С другой стороны, серони лучше всех изучили звезды, толкуют самые непонятные высказывания Уарсы, и от них можно услышать о том, что происходило на Малакандре в давние времена, про которые все уже забыли.

«Ага, значит серони — интеллигенция, — заключил Рэнсом. — Должно быть, они и есть настоящие правители, хотя и скрывают это».

Он попытался узнать, что будет, если сорны воспользуются своей мудростью и заставят хроссов работать на себя. Яснее выразить свою мысль по-малакандрийски Рэнсом не смог (на Земле это бы звучало: «используют свои научные достижения для эксплуатации соседей, стоящих на более низкой ступени развития»). Впрочем, он зря старался: как только было упомянуто,

что сорны плохо воспринимают поэзию, хроссы немедленно перешли на литературную тему. И из последовавшего горячего обсуждения — по-видимому, вопросов поэтического мастерства — Рэнсом не понял ни слова.

Естественно, не все его беседы с хроссами были о Малакандре. Приходилось расплачиваться сведениями о Земле, что было не так-то просто. Во-первых, к своему стыду, он обнаружил, что о родной планете знает слишком мало, а во-вторых, часть правды он предпочел скрыть. Ему вовсе не хотелось слишком распространяться о войнах или уродстве современного промышленного века. Рэнсом помнил, чем кончились лунные приключения уэллсовского Кейвора. Когда хроссы настойчиво расспрашивали его о людях (они называли их «челховеки»), какое-то чувство стыда охватывало его, словно он должен был прилюдно раздеться. В придачу он не собирался рассказывать, что его привезли на Малакандру, чтобы отдать сорнам, поскольку с каждым днем все больше убеждался, что сорны — правящая раса. Но даже того малого, что он рассказал, оказалось достаточно, чтобы воспламенить воображение хроссов. Все поголовно начали слагать поэмы о странной «хандре», где

растения тверды, как камень, а трава зелена, как горы, где вода холодная и соленая, а «челховеки» живут прямо на «харандре».

А еще больше их заинтересовал рассказ о водяном хищнике с огромными зубами, от которого Рэнсом бежал уже в их мире и даже в их хандрамите. Все хроссы сошлись на том, что это «хнакра», и необычайно разволновались. Рэнсом узнал, что уже много лет в долине не появлялась ни одна хнакра. Молодые хроссы теперь всегда держали наготове оружие — примитивные гарпуны с костяными наконечниками. Обеспокоенные матери старались держать детей подальше от воды. А детишки постарше стали играть на мелководье в охоту на хнакру. В общем, сообщение о хнакре оживило жизнь.

Хьои отправился подправить лодку, и Рэнсом увязался за ним. Ему хотелось быть полезным, и с примитивными инструментами хроссов он уже немного научился управляться. Вдвоем они направились к протоке, где стояла лодка, невдалеке от поселения.

Рэнсом шел за Хьои по узкой тропе, когда им встретилась юная самка-хросс, еще совсем подросток. Она что-то говорила, но не им: ее глаза были устремлены в какую-то точку ярдах в пяти

в сторону.

— С кем ты разговариваешь, Хрикки? — удивился Рэнсом.

— С эльдилом.

— Где он?

— Разве ты не видишь?

— Нет, ничего не вижу!

— Да вот же он! — воскликнула она. — Ну вот, исчез. Неужели ты не видел?

— Нет…

— Эй, Хьои! — поразилась девочка. — Челховек не видит эльдила!

Но до Хьои ее слова уже не долетели — он шел дальше и ничего не заметил.

Рэнсом решил, что Хрикки разговаривала «по-нарошку» — совсем как дети на Земле. Через минуту он снова был рядом с Хьои.

XII

Они трудились над лодкой до полудня, а потом растянулись на траве рядом с теплым потоком и принялись за обед. Подготовка к боевым действиям против хнакры позволяла Рэнсому заговорить на интересующую его тему. Он не знал местного слова со значением «война», поэтому спросил, как сумел:

— Бывает ли у вас, чтобы серони, или хросса, или пфифльтригги вот так, с оружием в руках, шли друг против друга?

— А зачем? — удивился хросс.

Объяснить оказалось не так-то просто.

— Например, — наконец сказал Рэнсом. — у одною народа что-то есть, а другой народ хочет забрать это себе, но первый народ не соглашается отдать… Могут тогда другие применить силу? Могут сказать: «Отдайте, или мы вас перебьем?»

— Что же они могут потребовать?

— Ну, например, еду.

— Если другим хнау нужна еда, почему же не дать? Мы часто так и делаем.

— А если вам самим не хватает?

— Волею Малельдила еда произрастает постоянно.

— Но послушай, Хьои, если у вас будет нес больше и больше детей, можно ли надеяться, что Малельдил расширит хандрамит и вырастит достаточно пищи для всех?

— О таких вещах знают серони. Но зачем нам больше детей?

Рэнсом не знал, что и сказать. Но все же решился.

— Разве для хроссов зачинать детей — не наслаждение?

— Одно из самых великих, челховек. Мы зовем его любовью.

— У нас бывает так: испытав наслаждение, человек хочет, чтобы оно повторилось. И может родиться столько детей, что пищи на всех не хватит.

Хьои не сразу понял, о чем толкует Рэнсом.

— Ты хочешь сказать, — протянул он, — что челховек может это делать не год-два в жизни, а снова и снова?

— Вот именно!

— Но зачем? Не понимаю… Разве можно хотеть есть, когда пообедал, или спать, когда выспался?

— Но ведь обедаем мы каждый день! А любовь,

по твоим словам, приходит к хросса лишь один раз в жизни.

— Зато наполняет всю жизнь. В юности он ищет себе пару, потом ухаживает за избранницей, родит детей, воспитывает их, а потом вспоминает обо всем этом, переживает заново и обращает в поэзию и мудрость.

— Так неужели ему довольно всего лишь вспоминать о наслаждении?

— Это все равно, что сказать: «Неужели мне довольно всего лишь есть мою еду?»

— Не понимаю…

— Наслаждение становится наслаждением, только когда о нем вспоминаешь. Ты говоришь так, будто наслаждение — это одно, а память о нем — совсем другое. Но ведь они неразделимы. Серони могли бы объяснить это лучше, чем я объясняю. Но в песне я сказал бы лучше, чем они. То, что ты зовешь воспоминанием, довершает наслаждение, как «края» завершает и довершает песнь. Когда мы с тобой встретились, момент встречи был и прошел. Сам по себе он ничто. Теперь мы вспоминаем его и он понемногу растет. Но мы все еще знаем о нем очень мало. Истинная встреча с тобой — это как я ее буду вспоминать, когда придет время умирать. А та, что была, —

только ее начало. Ты говорил, на твоей хандре есть поэты. Разве они не учат вас этому?

— Некоторые, возможно, учат… — задумчиво проговорил Рэнсом. — Но даже если говорить о песнях… неужели хроссу никогда не хочется снова услышать какую-нибудь великолепную строку?

К несчастью, ответ Хьои опирался на тонкий семантический нюанс, в котором Рэнсом так и не разобрался. В языке хроссов было два глагола, оба для него означали «стремиться», «страстно желать». Хроссы, однако, их отчетливо различали и даже противопоставляли. Поэтому, с точки зрения землянина, Хьои попросту сказал, что любой бы к этому стремился («уонделоне»), но никто в здравом уме не стал бы к этому стремиться («хлантелинс»).

— Поистине, — продолжал хросс, — ты вовремя заговорил о песнях. Это хороший пример. Ибо самая великолепная строка обретает полное значение лишь благодаря всем строкам, следующим за ней. Если же вернуться к ней снова, обнаружится, что она вовсе не так хороша, как казалось. Возвращением можно ее уничтожить. Так бывает в хорошей песне.

— А в порченой песне, Хьои?

— Порченые песни слушать ни к чему, Челховек!

— А что ты скажешь о любви в порченой жизни?

— Может ли быть порченой жизнь хнау?

— Не хочешь же ты сказать, что порченых хроссов нет вообще!

Хьои задумался.

— Мне приходилось слышать о чем-то подобном, — сказал он наконец. — Говорят, иногда детеныш определенного возраста начинает вести себя как-то не так. Был один такой, он, по слухам, испытывал желание есть землю. Может статься, где-нибудь существовал и хросс, который хотел, чтобы годы любви у него продлились. Я о нем не слыхал, но все может быть. Зато я слышал песнь о еще более странном хроссе, который жил давным-давно, и не в нашем хандрамите. Он видел все в двойном размере: два солнца в небе, две головы на шее. И в конце концов, говорят, он впал в такое помрачение, что возжелал иметь двух подруг. Ты можешь мне не верить, но в песне говорится, что он любил двух хрессни.

Настал черед Рэнсома задуматься. Если Хьои говорит правду, он столкнулся с естественно добродетельной, от природы моногамной расой.

Хотя что в этом такого уж странного? Известно, что у многих животных сексуальные инстинкты проявляются лишь в сезон свадеб. Кроме того, если уж природа ' сотворила такое чудо, как половой инстинкт, почему она не могла пойти еще дальше и предписать влечение лишь к одной особи противоположного пола? Ему даже смутно припомнилось, что кое-какие «низшие» земные организмы естественно моногамны. Так или иначе. Рэнсому стало ясно, что среди хроссов неограниченная рождаемость и супружеская неверность невозможны. И тут его осенило: не в хроссах, а в людях таится главная загадка. Конечно, инстинкты хроссов удивительны. Но куда удивительнее, что именно они — недостижимый пока моральный идеал далекой земной расы! Ведь собственный половой инстинкт человека находится в таком плачевном разладе с идеалом, что вся история человечества не есть ли постоянная борьба между тем и другим? Хьои снова прервал молчание:

— Несомненно, нас сделал такими Малельдил. Где бы мы брали еду, если бы у каждого было двадцать детей? И подумай, ведь жизнь стала бы невыносимой, каждый миг наполнился бы страданием, если б мы все время призывали вер-

нуться какой-нибудь день или год. Но мы знаем, что каждый день жизни полон предвкушением и памятью — из них-то и состоит каждый миг.

В глубине души Рэнсом был уязвлен тем, что его собственный мир явно проигрывает на этом фоне. Он буркнул:

— И все-таки Малельдил подсунул вам хнакру!

— Ну, это же совсем другое дело! Я жажду убить хнакру, как и она жаждет убить меня. Я мечтаю быть первым на первой лодке, первым ударить копьем, когда лязгнут черные челюсти. Если она убьет меня, мой народ меня оплачет и на мое место встанут мои братья. Но никто не хочет, чтобы все хнераки исчезли. Не хочу этого и я. Как тебе объяснить? Ведь ты не понимаешь наши песни! Хнакра — наш враг, но и наша возлюбленная. Когда она смотрит вниз с водяной горы на севере, где она родилась, в наших сердцах живет ее радость. Она летит в потоке водопада — и мы летим с ней. А когда приходит зима, и озера скрывает от наших глаз густой пар, — мы смотрим ее глазами, чувствуем, что ей пришла пора отправиться в путь. Изображения хнакры висят в наших хи-лищах. Хнакра — знак всех хросса. В ней живет душа долины. Наши дети начинают играть в хнакру, как только научаются плескаться на отмели.

— И тогда она их убивает?

— Очень редко. Хросса были бы порченными, если б позволили ей подобраться так близко. Мы выслеживаем ее задолго до этого. Да, Челховек, в мире есть опасности, грозящие смертью, но им не сделать хнау несчастным. Только порченый хнау мрачно смотрит вокруг. И вот что я еще скажу. Не будет лес веселым, вода — теплой, а любовь — сладкой, если исчезнет смерть из озера. Я расскажу тебе про день, который сделал меня тем, что я есть. Такой день бывает раз в жизни, как любовь или служение Уарсе в Мельдилорне. Я был тогда молод, почти детеныш. Но я отправился в далекое-далекое путешествие вверх по хандрамиту в ту страну, где звезды сияют и в полдень и даже вода холодна. Я вскарабкался по уступам к вершине огромного водопада и оказался на берегу заводи Балки, где трепет и благоговение охватывают хнау. Стены скал уходят там к самым небесам. Еще в древности на них были высечены гигантские священные знаки. Там и грохочет водопад, именуемый Водяной Горой. Я был один наедине с Малельдилом, ибо даже слово Уарсы не достигало меня. И с тех пор во все мои дни сердце мое бьется сильнее, а песнь звучит громче. Но скажу тебе: все мои чувства были бы иными,

если б я не знал, что в Балки живут хнераки. Там я пил жизнь полной чашей, ибо в заводи таилась смерть. И это был наилучший напиток, не считая лишь одного.

— Какого?

— Напитка самой смерти в тот день, когда я выпью ее и уйду к Малельдилу.

Через несколько минут они снова принялись за работу. Солнце уже опускалось, когда они возвращались через лес к селению. Тут Рэнсом вспомнил о странной сцене по пути к берегу.

— Хьои, — заговорил он, — я вспоминаю: когда мы с тобой встретились, но ты меня еще не заметил, ты все же заговорил. Потому я и понял, что ты — хнау, иначе бы принял тебя за зверя и убежал. Но к кому ты обращался?

— К эльдилу.

— Кто это? Я никого не видел.

— Разве в твоем мире нет эльдилов, Челховек? Трудно поверить.

— Но кто они такие?

— Они приходят от Уарсы. Думаю, что они — хнау.

— По пути к берегу мы встретили девочку. Она сказала, что разговаривает с эльдилом, но я никого не заметил.

— Твои глаза, Челховек, устроены не так, как наши. Но эльдилов вообще трудно углядеть. Они не похожи на нас: свет проходит сквозь них. Эльдила можно увидеть, если смотреть в нужное место в нужный момент, да и то если он сам этого пожелает. Бывает, что его принимаешь за солнечный луч или даже покачивание листьев, но, присмотревшись, понимаешь, что здесь только что был эльдил — и уже исчез. Не знаю, можно ли увидеть их твоими глазами. Такие вещи известны серони.

XIII

На следующее утро вся деревня была на ногах еще до рассвета. Солнце уже осветило харандру, но лес тонул в ночной тьме. Шли приготовления к завтраку; хроссы сновали взад-вперед при свете костров. Женщины разливали из горшков дымящуюся еду, мужчины под руководством Хнохры перетаскивали в лодки охапки дротиков; самые опытные охотники собрались вокруг Хьои и слушали его объяснения, слишком быстрые и слишком специальные для Рэнсома. Стягивался народ из соседних деревень; детеныши с восторженным визгом носились под ногами у взрослых.

Рэнсом понял, что его участие в охоте разумеется само собой. Ему отвели место в лодке Хьои и Уина. Те решили грести по очереди, а Рэнсома посадить на нос, рядом с отдыхающим напарником. Рэнсом уже хорошо знал хроссов и потому понимал всю почетность предоставленного ему места — ведь и Хьои и Уин больше всего на свете не хотели оказаться на веслах, когда появится хнакра. Не так давно, в Англии, идея принять

на себя почетную роль при нападении на неведомое, смертельно опасное водяное чудовище показалась бы Рэнсому совершенно дикой. Еще совсем недавно, когда он спасался от сорнов или лежал ночью в лесу, разрываясь от жалости к самому себе, такой подвиг был бы ему не по силам. Но сейчас его решимость была твердой. Что бы ни случилось, он постарается доказать, что человеческий род ничем не хуже других хнау. Он прекрасно понимал, что истинная цена таких решений узнается только в деле, но в то же время чувствовал странную уверенность, что как-нибудь справится. Ведь это было необходимо, а необходимое всегда осуществимо. Кроме того — воздух ли Малакандры был тому причиной или жизнь среди хроссов, — но за последнее время он заметно переменился.

Когда первые лучи солнца заскользили по поверхности озера, Хьои уже выводил свою лодку из заводи. Рэнсом сидел на указанном ему месте рядом с Уином, зажав дротик в правой руке и еще несколько между колен, и изо всех сил старался держаться прямо, когда лодка особенно высоко взлетала на волнах. В охоте участвовало не меньше сотни лодок, они разбились на три отряда. Центральный, самый малочисленный, состоял

из больших восьмивесельных лодок и должен был подниматься против течения, по которому Рэнсом и Хьои плыли в день знакомства. Хнакра обыкновенно дрейфовала в границах течения, и хроссы рассчитывали, что, наткнувшись на лодки, чудовище метнется в стоячие воды слева или справа от потока. Поэтому, пока центральный отряд медленно прочесывает течение, легкие лодки, гребя гораздо быстрее, будут свободно курсировать с обеих сторон, чтобы встретить жертву, как только она покинет свое, если можно так выразиться, логово. В этой игре хроссы полагались на численный перевес и тонкую стратегию; преимущество врага состояло в быстроте и невидимости: он мог плыть под водой. Кроме того, поразить его можно было только через открытую пасть, так что если оба охотника той лодки, на которую нападала хнакра, промахивались, это означало почти верную гибель всего экипажа.

В отрядах легких стрелков наиболее отважные охотники могли выбрать одну из двух тактик: держаться вблизи длинных лодок, там где хнакра, скорее всего, пересечет границу течения, или заплыть далеко вперед, чтобы застать чудовище врасплох, когда оно будет двигаться на полной скорости, и прямо там, задев его метким

дротиком, выманить в спокойные воды. Так они могли опередить забойщиков и — если повезет — прикончить зверя самостоятельно. Именно об этом мечтали Хьои и Уин, а вслед за ними и Рэнсом, зараженный их желанием. Как только корабли выстроились в боевой порядок и тяжелые лодки, окруженные целой стеной пены, двинулись вверх по течению, Хьои изо всех сил налег на весла, и они помчались к северу, чтобы обогнать флотилию. От скорости захватывало дух. Воздух был холодный, как всегда утром, но от синей глади, по которой они неслись, поднималось приятное тепло. Позади слышался гул, будто бой колоколов, усиленный эхом от дальних островерхих скал, обрамлявших долину; то были голоса двух или трех сотен хроссов, похожие на лай охотничьих собак, но более мелодичные. Чувство, дремавшее годами, пробуждалось в крови Рэнсома. «Ведь может статься, что я окажусь победителем хнакры, — подумал он, — что в этом мире я — единственный представитель человеческого рода — останусь в памяти будущих поколений как Челховек хнакрапунт». Но он уже по опыту знал, чем оборачиваются подобные мечты, и поэтому, смирив разыгравшееся воображение, устремил взгляд на бурные воды потока,

по краю которого плыла лодка.

Долгое время ничего не происходило. Рэнсом вдруг ощутил напряженность своей позы и заставил себя расслабиться.

Вскоре Уин нехотя сел на весла, а Хьои занял его место на носу. Почти сразу после того, как они пересели, Хьои вполголоса проговорил, обращаясь к Рэнсому и не отрывая взгляда от течения:

— К нам приближается эльдил.

Рэнсом повернул голову — но то, что он увидел, показалось лишь причудливой игрой лучей на поверхности озера. Хьои снова заговорил, на этот раз не с ним:

— В чем дело, сын небес?

И тут произошло самое невероятное из всего, что Рэнсому довелось до сих пор испытать на Малакандре. Он услышал голос. Голос словно шел из воздуха, примерно в метре над его головой. Он был почти на октаву выше голоса хросса, даже выше человеческого. Будь слух Рэнсома хоть чуть-чуть менее острым, он бы не смог услышать эльдила.

— Человеку нельзя оставаться с вами, Хьои, — произнес голос. — Его нужно послать к Уарсе. За ним гонятся порченые хнау. Если его настигнут, прежде чем он придет к Уарсе, будет беда.

— Он слышит тебя, сын небес, — сказал Хьои. — А для моей жены у тебя нет ничего нового? Ты знаешь, каких вестей она ждет.

— У меня есть вести для Хлери, — ответил эльдил. — Но я не могу передать их через тебя. Я иду к ней сам. С этим все хорошо. Пусть только человек пойдет к Уарсе.

Голос смолк.

— Его уже нет здесь, — сказал через минуту Уин. — Теперь мы пропустим охоту.

— Да, — вздохнул Хьои. — Придется высадить челховека на берег и объяснить ему, как добраться до Мельдилорна.

Не то чтобы Рэнсому изменило мужество, но, поняв, что не сможет участвовать в охоте, он почувствовал мгновенное облегчение. В то же время некий внутренний голос, совсем недавно пробудившийся в нем, твердил: не отступайся от начатого; только теперь, только с этими спутниками ты сможешь совершить поступок, о котором с гордостью будешь вспоминать; иначе — еще одно пустое мечтание. И, повинуясь этому голосу, Рэнсом воскликнул:

— Нет, нет! Незачем так спешить. Сначала нужно убить хнакру.

— Когда говорит эльдил… — начал Хьои, как

вдруг Уин издал громкий вопль (еще три недели назад Рэнсом сказал бы «лай») и указал на течение. Примерно в фарлонге от лодки двигалась пенная полоса, будто след торпеды, а в следующее мгновение блеснуло металлическим отливом тело чудовища. Уин яростно греб. Хьои метнул и промахнулся. Первый дротик не успел еще коснуться воды, как Хьои бросил следующий. На этот раз снаряд, видимо, задел хнакру. Зверь резко вывернул из течения. Дважды разверзлась и захлопнулась необъятная пасть с акульим оскалом. Тогда метнул свой дротик и Рэнсом — торопливо, неумелой, дрожащей от возбуждения рукой.

— Назад! — прокричал Хьои Уину, который и так уже греб назад, наваливаясь на весла всей тяжестью своего могучего тела. Потом все смешалось.

— Берег! — закричал Уин.

Рэнсом почувствовал мощный толчок, швырнувший его вперед, чуть ли не в самую пасть хнакры, и оказался по пояс в воде, прямо перед лязгающими челюстями. Он бросил один за другим еще несколько дротиков в громадный зияющий зев и вдруг с изумлением увидел, что Хьои сидит верхом на спине гада — карабкается на морду, — наклоняется вперед и разит сверху. В

следующий миг хросс отлетел на несколько метров в сторону и упал в воду, подняв тучи брызг. Но хнакре пришел конец. Она повалилась на бок и билась, изрыгая вместе с остатками жизни смрадную черную пену.

Когда Рэнсом пришел в себя, все трое были на берегу, в объятиях друг друга. От их мокрых, дрожащих от напряжения тел валил пар. Ему уже не казалось странным или неприятным прижиматься к груди, покрытой влажной шерстью, чувствовать дыхание, пусть свежее, но все-таки не человеческое. Он стал своим среди них. Он преодолел ту преграду, которой для хроссов, привыкших иметь дело с разными видами разумных существ, наверное, вообще не существовало. Все они были хнау, и разве значила что-нибудь разница в форме голов по сравнению с тем, что они вместе выдержали натиск врага. И даже он, Рэнсом, с честью вышел из этого испытания. Он чувствовал себя возмужавшим.

Они находились на небольшом безлесом мысу, куда их выбросило в пылу сражения. Рядом, в воде, под обломками лодки лежал труп чудовища. Остальные охотники остались почти в миле позади, даже их голоса сюда не доносились.

Все трое сели, чтобы перевести дыхание.

— Теперь мы — хнакрапунти, — сказал Хьои. — Об этом я мечтал всю жизнь.

В то же мгновение раздался оглушительно громкий звук, который Рэнсом тотчас узнал, как ни странно, почти невозможно было слышать его здесь. Совершенно земной, человеческий, по-европейски цивилизованный звук: выстрел английской винтовки. Хьои забился у его ног, ловя ртом воздух и пытаясь подняться. Белая трава вокруг него окрасилась кровью. Рэнсом опустился на колени, попробовал перевернуть Хьои на спину. Тело хросса было для него слишком тяжелым. Уин бросился помогать.

— Ты слышишь меня, Хьои? — спросил Рэнсом, склонившись к круглой, как у тюленя, голове. — Хьои, это все из-за меня. Это другие челховеки — те двое, порченые, которые привезли меня на Малакандру, они тебя ранили. Я должен был предупредить. Мы все порченые, весь наш род. И на Малакандру мы принесли зло. Мы только полухнау, Хьои… — он замолчал, не в силах продолжать, не зная слов «стыд», «вина» или хотя бы «прости»; он только вглядывался в искаженное лицо Хьои в бессильном раскаянии. Но хросс, видимо, понял, он силился что-то сказать. Рэнсом даже теперь не мог ничего прочитать в тускнею-

щих глазах и приник ухом ко рту умирающего.

— Челх… Челх… — задыхался Хьои, и наконец проговорил: — Челховек хнакрапунт. — По телу его пробежала судорога, изо рта хлынула кровавая слюна. Запрокинувшаяся голова вдруг невероятно отяжелела, так что Рэнсом не смог удержать ее руками. Лицо Хьои стало таким же чужим и животно-бессмысленным, каким оно показалось Рэнсому при их первой встрече. Остекленевшие глаза, мокрая, постепенно смерзающаяся шерсть — так выглядел бы любой мертвый зверь в каком-нибудь лесу на Земле.

Рэнсому хотелось закричать, осыпать Уэстона и Дивайна проклятиями — но разве поправишь случившееся?! Подняв голову, он встретился взглядом с Уином, который присел по другую сторону Хьои (хроссы не умеют вставать на колени).

— Уин, я в ваших руках, — сказал Рэнсом. — Я не знаю, как вы поступите. Разумнее всего будет убить меня — и, конечно, тех двоих.

— Нельзя убивать хнау, — ответил Уин. — Это может сделать только Уарса. А где те двое?

Рэнсом посмотрел вокруг. Там, где голый мыс переходил в берег, ярдах в двухстах, начинался густой лес.

— Прячутся где-то в лесу, — сказал он. — Ло-

жись сюда, Уин, в эту ложбину. Может быть, они опять бросят смерть из своей штуки.

Он не без труда убедил Уина послушаться. Они легли на траву, почти касаясь ногами воды, и хросс снова спросил:

— Почему они убили Хьои?

— Они не могут знать, что он — хнау. Я говорил — в нашем мире только один вид хнау. Они, наверное, думали, что он — зверь. И убили его просто так, для развлечения, или из страха, или… — тут он замялся, — потому что были голодны. А кроме того, я должен сказать тебе правду. Уин. Даже когда они понимают, что перед ними хнау, они все равно могут убить его, если это им зачем-нибудь понадобится.

Уин ничего не отвечал.

— Интересно, видели они меня или нет, — продолжал Рэнсом после минутной паузы. — Ведь они пришли сюда, на вашу землю, чтобы найти меня. Может быть, мне нужно пойти к ним, чтобы они больше не тревожили вас. Только почему же они не выходят из леса посмотреть, кого убили?

— Наши уже здесь, — сказал Уин, оглянувшись. Рэнсом тоже обернулся — остальные лодки уже достигли озера. Через несколько минут к ним подплывет основной отряд охотников.

— Они боятся хроссов, — сказал Рэнсом, — потому и не хотят выходить из леса. Я пойду к ним, Уин.

— Нет, — возразил Уин. — Я думал об этом. Все случилось оттого, что мы не послушались эльдила. Он сказал, что ты должен идти к Уарсе. Ты должен бы уже быть в пути. Ты пойдешь сейчас.

— Но тогда порченые челховеки останутся здесь. Они могут натворить еще больше зла.

— Ты же сам сказал, что они боятся хроссов. Нет, челховеки нас не тронут — возможно, это мы, наоборот, нападем на них. Но не пугайся, они нас не увидят и не услышат. Мы просто приведем их к Уарсе. А теперь ты должен идти, как велел эльдил.

— Все подумают, что я сбежал, потому что после смерти Хьои мне стыдно смотреть им в глаза.

— Важно не то, что они подумают, а то, что сказал эльдил. Главное — слушаться его. Ты же не ребенок. А теперь я объясню дорогу.

По словам хросса, в пяти днях ходьбы к югу их хандрамит соединяется с другим таким же, по которому еще три дня пути к северо-западу до Мельдилорна и Уарсы. Но лучше идти коротким путем — он лежит через горы, пересекая выступ харандры между двумя каньонами, и приводит

к Мельдилорну на второй день. Рэнсом должен войти в лес и идти, пока не упрется в сплошную стену скал на краю хандрамита, а оттуда нужно двигаться между горными отрогами к югу. Там он увидит дорогу, пойдет по ней вверх и, миновав горные вершины, окажется возле башни Эликана. Эликан ему поможет. Перед тем, как начать подъем, можно запастись едой — нарезать в лесу травы. Уин понимал, что как только Рэнсом войдет в лес, ему грозит встреча с другими челховеками.

— Если тебя схватят, — сказал он, — они уже не пойдут, как ты говорил, дальше на наши земли. Но лучше, чтоб это случилось не здесь, а когда ты будешь идти к Уарсе. Я думаю, он не позволит порченым помешать тебе, если ты уже будешь на пути.

Рэнсом вовсе не был уверен, что это лучшее решение как для него, так и для хроссов. Но смерть Хьои поразила, просто раздавила его, и возражать он не мог. Теперь он стремился делать лишь то, что от него хотят хроссы, и не доставлять им больше неприятностей, насколько это возможно. А главное — оказаться где-нибудь подальше.

Что чувствует Уин, понять было невозможно. Рэнсому очень хотелось услышать хоть слово про-

щения, но он решительно остановил новый поток сетований и самообвинений. Ведь, испуская последний вздох, Хьои назвал его победителем хнакры — это ли не великодушное прощение? Запомнив подробности пути, он попрощаются с Уином и двинулся по направлению к лесу.

XIV

Расстояние до леса Рэнсом преодолел машинально, каждую секунду ожидая нового ружейного выстрела. Ему пришло в голову, что Уэстон и Дивайн, возможно, хотят взять его живым; кроме того, хросс еще видел его, и хотя бы видимость спокойствия Рэнсом сохранил. Но в лесу он не мог чувствовать себя в безопасности. Длинные стебли без ветвей служили бы прикрытием, только если б враг находился достаточно далеко, а на это рассчитывать не приходилось. Рэнсома охватило сильнейшее желание закричать и сдаться на милость неприятеля; наготове было и разумное объяснение — он избавит хроссов от присутствия Уэстона и Дивайна, которым придется уйти из этой местности, чтобы выдать его сорнам.

Но Рэнсом немного разбирался в психологии и знал, что у беглецов нередко возникает такое иррациональное чувство; ему и самому случалось испытывать нечто подобное во сне. Наверное, подумал он, просто нервы не выдерживают. Во всяком случае, впредь он будет немедленно подчиняться хроссам или эльдилам. На Малакандре

все его попытки действовать на свой страх и риск до сих пор заканчивались весьма плачевно. И Рэнсом запретил себе поддаваться каким бы то ни было настроениям, твердо решив сделать все от него зависящее, чтобы добраться до Мельдилорна.

Он был уверен, что решение его правильно, ибо мысль о путешествии вызывала в нем самые мрачные предчувствия. На харандре, которую ему предстояло пересечь, обитали сорны. Таким образом, теперь он добровольно направлялся в ту самую ловушку, которой столь упорно избегал с того момента, как оказался на Малакандре. (Тут подкатил было новый приступ ужаса, но Рэнсом осадил его.) Пусть он даже благополучно минует сорнов и достигнет Мельдилорна, но сам Уарса — кто или что это такое? Уарса, как зловеще обмолвился Уин, не думает, в отличие от хроссов, что нельзя убивать хнау. И потом, Уарса правит сорнами, как и хроссами, и пфифльтриггами. Возможно, он просто верховный сорн.

Рэнсома опять охватила тревога. В душе поднимался, настойчиво заявляя о своих правах, древний страх землян перед чуждым, холодным разумом, сверхчеловеческим по силе, нечеловеческим по жестокости. Но он продолжал идти

вперед, к Мельдилорну. Все-таки ему не верилось, что хроссы могут подчиняться злому чудовищу; кроме того, хроссы говорили — или ему это только кажется? — что Уарса не сорн. Но тогда что он такое — божество? Тот самый идол, в жертву которому сорны хотели принести его, Рэнсома? Нет; хотя многое в объяснениях хроссов оставалось непонятным, они определенно отвергли его предположение, что Уарса — бог. Как следовало из их слов, бог только один — Малельдил Юный. Да и немыслимо, чтобы Хьои и Хнохра поклонялись обагренному кровью идолу. Или сорны, уступая хроссам во всем, что ценится среди людей, установили свое господство, пользуясь интеллектуальным превосходством? Довольно странное устройство мира, но ничего невозможного в этом нет: на нижней ступени — героизм и поэзия, выше — холодный научный интеллект, в свою очередь безвольный и бессильный перед диктатом какого-то мифического существа — месть восставших эмоциональных глубин за пренебрежение ими. Этакий истукан… Но Рэнсом опять осадил себя. Он уже слишком много знал, чтобы так рассуждать. Если бы раньше Рэнсому рассказали про эльдила, он, как и любой человек на его месте, счел бы это суеверием, но теперь

он сам слышал голос. Нет, Уарса — реальная личность (если только к нему применимо это понятие).

Рэнсом был в пути уже около часа; время приближалось к полудню. Он не сомневался, что держится правильного направления: нужно было просто идти все время вверх, и тогда рано или поздно лес кончится и покажутся горы. Чувствовал он себя превосходно, хотя голова была, как после холодного душа. Лес заливал неподвижный, слабый бледно-лиловый свет, как и в его первый день на Малакандре; и тем не менее, все стало другим. Теперь он вспоминал то время, как страшный сон, свое тогдашнее состояние, как род недуга: все превратилось в безотчетный, воющий, сам себя пугающий и пожирающий ужас. Теперь, в ясном свете осознанного долга, он хотя и чувствовал страх, но вместе с ним — спокойное доверие к себе и окружающему миру и даже некоторое удовольствие. Разница была такая же, как между неопытным моряком на тонущем корабле и всадником, у которого понесла лошадь: обоим грозит гибель, но всадник знает, как нужно действовать.

Около часа пополудни он неожиданно вышел из леса и оказался на залитой солнцем поляне

всего в каких-нибудь двадцати ярдах от подножия гор — так близко, что ему не видны были вершины. Прямо перед ним горные отроги, как вставным углом, разделялись долиной и глубоко врезались в сплошную стену почти отвесных скал, образуя изогнутую каменную поверхность, взобраться на которую было невозможно: внизу она была покатая, как крыша дома, выше — почти вертикальная, а на самом верху даже выдавалась вперед, как гребень готовой обрушиться гигантской волны. Последнее, впрочем, могло быть и обманом зрения. Что же такое дорога в понимании хроссов? — подумал Рэнсом.

Он двинулся к югу по узкой неровной полоске земли между лесом и горой. Приходилось то и дело преодолевать высокие скалистые уступы, что при всей легкости этого мира было чрезвычайно утомительно. Примерно через полчаса тропинку пересек ручей. Рэнсом зашел в лес, нарезал вдоволь травы и сел завтракать на берегу ручья. Поев, он наполнил карманы оставшейся травой и отправился дальше.

Дорога все не показывалась, и Рэнсом встревожился. Если подъем на гору вообще возможен, то только засветло, а день уже близится к середине. Но опасения оказались напрасными.

Когда он наконец вышел к дороге, не заметить ее было нельзя. Слева лес прорезала просека, видимо, ведущая к деревне хроссов, а справа начиналась дорога, которая шла то накатами, то впадинами, наискось поднимаясь по склону такой же долины, какую он видел раньше. У Рэнсома даже дыхание перехватило при виде этой безумно крутой, безобразно узкой лестницы без ступеней, которая вела на головокружительную высоту и там превращалась в тонкую нить, едва различимую на бледно-зеленой скале. Впрочем, разглядывать было некогда: Рэнсом был не мастер оценивать расстояния, но не сомневался, что высота, которую ему предстоит одолеть, гораздо выше альпийской, и в лучшем случае он окажется наверху к заходу солнца. Не медля ни минуты, он начал подъем.

На Земле подобное путешествие было бы немыслимо; человек сходного с Рэнсомом сложения и возраста через четверть часа упал бы без сил. Сначала Рэнсом наслаждался легкостью продвижения, но постепенно, несмотря на малакандрийские условия, крутизна и нескончаемость пути начали сказываться: спина у Рэнсома согнулась, грудь начала болеть, ноги — дрожать. Но это было еще не самое худшее. Рэнсом почув-

ствовал звон в ушах и заметил, что совсем не вспотел, хотя и очень устал. С каждым шагом усиливался холод, он отнимал силы быстрее, чем самая невыносимая жара. Уже потрескались губы, изо рта с каждым выдохом вырывались клубы пара, пальцы закоченели. Рэнсом понял, что впереди его ждет безжизненная арктическая страна. Он уже миновал английскую зиму и вступил в лапландскую. Рэнсом испугался; он решил, что должен немедленно передохнуть: если он пройдет еще сотню шагов и сядет, то подняться уже не сможет. Он присел на корточки и несколько минут похлопывал себя по бокам. Пейзаж был жуткий. Хандрамит — мир, к которому он за несколько недель успел привыкнуть — стал узкой лиловой прорезью в бескрайней пустынной равнине харандры, которая теперь ясно виднелась в просветах между горными пиками и выше над ними. Рэнсом поднялся, нисколько не отдохнув: он понял, что погибнет, если не будет все время идти вперед.

Окружающий мир становился все более странным и чуждым. Среди хроссов Рэнсом почти забыл о том, что находится на чужой планете; сейчас это чувство опять вернулось к нему с новой опустошающей силой. То, что он видел

вокруг, уже не походило на мир — понятный или чуждый — вообще на «мир»; это была планета, звезда, островок пустыни во вселенной, в миллионах миль от мира людей. Он уже не мог вспомнить тех чувств, которые испытывал к Хьои или Уину, эльдилам или Уарсе. С чего он взял, что имеет какие-то обязательства перед этими смешными уродами (если только они все — не галлюцинация), которые повстречались ему в пустынных далях космоса? Он — человек и не имеет с ними ничего общего. Почему Уэстон и Дивайн бросили его?

И тем не менее первоначальное решение, принятое, когда он еще не утратил способности рассуждать, все время гнало его вверх. Порой он забывал, куда и зачем идет. Его движения подчинялись теперь механическому ритму: от усталости он замедлял шаг, замерзал и снова шел быстрее. Он заметил, что над хандрамитом, который превратился в незначительную часть пейзажа, висит дымка. Ни разу за все время, пока он жил там, Рэнсом не видел тумана. Может быть, так выглядит сверху воздух в хандрамите. Здесь, в горах, он совсем другой. То, что происходило с его легкими и сердцем, нельзя было объяснить одним лишь действием холода и усталостью.

Хотя не было снега, все заливал ярчайший свет и становился все сильнее, резче и белее, а такого густо-синего неба он на Малакандре не видел ни разу. И на этом темно-синем, почти черном небе с уже проступившими звездами вырисовывались зазубренные скалистые хребты — именно таким Рэнсом представлял себе лунный пейзаж.

Внезапно Рэнсом все понял. Он приближается к границе, за которой воздуха нет. Видимо, на Малакандре атмосфера сосредотачивалась главным образом над впадинами хандрамита, а собственно поверхность планеты была покрыта лишь тонким слоем воздуха или вовсе лишена его. Ослепительный свет и чернота над головой указывали на близость «небес», откуда Рэнсом упал на Малакандру и от которых его теперь отделял лишь тончайший воздушный покров. Если до вершины остается больше ста фугов, значит, на ней человек не может дышать. Что если у хроссов иначе устроены легкие и, указав эту дорогу, они обрекли его на верную гибель? Но едва Рэнсом подумал об этом, как заметил, что зазубренные пики, сверкающие вдали на фоне черно-синего неба, находятся уже вровень с ним. Подъем закончился. Дальше дорога шла по дну неглубокой лощины, ограниченной по правую руку острия-

ми высоких гор, а слева — покатым каменистым склоном, поднимающимся уже к самой харандре. И здесь Рэнсом, пусть с трудом, но все еще мог дышать, несмотря на головокружение и боль в легких. Садилось солнце. Наверное, хроссы все это предвидели: ночь на харандре означала для них смерть, так же как и для него. Шатаясь, он продолжал идти вперед, ища взглядом башню Эликана, чем бы этот Эликан ни оказался.

Безусловно, Рэнсом утратил правильное представление о времени. Вряд ли он долго блуждал среди удлиняющихся теней, когда увидел впереди огонек. Только тут он понял, как сгустилась вокруг темнота. Он бросился было бежать, но тело его не слушалось. Спотыкаясь от нетерпения и слабости, он рвался к свету; решил, что уже рядом, но нет — огонь гораздо дальше, чем ему показалось; совсем отчаялся — и снова заковылял; и наконец оказался перед входом в пещеру. Изнутри лился неровный свет. Рэнсома обдало волной благословенного тепла. Свет шел от костра. Нетвердо ступая, он вошел в пещеру, обогнул костер, сделал еще несколько шагов вглубь и остановился, моргая от яркого света. Когда глаза к нему привыкли, Рэнсом увидел вокруг стены высокой залы из гладкого зеленого камня. В зале

находились двое. Один, громадный и угловатый, пляшущий на стенах и своде, оказался тенью сорна, другой сидел скрючившись у его ног. Это был сам сорн.

XV

— Подойди ко мне, Коротыш, — прогудел сорн, — я хочу посмотреть на тебя.

Итак, Рэнсом видел перед собой того, чей жуткий образ преследовал его с тех пор, как он ступил на землю Малакандры, и, как ни странно, не испытал при этом ни малейшего страха. Он совершенно не представлял, что его ждет здесь, но был полон решимости не отступать; а тепло и воздух, которым почему-то стало легче дышать, сами по себе были блаженством. Он продвинулся дальше, в глубь пещеры, встал спиной к огню и ответил сорну. Собственный голос показался ему пронзительным дискантом.

— Хроссы послали меня к Уарсе, — сказал Рэнсом.

Сорн внимательно рассматривал его.

— Ты не из нашего мира, — заявил он вдруг.

— Да, — согласился Рэнсом, садясь на пол. У него не было сил объяснять.

— Ты, наверно, с Тулкандры, — сказал сорн.

— Почему? — спросил Рэнсом.

— Потому что ты маленький и плотный —

именно так должны быть устроены существа в более тяжелом мире. Но ты не с Глундандры: там такая сила тяжести, что даже тебе ее не выдержать. Если там и есть животные, они должны быть плоскими, как тарелки. Вряд ли ты с Переландры, ведь там очень жарко и существа оттуда не смогли бы здесь жить. Из чего я и заключаю, что ты с Тулкандры.

— Я явился из мира, который называется Земля, — сказал Рэнсом. — Там гораздо теплее, чем здесь. Я чуть не умер от холода и недостатка воздуха, пока шел к твоей пещере.

Сорн сделал резкое движение своей длинной передней конечностью. Рэнсом напрягся, еле удержавшись, чтобы не отскочить, — он подумал, что страшилище собирается схватить его. Однако у сорна и в помине не было злых намерений. Он потянулся назад и снял с полки предмет, напоминающий чашку. Рэнсом заметил, что к нему прикреплена длинная гибкая трубка.

— Вдохни, — сказал сорн, вкладывая предмет в руки Рэнсома. — Когда сюда попадают хроссы, им это тоже необходимо.

Рэнсом сделал вдох и сразу почувствовал себя гораздо лучше. Дышать стало легче, и глубокий вдох не причинял больше боли в легких и гру-

ди. Сорн и освещенная пещера, как в тумане плывшие перед глазами, приобрели реальные очертания.

— Кислород? — догадался Рэнсом. Но для сорна английское слово, естественно, ничего не значило. — Тебя зовут Эликан? — спросил Рэнсом.

— Да, — ответил сорн. — А тебя?

— Такое существо, как я, называется человек, хроссы зовут меня челховек. Но имя мое — Рэнсом.

— Че-ло-вск… Рен-сум, — повторил сорн. Рэнсом заметил, что он говорит иначе, чем хроссы, — без намека на их неизменное начальное «Х».

Сорн сидел, упираясь в пол продолговатыми ягодицами и притянув к себе ноги. В такой же позе человек мог бы положить подбородок на колени, но у сорна были для этого слишком длинные ноги. Он свесил голову между колен, которые торчали высоко над плечами, напоминая громадные уши на карикатурах, и подбородком касался выпирающей груди. У него была борода, а может быть, двойной подбородок — при свете костра Рэнсом не мог рассмотреть. Тело сорна, белое с кремовым оттенком, было покрыто как бы длинным одеянием из какого-то мягкого материала, отражавшего свет. Вглядевшись в тонкие

и хрупкие голени существа, Рэнсом решил, что это естественный покров, больше похожий на оперение, чем на мех. Да, пожалуй, в точности, как птичьи перья. Вообще, зверь оказался вблизи вовсе не таким страшным, как Рэнсом предполагают, и даже как будто поменьше ростом. Правда, требовались немалые усилия, чтобы привыкнуть к его лицу; слишком длинное, серьезное и совершенно бесцветное, это нечеловеческое лицо неприятно напоминало человеческие черты. Как у всех больших существ, глаза казались непропорционально маленькими. Но в целом он производил впечатление скорее гротескное, чем жуткое. В сознании Рэнсома первоначальное представление о сорнах как о призрачных великанах или волотах уступило место образу неловкого домового.

— Вероятно, ты голоден, Коротыш, — произнес сорн. Рэнсом не мог этого отрицать. Сорн поднялся, странно, по-паучьи перебирая конечностями, и стал ХОдить по пещере, сопровождаемый тонкой фантастической тенью. Кроме обычной на Малакандре растительной пищи, он предложил гостю какой-то крепкий напиток и закуску — гладкий коричневый продукт. Исследовав его на вид, запах и вкус, Рэнсом с радостным изумлени-

ем обнаружил, что он очень похож на наш сыр. Рэнсом спросил, что это такое.

С трудом подбирая слова, сорн начал объяснять, что у самок некоторых животных выделяется особая жидкость для кормления детенышей, и Рэнсом, понимая, что за этим последует описание процессов доения и изготовления сыра, прервал его.

— Да, да, — сказал он. — Мы на Земле тоже так делаем. А каких животных вы используете?

— Это такие желтые животные с длинной шеей. Они питаются побегами в лесах хандрамита. Утром их собирают и гонят вниз, пасут там до вечера, а на ночь возвращают назад и размещают в пещерах. Этим занимаются подростки, которые не научились еще ничему другому.

Выходит, сорны — пастухи. В первый момент это открытие показалось Рэнсому утешительным, но он тут же вспомнил, что гомеровский циклоп занимался тем же ремеслом.

— По-моему, я видел одного из ваших за этим занятием, — сказал он. — Но как же хроссы, разве они позволяют вам опустошать их леса?

— А что они могут иметь против?

— Хроссы подчиняются вам?

— Они подчиняются Уарсе.

— А вы кому подчиняетесь?

— Уарсе.

— Но вы же знаете больше, чем хроссы?

— Хроссы умеют только сочинять стихи, ловить рыбу и выращивать растения. Больше они ничего не знают.

— А Уарса — тоже сорн?

— Да нет, Коротыш. Я уже говорил тебе, что ему подчиняются все нау, — так он произносил слово хнау, — и вообще все на Малакандре.

— Я ничего не понял про Уарсу. Объясни мне, — попросил Рэнсом.

— Уарса, как и подобные ему, не может умереть, — начал сорн, — и не может рождать детей. Когда была создана Малакандра, его назначили управлять ею. Его тело совсем не такое, как у нас или у тебя: сквозь него проходит свет и его трудно увидеть.

— Как эльдила?

— Да. Он величайший из всех эльдилов, которые могут находиться на хандре.

— А что такое эльдилы?

— Неужели ты хочешь сказать, что в вашем мире нет эльдилов?

— Насколько я знаю, нет. Так что такое эльдилы и почему я их не вижу? У них нет тела?

— Конечно, у них есть тела. Существует множество тел, которые нельзя увидеть. Глаза любого животного видят одно, не видят другого. Вы на Тулкандре не знаете, что есть разные виды тел?

Рэнсом попытался, как мог, объяснить сорну, что на Земле все тела состоят из твердых, жидких и газообразных веществ. Тот слушал с огромным вниманием.

— Ты неправильно об этом говоришь, — сказал он наконец. — Тело — это движение. При одной скорости ты чувствуешь запах, при другой — уже слышишь звук, при третьей — ты видишь. А бывает такая скорость, при которой у тела нет ни запаха, ни звука и его нельзя увидеть. Но заметь, Коротыш, что крайности сходятся.

— Что это значит?

— Если движение станет быстрее, то движущееся тело окажется сразу в двух местах.

— Да, это так.

— Но если движение еще быстрее — это трудно объяснять, потому что ты не знаешь многих слов, — понимаешь, Коротыш, если бы оно делалось быстрее и быстрее, в конце концов то, что движется, оказалось бы сразу везде.

— Кажется, я понимаю.

— Так вот, это и есть высшая форма тела, самая

быстрая, настолько быстрая, что тело становится неподвижным; и самая совершенная, так что оно перестает быть телом. Но об этом мы не будем говорить. Начнем с того, что ближе к нам. Самое быстрое из того, что достигает наших чувств — это свет. На самом деле, мы видим не свет, а более медленные тела, которые он освещает. Свет находится на границе, сразу за ним начинается область, в которой тела слишком быстры для нас. Тело эльдила — это быстрое, как свет, движение. Можно сказать, что тело у него состоит из света; но для самого эльдила свет — нечто совсем другое, более быстрое движение, которого мы вообще не замечаем. А наш «свет» для него — как для нас вода, он может его видеть, трогать, купаться в нем. Более того, наш «свет» кажется ему темным, если его не освещают более быстрые тела. А те вещи, которые мы называем твердыми — плоть, почва, — для него менее плотные, чем наш «свет», почти невидимые, примерно как для нас легкие облака. Мы думаем, что эльдил — прозрачное, полуреальное тело, которое проходит насквозь стены и скалы, а ему кажется, что сам он твердый и плотный, а скалы — как облака. А то, что он считает светом, наполняющим небеса, светом, от которого он ныряет в солнечные лучи,

чтобы освежиться, то для нас черная пропасть ночного неба. Все это простые вещи, Коротыш, только они лежат за пределами наших чувств. Странно только, что эльдилы никогда не посещают Тулкандру.

— В этом я не вполне уверен, — сказал Рэнсом. Его вдруг осенила мысль, что предания о светящихся неуловимых существах, время от времени появляющихся на Земле — одни народы называют их дэвами, другие духами, — объясняются, может быть, совсем не так, как придумали антропологи. Правда, тогда все представления о мире выворачиваются наизнанку, но после путешествия в космическом корабле он был готов ко всему.

— Зачем Уарса позвал меня? — спросил он.

— Уарса мне этого не сказал, — ответил сорн. — Я думаю — ему интересно увидеть любого обитателя другой хандры.

— В нашем мире нет Уарсы, — сказал Рэнсом.

— Это еще раз доказывает, что ты явился с Тулкандры, Безмолвной планеты.

— Каким образом?

Сорн даже удивился вопросу:

— Если бы у вас был Уарса, он обязательно беседовал бы с нашим.

— Но как? Ведь между ними миллионы миль?

— Для Уарсы все это выглядит иначе.

— Ты хочешь сказать, что он часто получает вести с других планет?

— Уарса опять-таки назвал бы это иначе. Уарса никогда не скажет, что он живет на Малакандре, а другой Уарса — на другой планете. Малакандра для него — просто место в небесах. Там-то он и живет — в небесах, и другие тоже. И конечно, они разговаривают друг с другом…

Но эти объяснения уже не укладывались в голове; Рэнсома клонило в сон, и он решил, что не понимает сорна.

— Мне бы надо поспать, Эликан, — сказал он.— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Может быть, я и не с той планеты, которую ты называешь Тулкандра.

— Сейчас мы оба будем спать, — ответил сорн. — Но сначала я покажу тебе Тулкандру.

Сорн поднялся, и Рэнсом последовал за ним в глубину пещеры. Он увидел небольшую нишу и в ней ведущую вверх винтовую лестницу. Ступени, высеченные в скале в расчете на сорнов, были слишком высоки для человека, и Рэнсому пришлось карабкаться вверх, опираясь на них руками и коленями.

Сорн поднимался впереди. Рэнсом не мог понять, откуда на лестнице свет — по-видимому, он шел из небольшого круглого предмета, который сорн держал в руке. Они поднимались по каменному колодцу очень долго, наверное, на самый верх горы. Рэнсом совсем выбился из сил, когда они оказались наконец в темной, но теплой комнате. Сорн сказал:

— Она еще довольно высоко — над южным горизонтом, — и указал на небольшое отверстие или окно. Во всяком случае, это устройство не похоже на земной телескоп, решил Рэнсом; правда, попытавшись на следующий день объяснить сорну принцип телескопа, он сам не понял, в чем же состоит отличие. Облокотившись на подоконник (выступ перед окошком), Рэнсом посмотрел за окно. Посреди кромешной тьмы висел яркий диск, размером с полкроны; казалось, до неги можно дотянуться рукой. Почти вся поверхность диска была ровно серебристой, лишь внизу виднелись какие-то очертания и под ними была белая шапка. Рэнсом вспомнил, что на фотографиях Марса такими же белыми пятнами выглядят полярные льды, может быть, перед ним Марс? Но вглядевшись в темные очертания, Рэнсом различил Северную Европу и кусок Северной Америки, как

бы перевернутые, а в основании всей картины — Северный полюс. Почему-то это неприятно поразило Рэнсома. И все же это была Земля, может быть, даже Англия, а может быть, это ему только казалось: изображение немного дрожало, и глаза быстро устали от яркого света. Этот маленький диск вмещал в себя все — Лондон, Афины, Иерусалим, Шекспира, всех живущих и умерших, всю историю. И там же, у порога пустого дома близ Стерка, до сих пор, наверное, лежит его рюкзак.

— Да, — сказал он поскучневшим голосом. — Это моя планета.

Ни разу еще за время путешествия не было ему так тоскливо.

XVI

Проснувшись наутро, Рэнсом почувствовал, что с его души словно свалился тяжелый камень. Потом он вспомнил, что находится в жилище сорна, и что то самое существо, которое он так боялся повстречать с первой минуты на Малакандре, оказалось не менее дружелюбным, чем хроссы, хоть и далеко не таким симпатичным. Значит, на этой планете больше нечего бояться, кроме Уарсы. «Последний барьер», — подумал Рэнсом.

Эликан дал ему поесть и напиться.

— Как же мне добраться до Уарсы? — спросил Рэнсом.

— Я тебя понесу, — отвечал сорн. — Ты слишком маленький, чтобы одолеть такой путь. Да и я буду рад навестить Мельдилорн. Хроссам следовало бы объяснить тебе другую дорогу. Они, видно, не могут по внешнему виду определить, какие у тебя легкие и что ты в состоянии выдержать. Это так похоже на хроссов. Умри ты на харандре, они сложили бы поэму про отважного челховека, про то, как небо почернело и засверкали звезды, а он все шел и шел; и конечно, перед смертью ты бы

произнес замечательную речь. Им бы и в голову не пришло, что прояви они чуточку осмотрительности — можно было бы сохранить тебе жизнь, отправив по другой дороге.

— Я люблю хроссов, — сказал Рэнсом немного напряженным тоном. — И мне кажется, о смерти они говорят правильно.

— Они правы, что не боятся ее, Рен-сум, но они не умеют относиться к ней разумно, не понимают, что смерть — естественное свойство наших тел, и нередко, сами того не ведая, умирают напрасно. Например, вот эта штука спасла жизнь многим хроссам, но ни один из них даже не подумает о том, чтобы взять ее в дорогу.

Он протянул Рэнсому флягу, от которой отходила трубка с воронкой на конце. Рэнсом узнал кислородный аппарат.

— Дыши этим, когда будет нужно, — сказал сорн, — а потом закрывай.

Эликан прикрепил аппарат на спину Рэнсому, а трубку перекинул через плечо и вложил ему в руку. Руки сорна походили на птичьи лапы — кости, обтянутые кожей; при прикосновении этих рук, веерообразных, семипалых и совершенно холодных, Рэнсом не мог подавить дрожь отвращения. Чтобы отвлечься от неприятных

ощущений, он спросил, где изготовлен аппарат — до сих пор он не встречал ничего, что хотя бы отдаленно напоминало завод или мастерскую.

— Придумали его мы, а сделали пфифльтриг-ги, — ответил сорн.

— А почему они делают такие вещи? — спросил Рэнсом.

Он все надеялся уяснить себе политическую и экономическую структуру Малакандры.

— Им нравится делать всякие вещи, — сказал Эликан. — Большей частью, правда, эти вещи совершенно бесполезны, ими можно только любоваться. Но иногда это им надоедает, и они делают кое-что по нашему замыслу — но только если это достаточно сложно. У пфифльтриггов нет терпения делать простые вещи, как бы они ни были полезны. Однако нам пора. Ты сядешь ко мне на плечо.

Это неожиданное предложение смутило Рэнсома, но делать было нечего — сорн уже присел на корточки. Рэнсом вскарабкался ему на плечо, покрытое чем-то вроде перьев, уселся, прислонившись к длинному бледному лицу и обхватив правой рукой огромную шею, и постарался смириться со столь ненадежным способом передвижения. Сорн осторожно выпрямился, и

Рэнсом взмыл вверх, на высоту примерно восемнадцати футов.

— Все в порядке, Коротыш? — спросил сорн.

— В полном, — ответил Рэнсом, и путешествие началось. Пожалуй, в походке этого существа заключалось самое разительное его отличие от человека. Сорн очень высоко поднимал ноги и очень осторожно опускал их. Рэнсом вспоминал то крадущуюся кошку, то важно выступающего петуха, то идущую шагом упряжную лошадь. Но все же движениями сорн не походил ни на одно из земных животных. Как ни странно, ехать на нем оказалось очень удобно. Не прошло и нескольких минут, как от головокружения и прочих неприятных ощущений не осталось и следа. Взамен нахлынули забавные и трогательные воспоминания. Он представлял себе, как в детстве катался в зоопарке на слоне, потом — как, совсем малышом, его носил на плечах отец. Рэнсом наслаждался. Они проходили примерно шесть или семь миль в час. Сильный холод был вполне переносим, благодаря кислороду он дышал без труда.

Пейзаж, который открылся перед Рэнсомом с его покачивающейся наблюдательной вышки, не радовал глаз. Хандрамита нигде не было видно. Они шли по неглубокой долине; по обе

стороны, насколько хватало глаз, тянулись голые зеленоватые скалы, кое-где покрытые красными пятнами. Небо, темно-синее над горизонтом, сгущалось до почти полной черноты в зените, и отворачиваясь от слепящего солнца, Рэнсом видел звезды. Сорн подтвердил, что они недалеко от области, где нельзя дышать. Уже на скалах, образующих границу харандры и стеной окружающих хандрамит, или во впадине, где проходит их дорога, воздух разрежен примерно как на Гималаях, и хроссу тяжело им дышать, а еще несколькими сотнями футов выше, собственно на поверхности планеты, жизнь вообще невозможна. Поэтому и сияние вокруг них было таким ослепительным — с небес лился свет, почти не ослабленный атмосферным покровом.

Скала слепила глаза; по се неровной поверхности тень сорна с Рэнсомом на плече двигалась с неестественной четкостью, как тень дерева перед фарами машины. До горизонта, казалось, можно дотянуться рукой. Трещины и выступы дальних склонов различались во всех подробностях, будто пейзаж старинного мастера, жившего еще до открытия законов перспективы. Рэнсом находился близ границы небес, по которым летел сюда в космическом корабле, и снова испыты-

вал влияние лучей, недоступных облеченным в воздух словам. Сердце его билось сильно и радостно, его охватило уже знакомое чувство неземной торжественности, строгого и вместе с тем исступленного восторга; неисчерпаемый источник жизни и сил открылся перед ним. Будь в легких побольше воздуха, он бы рассмеялся. Даже окружающий ландшафт стал прекрасен. С верхнего края долины свешивались огромные розоватые клубы пенистого вещества харандры, подобные тем, какие он не раз видел с далекого хандрамита. Теперь он разглядел, что вещество этих образований — твердое, как камень, и что книзу клубы сужаются в некое подобие стебля, как у растений. Сравнение с гигантской цветной капустой оказалось удивительно точным, если представить себе кочаны из розового камня и размером с собор. Он спросил у сорна, что это такое.

— Это древние леса Малакандры, — объяснил Эликан. — Когда-то харандра была покрыта теплым воздухом, жизнь на ней процветала. Там до сих пор все усыпано костями древних существ, только этого нельзя увидеть, потому что находиться там невозможно. Тогда-то и выросли эти леса, и в них народ, которого уже несколько тысячелетий нет на свете. На них росла не шерсть,

а покров вроде моего. Они не плавали в воде и не ходили. Широкие конечности позволяли им скользить в воздухе. Говорят, они прекрасно пели, и красные леса в те далекие дни звенели от их голосов. Теперь леса превратились в камень, и только эльдилы посещают эти места.

— В нашем мире до сих пор есть такие существа, — сказал Рэнсом. — Мы называем их птицами. Но где был Уарса, когда погибала харандра?

— Там же, где и сейчас.

— И он не мог помешать?

— Не знаю. Но никакой мир не бывает вечен, тем более народ. Это закон Малельдила.

Чем дальше они шли, тем гуще становились окаменелые леса. Порой по всему горизонту пылала безжизненная, почти безвоздушная пустыня, словно английский сад в летний день. Они миновали множество пещер — жилищ сорнов, как объяснил Эликан; иногда то были высокие утесы, до самого верха усеянные бесчисленными норами. Изнутри доносились непонятные глухие звуки. По словам сорна, там «шла работа», но какого рода, Рэнсом так и не понял: сорн употреблял слишком много слов, которых не было в лексиконе хроссов. Ничего похожего на поселение или

город по пути не встречалось — видимо, сорны предпочитали жить уединенно и не нуждались в обществе друг друга. Раз или два длинное бледное лицо показывалось в устье пещеры, чтобы приветствовать путников голосом, подобным звуку рога, но большей частью длинная долина, эта каменная улица, заселенная молчаливыми обитателями, оставалась такой же пустынной, как и вся харандра.

Только после полудня на краю оврага, пересекавшего долину, они повстречали сразу трех сорнов, которые спускались по противоположному склону. Их движения напоминали скорее бег на коньках, чем ходьбу. Они наклонялись под прямым углом к откосу — что было возможно при их изумительной стройности да и малой силе тяжести на планете — и стремительно скользили вниз, как корабли на всех парусах при попутном ветре. Их грация и величественная стать, мягкое мерцание солнечных лучей на их оперении довершили переворот в отношении Рэнсома к этим существам. При первой встрече, пытаясь вырваться из рук Уэстона и Дивайна, Рэнсом назвал их великанами, волотами; теперь он сказал бы: «титаны» или «ангелы». Их лица виделись ему тогда совсем иными. То, что наводило на мысль

о призраках, было на самом деле возвышенным благородством черт; их удлиненная строгость, их недвижность создали то, первое впечатление, которое он теперь приписывал скорее своей вульгарности, чем трусости. Так, наверное, выглядели бы Парменид или Конфуций в глазах лондонского школьника. Высокие белые существа проплыли мимо Эликана с Рэнсомом, склонив головы, как деревья клонят вершины.

Рэнсому то и дело приходилось спускаться и идти некоторое время самому, чтобы согреться, но, несмотря на холод, он вовсе не хотел, чтобы путешествие скорее кончилось; у Эликана же были свои планы — задолго до захода солнца он остановился на ночлег в жилище одного старого сорна. Рэнсом понял, что его хотят показать крупному ученому. В этой большой пещере, или, скорее, системе тоннелей, было много помещений, заполненных непонятными для человека вещами. Рэнсома особенно заинтересовали свитки, сделанные, видимо, из кожи и покрытые письменами — без сомнения, книги, которые, как он заметил, были большой редкостью на Малакандре.

— Лучше держать все в голове, — сказали сорны.

Когда Рэнсом спросил, не опасаются ли они утратить какие-либо важные секреты, ему ответили, что Уарса ничего не забывает и напомнит о них, если сочтет нужным.

— Раньше у хроссов было много книг со стихами, — добавили сорны. — Но сейчас гораздо меньше. Они говорят, что книги убивают поэзию.

Хозяин жил в пещере не один; при нем находилось еще несколько сорнов, по-видимому, каким-то образом подчиненных ему. Сначала Рэнсом принял их за слуг, но потом решил, что скорее это ученики или помощники.

Весь вечер они провели в разговорах, земному читателю неинтересных, потому что Рэнсом только отвечал на вопросы, не успевая задавать свои. Впрочем, эти вопросы нисколько не походили на те, что возникали в изобретательном воображении хроссов. Сорны хотели получить систематические сведения о Земле, от геологии до современной географии, а также о ее флоре, фауне, об истории человечества, языках, политике и искусствах. Заметив, что познания Рэнсома в очередном предмете исчерпались — а это, как правило, случалось довольно быстро, — они тут же оставляли этот предмет и переходили к сле-

дующему. Широчайший общенаучный кругозор позволял им косвенным путем получать от Рэнсома факты, значения которых он не понимал. Случайное замечание о деревьях при описании производства бумаги заполняло пробел в его ответах на ботанические вопросы, рассказ о навигации проливал свет на земную минералогию, а когда Рэнсом объяснил устройство паровой машины, они вывели из этого такие заключения о природе воды и воздуха на Земле, о которых он и не подозревал. Он с самого начала решил быть до конца откровенным, так как чувствовал, что увиливать — не только неприемлемо для истинного хнау, но и попросту бесполезно. То, что он рассказал об истории человечества, о войнах, рабстве, проституции потрясло сорнов.

— Это все оттого, что у них нет Уарсы, — сказал кто-то из учеников.

— Оттого, что у них каждый стремится сам стать маленьким Уарсой, — добавил Эликан,

— Это неизбежно, — сказал старый сорн. — Кто-то должен управлять существами, но только не они сами. Зверями управляют хнау, а ими эльдилы, эльдилами же — Малельдил. Но у этих существ нет эльдилов. Это то же самое, как если бы кто-нибудь пытался поднять себя за воло-

сы, или, стоя на огромном острове, захотел бы увидеть его сразу весь; как если бы женщина захотела, чтобы у нее сами собой рождались дети.

В рассказах Рэнсома их особенно поразили две вещи. Во-первых, что мы затрачиваем столько энергии на то, чтобы поднимать и переносить тяжести. Во-вторых, что в нашем мире есть только один вид хнау — на их взгляд, это должно очень сильно ограничивать нашу способность к взаимопони-маю и даже мышление.

— Мысль у вас целиком зависит от крови, — сказал старый сорн. — Ведь вы не можете сравнивать ее с мыслью, которую несет иная кровь.

Это был утомительный и тягостный для Рэнсома разговор. Но когда он наконец лег спать, то думал вовсе не о духовной наготе человека и не о собственном невежестве, а о древних лесах Малакандры и о том, что это значит — всю жизнь видеть на расстоянии нескольких миль красочный мир, когда-то населенный живыми существами и ставший с тех пор недосягаемым.

XVII

Рано утром на следующий день Рэнсом снова забрался на плечо Эликана. Более часа они двигались по той же сверкающей пустыне. Вдалеке, в северной части неба, милях в десяти над поверхностью харандры, светилось что-то вроде тускло-красного или охристого облака огромных размеров. Оно стремительно двигалось к западу. Рэнсом, который до тех пор ни разу не видел на небе Малакандры облаков, спросил, что это такое. Это песок, объяснил сорн, поднятый ветром в громадных пустынях страшного Севера. Такое случается часто: туча песка несется по небу на высоте 17 миль, пока не обрушится — может быть, на хандрамит — в виде слепящей и удушающей пыльной бури. Глядя, с какой угрожающей силой вихрь мчится по пустынному небу, Рэнсом острее почувствовал себя затерявшимся на внешней поверхности незнакомой планеты, за пределами пригодного для обитания мира. Потом облако вдруг опало и рассеялось далеко на западе, но еще долго, пока изгиб долины не скрыл ту часть горизонта, над ней рдело зарево, похожее на

отблеск огромного костра.

За поворотом открылся совершенно новый вид. Сначала он показался Рэнсому до странности похожим на земной пейзаж — серые холмы набегали друг на друга гряда за грядой, как морские валы. Вдалеке за ними на фоне темно-синего неба четко выделялись острые вершины и утесы знакомых зеленых скал. В следующий миг он понял, что принял за холмы серо-голубой туман, клубами наполняющий всю низменность и невидный с хандрамита. Действительно, как только дорога пошла под уклон, туман начал рассеиваться, и сквозь него смутно проступил пестрый узор долины. Спуск становился все круче; высокие пики горного кряжа, вдоль которого они шли, виднелись сквозь дымку над гребнем ущелья, как гигантские неровные зубы — челюсть великана с плохими зубами. Цвет неба и освещение еле заметно переменились. Еще через минуту путники оказались на краю склона — по земным понятиям скорее обрыва; дорога ныряла в эту пропасть и исчезала внизу, в густых лиловых зарослях. Рэнсом наотрез отказался спускаться дальше на плече Эликана. Сорн дал ему слезть, так и не поняв, зачем это ему понадобилось, а потом первым понесся вниз, наклонившись вперед,

как конькобежец. Рэнсом радостно покатился следом, неловко опираясь в склон окоченевшими ногами. Перед ним рассталался новый хандрамит — такой красоты, что у него даже дух захватывало. Он был обширнее того, в котором он жил раньше, и спуск вел прямо к озеру — почти идеальному сапфировому кругу 12 миль в диаметре, в оправе лилового леса. Посреди озера, как невысокая пологая пирамида или как женская грудь, из воды поднимался розовый остров с голыми склонами и рощей невиданных деревьев на вершине. Их гладкие колонны плавностью силуэтов не уступали благороднейшим букам, высотой превосходили шпили земных соборов, а вместо кроны стволы венчали золотые цветки, яркие, как тюльпан, неподвижные, как камень, огромные, как летние облака. Это и в самом деле были цветы, а не деревья, и под ними среди стеблей различались очертания каких-то построек. «Мельдилорн», — объявил сорн, но Рэнсом уже сам это понял. Чего он ждал? Он не мог бы сказать; картины сложнейших архитектурных форм, более громоздких, чем американские офисы, или гигантских машин — чудес инженерии, которые прежде рисовало ему воображение, были давно позабыты. Но ничего подобного

этой классической неподвижной изысканности, этой девственно-яркой роще, спрятанной посреди пестрой долины, дышащей таким покоем и словно стремящейся вознестись на сотни футов вверх, навстречу холодным солнечным лучам, он, конечно, не ждал увидеть. Холод с каждым шагом отступал. Рэнсома обдавало волнами восхитительного тепла. Он взглянул вверх — небо было уже не таким темно-синим, взглянул вниз — и до него долетело тончайшее, нежное благоухание гигантских цветов. Очертания дальних скал стили менее резкими, каменные склоны уже не так слепили глаза. Пейзаж снова приобретал мягкость линий и перспективу, даль тонула в легкой дымке. Край горы, с которой они начали спуск, маячил в недосягаемой вышине, и с трудом верилось, что они только что были там. Дышать стало легко. Какое блаженство чувствовалось, что так долго коченевшие пальцы ног могут наконец свободно шевелиться в ботинках! Он поднял уши меховой шапки, и его слух сразу же наполнился журчанием воды. И вот он уже идет по мягкой лесной траве между деревьев. Они преодолели харандру и вступили в Мельдилорн.

Короткая тропинка вывела их к широкой, прямой, как стрела, лесной аллее, которая бежала

между лиловых стволов прямо к озеру, туда, где дрожала ровная синева. Возле берега они увидели каменную колонну, на ней висел гонг с молотком. Все это было покрыто богатой резьбой, а гонг и молоток сделаны из неизвестного зеленовато-голубого металла. Эликан ударил в гонг. Рэнсома захлестнуло волной радостного возбуждения, которое помешало ему как следует рассмотреть изображения на колонне. Это были рисунки вперемежку с чисто декоративными узорами. Его поразила прежде всего уравновешенность пустых и заполненных участков. Простые фигуры, выполненные скупыми линиями, как доисторические земные изображения оленей, чередовались с мелким узором, замысловатым, как древнескандинавские или кельтские украшения. Вглядевшись в них, Рэнсом понял, что эти пустые и насыщенные резьбой куски представляют собой фрагменты более крупных картин. Поразительно было то, что картинки располагались не только на гладких поверхностях; попадались и большие арабески, включающие в качестве детали хитроумный узор. В других местах композиция держалась на обратном принципе, и чередование обоих типов тоже подчинялось определенному ритму и замыслу. Затем Рэнсом

начал понимать, что отдельные картинки представляли собой стилизованные иллюстрации какого-то сюжета, но тут Эликан отвлек его. Со стороны острова приближалась лодка.

Когда лодка подплыла достаточно близко, Рэнсом с радостью увидел, что гребцом на ней был хросс. Он причалил к берегу возле них, с изумлением уставился на Рэнсома, а потом перевел вопрошающий взгляд на Эликана.

— Верно, Хринха, тут есть чему удивляться, — сказал сорн. — Тебе еще не приходилось видеть таких нау, как этот. Его зовут Рен-сум, он прилетел по небесам с Тулкандры.

— Ему здесь будут рады, Эликан, — ответил вежливый хросс. — Он идет к Уарсе?

— Уарса ждет его.

— И тебя тоже, Эликан?

— Меня Уарса не звал. Если ты отвезешь Рен-сума, я пойду назад в свою башню.

Хросс знаком предложил Рэнсому сесть в лодку. Рэнсом попытался, как мог, отблагодарить своего проводника и после минутных сомнений снял с руки часы: он решил, что это единственная вещь, которую он может предложить сорну в качестве достойного подарка. Он без труда объяснил Эликану назначение часов, но тот, исследовав их,

вернул подарок со словами:

— Эту вещь нужно подарить пфифльтриггу. Мне она доставляет радость, но он извлечет из нее больше пользы. Ты, вероятно, встретишь их в Мельдилорне (у них всегда там много дела); им и отдай. А что до ее назначения, — разве в твоем мире без нее не могут обойтись, когда хотят узнать, какая часть дня миновала?

— Кажется, есть животные, которые как-то это понимают, — ответил Рэнсом — Но хнау давно разучились.

Он распрощался с сорном и сел в лодку. Снова оказаться в одной лодке с хроссом, чувствовать на своем лице тепло от воды, видеть над собой синее небо было сродни возвращению домой. Он снял шапку, блаженно раскинулся и стал засыпать своего провожатого вопросами. Оказалось, что хроссы не были специально приставлены перевозчиками на службу к Уарсе, как Рэнсом сперва предположил; Уарсе служили все три вида хнау, и вести лодку на переправе поручали, естественно, хроссам, потому что для них это занятие было более привычным. Рэнсом выяснил также, что в Мельдилорне он сможет делать все что захочет и идти куда угодно, пока Уарса не позовет его. Может быть, это произойдет через

час, а может, и через несколько дней. Неподалеку от того места, где они высадятся, Рэнсом увидит хижины — в них можно спать, там же он получит еду, если проголодается. В ответ он, как сумел, рассказал хроссу про свой мир и про путешествие оттуда, и предупредил, что на Малакандре, наверное, до сих пор находятся порченые люди, от которых может исходить опасность. Тут он подумал, что не объяснил этого как следует Эликану, но успокоился, вспомнив, что Уэстон и Дивайн уже установили связи с сорнами и, кроме того, вряд ли осмелятся портить отношения с существами, которые похожи на человека и к тому же такие большие. По крайней мере, не сейчас. Относительно конечных целей Дивайна у него не было никаких иллюзий. Что ж, он может сделать только одно: рассказать обо всем Уарсе, ничего не утаивая. И тут они пристали к берегу.

Пока хросс привязывал лодку, Рэнсом встал и огляделся. В небольшой гавани, несколько левее того места, где они высадились, стояли низкие каменные строения (до сих пор Рэнсому не попадалось на Малакандре ничего подобного), а перед ними горели костры. Там он найдет кров и пищу, объяснил хросс. Весь остров вокруг казался пустынным вплоть до самой рощи, венчающей

ровные склоны, а перед ней снова начинались каменные сооружения. Но это, видимо, были не храмы и не дома в человеческом понимании, а нечто вроде огромного Стоунхенджа — величественные монолиты, стоящие по сторонам широкой пустой аллеи, которая вела на вершину холма и там терялась в бледной тени цветочных стволов. Нигде не было видно ни души. Рэнсом вгляделся в эту неподвижную картину, и ему почудился тихий-тихий, идущий из глубин утренней тишины ровный серебристый звук; строго говоря, это был даже не совсем звук, но в то же время не заметить его было нельзя.

— На острове множество эльдилов, — шепотом произнес хросс.

Рэнсом сошел на берег. Сделал несколько нерешительных шагов, как будто ожидая встретить какое-то препятствие, остановился, потом точно так же двинулся дальше.

Хотя трава под ногами, необычайно густая и мягкая, глушила звук шагов, Рэнсом, подчиняясь какому-то неясному чувству, шел на цыпочках. Все его движения стали мягкими и спокойными. Широкое кольцо воды сильно прогревало воздух на острове, так что это было самое теплое место на Малакандре. Здешний климат напоминал по-

гожий сентябрьский день на Земле, когда сквозь тепло уже чувствуется надвигающийся мороз. Нарастающее чувство благоговейного страха не давало ему приблизиться к роще на вершине холма и к аллее стоящих камней.

Он поднялся до середины склона и повернул направо, все время держась на одинаковом расстоянии от берега. Он сказал себе, что осматривает остров, но чувствовал, что на самом деле скорее остров рассматривает его. Чувство это усилилось благодаря открытию, которое он сделал примерно через час и потом никак не мог объяснить. Приблизительно это можно описать так: по всей поверхности острова шло какое-то едва уловимое движение светотени, совершенно не связанное с временем дня. Не будь воздух таким неподвижным, а трава под ногами — слишком короткой и плотной, чтобы шевелиться от ветра, Рэнсом принял бы это за игру легчайших дуновений воздуха, подобных тем, которые на Земле вызывают еле заметную смену теней на пшеничном поле. Как и серебристые воздушные перезвоны, эти световые зайчики прятались от пристального внимания. В. тех местах, куда он устремлял напряженный взгляд, их совсем не было видно; зато по краям поля зрения они просто

кишели, как будто там шли какие-то сложные приготовления. Любой из них при попытке его разглядеть тут же делался невидим, будто еле различимый блик .только что соскользнул с той точки, на которую упал взгляд. Он нисколько не сомневался, что именно «видит» эльдила, насколько его вообще можно видеть. При этом Рэнсом испытывал странное ощущение — не то чтобы жуткое, не как человек, окруженный призраками; и он не мог бы сказать, что за ним подглядывают — напротив, ему казалось, что на него смотрит кто-то, у кого есть на это полное право. В его чувствах, менее сильных, чем страх, было и смущение, и робость, и смирение, и более всего — мучительная неловкость.

Он устал и, решив, что в этом благословенном краю можно отдыхать на воздухе, не опасаясь замерзнуть, сел на землю. Мягкая трава, тепло и нежный запах напомнили ему о земных садах в летнюю пору. На секунду он закрыл глаза, а когда снова открыл их, то заметил внизу здания, подплывающую к берегу лодку... и внезапно узнал всю картину. Это была переправа, а здания были домами для приезжающих: он обошел кругом весь остров. Это открытие сменилось другим, менее приятным: он почувствовал голод. Пожалуй,

неплохо было бы спуститься и попросить еды, все равно нужно как-то провести время.

Но он этого не сделал. Подойдя поближе, он увидел, что вокруг гостиницы и в гавани царит сильное оживление, а с лодки паромщика на берег высаживается целая толпа пассажиров. Посреди озера он заметил какие-то движущиеся фигуры, и приглядевшись, опознал в них сорнов — по пояс в воде они переходили озеро вброд, направляясь к Мельдилорну. Их было около десяти. Чем бы это ни объяснялось, на острове был большой наплыв посетителей. Рэнсом уже не сомневался, что может спуститься и БЕЗБОязненно смешаться с толпой, но почему-то не решался это сделать. Вся ситуация живо напомнила ему школу, где он был новичком — а новички должны были являться на день раньше остальных, — и он бродил по школе один, глядя, как съезжаются уже знакомые друг с другом ученики. В конце концов он решил остаться, где был. Он нарезал немного растении, подкрепился и прилег вздремнуть.

После полудня похолодало, и он снова отправился гулять. Другие хнау к этому времени тоже разбрелись по острову. Он замечал в основном сорнов — просто потому, что они были выше других. Вокруг была почти полная тишина. Гу-

ляющие держались главным образом береговой части острова, и Рэнсом, полусознательно избегая встречи с ними, стал забирать вверх, в глубь острова, пока не обнаружил, что дошел до самой рощи и стоит у начала аллеи камней. Сначала он, толком не зная почему, не хотел идти по ней дальше, но потом начал рассматривать ближайший камень, со всех сторон покрытый густой резьбой, и уже не мог преодолеть любопытства. Он стал переходить от камня к камню, все дальше и дальше.

Изображения немало озадачили его. Помимо сорнов, хроссов и еще каких-то существ — видимо, пфифлътриггов, — то и дело встречалась стройная и как бы колеблющаяся крылатая фигура, у которой едва угадывалось лицо. Зато крылья были самые настоящие, что очень удивило Рэнсома. Возможно ли, чтобы традиции малакандрийского искусства восходили к той геологической и биологической эре, когда, по словам Эликана, на харандре еще была жизнь и существовали птицы? Рисунки вроде бы подтверждали это предположение. Он различил древние пурпурные леса и в них множество разных существ — птиц и других, неизвестных ему. На другом камне лес был усеян мертвыми телами,

а в небе над ними парило фантастическое чудовище, мечущее вниз стрелы; оно напоминало хнакру и, возможно, символизировало холод. Оставшиеся в живых сбились в кучу вокруг колеблющейся фигуры с крыльями; Рэнсом решил, что это Уарса, изображенный в виде крылатого пламени. На следующем камне толпа существ сопровождала Уарсу, который каким-то острым предметом проводил борозду по земле. Дальше пфифльтригги углубляли борозду при помощи специальных орудий, сорны собирали землю в высокие кучи по краям рва, а хроссы, видимо, напускали воду в каналы. Рэнсом не мог решить, миф ли это о происхождении хандрамитов, или они и вправду были созданы искусственно, если только такое возможно.

Многие рисунки оставались ему совершенно непонятными. Особенно загадочен был один: внизу располагался сегмент круга, из-за него на три четверти поднимался диск. Рэнсом подумал, что это восход солнца за горой. Сегмент был испещрен малакандрийскими сценами — Уарса в Мельдилорне, сорны на скалистом уступе харандры, и много другого, Рэнсом понимал не все. Но, рассмотрев повнимательнее диск, он обнаружил, что это не солнце. Солнце, без сомнения, тоже

было, оно занимало середину диска, и от него расходились концентрические окружности. На первой из них Рэнсом увидел маленький кружок, а на нем — крылатую фигуру, похожую на Уарсу, с трубой в руке. На следующей тоже был кружок с огненной фигурой. У нее не было и намека на лицо, только две выпуклости — вымя или грудь самки млекопитающего, как заключил Рэнсом после тщательного изучения.

Он уже не сомневался, что перед ним изображение солнечной системы. Первый кружок — это Меркурий, второй— Венера. «И вот какое удивительное совпадение, — подумал Рэнсом, — их мифология, как и наша, связывает с Венерой какой-то женский образ». Он бы еще долго размышлял на эту тему, если бы вполне естественное любопытство не заставило его перевести взгляд на следующий кружок, который должен обозначать Землю. На мгновение у него все внутри похолодело. Кружок был на месте, но вместо огненной фигуры он увидел лишь вмятину неправильной формы, как будто кто-то вырезал бывшее там изображение. Так, значит, когда-то… нет, тут слишком много неизвестных фактов. Он посмотрел на следующую окружность. Кружка на ней не было, ее нижний край касался вершины

сегмента и был заполнен малакандрийскими сценами, словно сама Малакандра выплывала из солнечной системы навстречу зрителю. Поняв наконец замысел всей картины, Рэнсом поразился ее выразительности. Он отступил на шаг и набрал побольше воздуху, чтобы по порядку разобраться в осаждавших ум вопросах. Значит Малакандра — это Марс. А Земля… Но в этот момент стук молотка, который в своем увлечении Рэнсом не замечал, стал настойчивее и дошел наконец до его сознания. Кто-то работал рядом, и это был не эльдил. Рэнсом очнулся от своих раздумий и обернулся. Но ничего не увидел. Тогда он крикнул по-английски (совершеннейшая нелепость!):

— Кто тут?

Стук мгновенно прекратился, и из-за ближайшей каменной глыбы показалось необыкновенное лицо. Оно было гладкое, как у человека или сорна, длинное и заостренное, как у землеройки, желтоватое и невзрачное, по-звериному неосмысленное, почти без лба, хотя и с торчащим затылком, похожим на высокий, скошенный назад парик.

В следующий миг создание выпрыгнуло из-за камня и предстало перед ошарашенным Рэнсо-

мом во всей своей красе. Рэнсом сообразил, что это пфифльтригг, и порадовался, что не встретил представителей этой расы в первые дни на Малакандре. Создание гораздо больше походило на насекомое или рептилию, чем все, кого ему до сих пор приходилось видеть. У него было совершенно лягушечье сложение, и сначала Рэнсому показалось, что оно сидит, поставив «руки» на землю на манер лягушки. Но потом он разглядел, что та часть передних конечностей, которой он упирается в землю, на самом деле скорее локоть, чем ладонь, если пользоваться человеческими понятиями. Широкий и снабженный подушечкой, «локоть» был явно предназначен для ходьбы, от него отходили вверх под углом примерно 45— настоящие руки — тонкие и сильные; они заканчивались чувствительными, многопалыми кистями. Опора на локоть полностью освобождала пфифльтриггу руки — большое преимущество при любой работе, от копания земли до вырезаний камней. Сходство с насекомыми ему придавали быстрота и порывистость движений, а также способность вращать головой, как жук-богомол, поворачивая ее на 180-; оно усиливалось еще и благодаря особому звуку, вроде сухого и звенящего стрекотания, который пфифльтригг

издавал при движении. В нем было что-то от кузнечика, и от гнома, и от лягушки, и еще от маленького старичка — набивщика чучел, лондонского знакомого Рэнсома.

— Я прилетел из другого мира.

— Знаю, знаю, — торопливо затрещало существо. — Встань сюда, за камень. Вот здесь, вот здесь. Приказ Уарсы. Очень срочно. Не терять времени. Стой там.

И Рэнсом оказался по другую сторону глыбы, перед еще не законченным изображением. Под ногами все было усеяно каменной крошкой, а в воздухе клубилась пыль.

— Вот так, — сказало существо. — Стой смирно. На меня не смотри. Смотри туда.

Сначала Рэнсом не мог взять в толк, чего от него хотят, но, увидев, что пфифльтригг посматривает то на него, то на камень особым взглядом, который везде, даже на чужой планете, безошибочно выдает художника, работающего с моделью, — он все понял и чуть не рассмеялся вслух. Он позировал для портрета! Рэнсом стоял так, что незаконченная работа была скрыта от его глаз, зато он с любопытством наблюдал за самим скульптором. Пфифльтригг резал камень, словно сыр, а его руки двигались так быстро, что

за ними невозможно было уследить. Звенящий металлический звук производили, оказывается, крошечные инструменты, которыми он был весь увешан. Иногда он с раздраженным возгласом отбрасывал в сторону инструмент, которым работал, и выбирал какой-нибудь другой, при этом несколько инструментов, которые могли ему понадобиться, все время держал во рту. Еще Рэнсом заметил, что существо облачено в одежду — она состояла из какого-то яркого чешуйчатого материала, богато разукрашенного, хотя и покрытого толстым слоем пыли. Что-то вроде мехового кашне мягкими складками обнимало горло, глаза были защищены выпуклыми защитными очками. На шее и конечностях красовались кольца и цепочки из блестящего металла, явно незолота. Во время работы существо издавало как бы шипящий свист, а когда приходило в особенное возбуждение — что случалось поминутно, — кончик носа у него начинал подрагивать, как у кролика. Наконец он высоко подпрыгнул, так что Рэнсом снова вздрогнул от неожиданности, и, приземлившись ярдах в десяти от камня, сказал:

— Ну да, ну да. Хотелось бы удачнее. В следующий раз исправлю. Пока так. Иди, посмотри сам.

Рэнсом повиновался. Он снова увидел изоб-

ражения планет, но уже не на карте солнечной системы: на этот раз они были выстроены в единую процессию, двигающуюся к зрителю, и на каждой, за исключением одной, ехал огненный возничий. Внизу располагалась Малакандра, и Рэнсом с удивлением узнал на ней довольно верно выполненный космический корабль. Рядом стояли три фигуры — Рэнсом, очевидно, послужил моделью для всех сразу. Он с возмущением отвернулся. Конечно, тема совершенно новая для малакандрийца и его искусство стилизовано, и все же, подумал Рэнсом, портретист мог бы все-таки найти в человеческом облике хоть что-нибудь более привлекательное, чем эти чурбаны, почти одинаковые в ширину и в высоту, с каким-то грибообразным наростом вместо головы.

Он ответил уклончиво.

— Наверное, именно таким я кажусь всем вам, — сказал он. — Но художник из моего народа нарисовал бы иначе.

— Нет, — возразил пфифльтригг. — Я не хочу, чтобы было слишком похоже. Если будет слишком, они не поверят — те, которые родятся потом.

Он еще долго что-то объяснял; Рэнсом не все понял, но ему вдруг пришло в голову, что эти

мерзкие фигуры представляют собой идеализацию человечества. Разговор затянулся еще на некоторое время. Рэнсом решил переменить тему и задал вопрос, который уже давно интересовал его.

— Объясни мне, — сказал он, — как получилось, что вы, сорны и хроссы — все говорите на одном языке. Ведь у вас, наверное, очень по-разному устроены зубы, небо и гортань.

— Ты прав, — согласился пфифльтригг. — Когда-то у нас были разные языки, да и сейчас еще мы говорим на них у себя дома. Но потом все выучили речь хроссов.

— А почему? — спросил Рэнсом, все еще мыслящий понятиями земной истории. — Разве хроссы когда-нибудь правили всеми остальными?

— Не понимаю. Они умеют замечательно говорить и петь песни. У них больше слов, и слова лучше. Речь моего народа никто не учит, потому что все самое важное мы говорим через камень, или кровь Солнца, или звездное молоко. И речь сорнов никому не нужна, потому что можно любыми словами объяснить их знания — они от этого не изменятся. Но с песнями хроссов этого не сделаешь. Их языком говорят по всей Малакандре. Я говорю на нем с тобой, потому что ты не из

моего народа. С сорнами я тоже говорю на нем. Но дома мы говорим на своих старых языках. Это видно по именам. У сорнов протяжные имена, например, Эликан, Аркал, Белмо или Фалмэй. А у хроссов имена, как мех, вроде Хнох, Хнихи, Хьои или Хлитхна.

— Значит, лучшая поэзия получается на самом трудном языке.

— Пожалуй, — сказал пфифльтригг. — Ведь и лучшие картины — из самого твердого камня. А знаешь, какие имена у моего народа? Например, Калакапери, Паракатару, Тафалакеруф. А меня зовут Канакаберака.

Рэнсом тоже назвал ему свое имя.

— В нашей стране совсем не так, как здесь, мы не зажаты в узком хандрамите. У нас есть настоящие леса, зеленая тень, глубокие копи. Еще у нас тепло. И нет такого яркого света и такой тишины. Там, в лесах, я мог бы показать тебе место, где горят сразу сто огней и стучат сто молотков. Я бы хотел показать тебе нашу страну. Мы живем не в дырах, как сорны, и не в кучах травы, как хроссы. Ты бы увидел дома, которые окружают сто колонн, одна — из крови Солнца, следующая — из звездного молока, и так по всем стенам… А на стенах картины — чего только там нет…

— А кто у вас следит за порядком? — спросил Рэнсом. — К примеру, те, которые работают в копях — разве они довольны своим положением, как другие, которые делают картины на стенах?

— Рудники открыты для всех; каждому приходится заниматься этой работой. Каждый копает для себя столько, сколько ему нужно. А как же иначе?

— У нас все по-другому.

— Значит, у вас получается порченая работа. Разве можно работать с кровью Солнца, если ты не был там, где она рождается, и не научился отличать друг от друга разные ее виды, и не провел рядом с нею много-много дней, вдали от света небес, чтобы она вошла в твою кровь и твое сердце, как будто ты мыслишь ею, и ешь ее, и плюешь ею?

— У нас она лежит очень глубоко, так что ее трудно достать, и те, кто ее выкапывают, должны тратить всю свою жизнь на это искусство.

— А им это нравится?

— Не думаю… Не знаю. Им ничего другого не остается, потому что им не дадут еды, если они перестанут работать. Канакаберака подергал носом.

— Значит, у вас нет вдоволь еды?

— Не знаю, — ответил Рэнсом. — Я всегда хотел узнать ответ на этот вопрос, но никто не мог объяснить мне. А разве вас, Канакаберака, никто не заставляет работать?

— Как же: женщины, — сказал пфифльтригг и издал свистящий звук, который, видимо, следовало понимать как смех.

— Вы наверное цените женщин больше, чем другие хнау?

— Намного. А меньше всего их ценят сорны.

XVIII

Рэнсом провел ночь в гостинице. Это был настоящий, прекрасно отделанный дом; его строили пфифльтригги. Таким образом, Рэнсом оказался наконец в относительно человеческих условиях, однако удовольствие от этого значительно умеряла неловкость от соседства такого множества малакандрийцев, которую он испытывал помимо своей воли. Здесь были представители всех трех рас. Они прекрасно ладили друг с другом, несмотря на неизбежные разногласия вроде тех, которые возникают на Земле между пассажирами в вагоне поезда: сорнам казалось, что в здании слишком жарко, а пфифльтригги в нем мерзли. О малакандрийском юморе он узнал в эту ночь больше, чем за все время, проведенное на планете — ведь до сих пор ему приходилось разговаривать только на серьезные темы. По-видимому, сама ситуация встречи разных видов хнау была комична. Правда, шуток он почти не понимал, но зато в характере юмора улавливал некоторые различия. Так, сорны редко переступали границы сдержанной иронии, хроссы отличались

неуемной фантазией, а пфифльтригги были язвительны и даже позволяли себе грубости. Но и в тех случаях, когда Рэнсом понимал все слово, суть ускользала от него. Он рано отправился спать.

На рассвете — время доить коров на Земле — Рэнсома что-то разбудило. Он не сразу понял, что это. В комнате было тихо, пусто и почти совсем темно. Он собрался было снова заснуть, как вдруг услышал совсем рядом высокий голос: «Тебя зовет Уарса!». Он вскочил, озираясь, но никого не увидел, а голос повторил: «Тебя зовет Уарса!». Голова наконец прояснилась, и он понял, что в комнате эльдил. Страха он не почувствовал, но, послушно поднявшись и натянув одежду, заметил, что сердце бьется слишком часто. Его мысли были больше заняты предстоящим разговором, чем невидимым посетителем. От прежних страхов встречи с неведомым чудовищем или идолом не осталось и следа: он просто волновался, как в утро перед экзаменом в студенческие годы. Больше всего на свете он мечтал сейчас о чашке хорошего чая.

Гостиница опустела. Он вышел наружу. Над озером поднимался голубоватый пар, небо ярко синело на востоке, над зазубренной стеной каньона; до восхода солнца оставалось несколько

минут. Воздух еще не нагрелся, трава под ногами была пропитана росой, и во всем чувствовалась какая-то таинственность, которую он связал с тишиной. Голоса эльдилов исчезли, как и мелькание маленьких бликов и теней. Рэнсом безо всякого приказания понял, что должен подняться на вершину холма, в рощу. Подойдя к аллее камней, он с замиранием сердца увидел, что вся она заполнена малакандрийцами. Они ждали в полном безмолвии по обе стороны аллеи, сидя на земле или на корточках — кто как мог. Рэнсом пошел вперед, не смея остановиться, как бы проходя сквозь строй под этими нечеловеческими, немигающими взглядами. Так дошел он до вершины и там, возле самого большого камня в середине аллеи, остановился — по приказу Малельдила или подчиняясь собственной интуиции, этого он потом не мог вспомнить. Он остался стоять — земля была еще слишком холодной и влажной, к тому же он не знал, будет ли прилично сесть. Поэтому он просто стоял, неподвижно, как на параде. На него были устремлены все глаза, и безмолвие ничем не нарушалось.

Постепенно он понял, что вокруг очень много эльдилов. Все те едва уловимые световые блики, которые накануне были рассеяны по острову, со-

брались здесь и ждали почти не двигаясь. Солнце уже взошло, но все продолжали молчать. Рэнсом поднял голову, чтобы рассмотреть каменные глыбы под первыми бледными лучами солнца, и вдруг увидел над собой сложную световую сеть, не имевшую никакого отношения к восходу, совсем другой природы — свет эльдилов. Вверху их было не меньше, чем на земле; видимые глазом малакандрийцы составляли лишь небольшую часть собрания, в котором разбиралось его дело. Может быть, когда настанет его черед говорить, ему придется защищаться перед тысячами, а то и миллионами. Ряд за рядом вокруг него, и ряд за рядом над ним, все эти существа, которые впервые видели человека и которых человек никогда прежде не видел, ждали начала суда. Потом ему пришло в голову, что, может быть, суд уже идет, что, стоя под взглядами этих созданий, он бессознательно разрешает все их вопросы. Так прошло довольно много времени, потом все пришло в движение. Все поднялись на ноги и застыли, и в наступившей тишине Рэнсом увидел (если только можно так выразиться) Уарсу, который приближался между двух рядов камней, покрытых резьбой. Отчасти по выражению лиц малакандрийцев он догадался, что между ними

проходит их повелитель; но он и сам видел Уарсу — в этом не было никаких сомнений. Рэнсом никогда не смог бы объяснить, что, собственно, он увидел. Не более чем шорох света, нет, даже меньше того: еле уловимое осветление тени, но что-то медленно перемещалось по неровной земле, а может быть, с самой землей происходило какое-то изменение, слишком ничтожное, чтобы его можно было обозначить на языке пяти чувств. Как в полной людей комнате настает тишина или знойным днем повеет легчайшее дуновение прохлады, как мимолетное воспоминание давно забытого звука или запаха, проходил Уарса между своими подчиненными, и, приблизившись, остановился в центре Мельдилорна, ярдах в десяти от Рэнсома. Рэнсом почувствовал шум в ушах и покалывание в кончиках пальцев, как будто рядом с ним ударила молния; ему показалось, что его сердце и все тело превратилось в воду.

Уарса заговорил — Рэнсом еще не слышал голоса, который был бы меньше похож на человеческий: нежный и как будто отдаленный, и совершенно ровный; об этом голосе один хросс потом сказал, что «в нем нет крови; для них свет — как кровь для нас». В самих словах не было ничего устрашающего.

— Чего ты так боишься, Рэнсом с Тулкандры? — спросил голос.

— Тебя, Уарса, потому что ты не похож на меня и я не могу тебя увидеть.

— Это не причины, — произнес голос. — Ты тоже не похож на меня, и я хотя и вижу тебя, но очень плохо. Но напрасно ты думаешь, что мы совсем разные. Мы оба — подобия Малельдила. Так что настоящие причины не в этом.

Рэнсом молчал.

— Ты начал бояться меня еще до того, как оказался в моем мире. И здесь ты все время пытался скрыться от меня. Мои слуги видели, что ты боишься, когда ваш корабль был еще в небесах. Они видели, что двое из твоего собственного народа плохо обращались с тобой, хотя и не поняли ваших разговоров. А потом я потревожил хнакру, чтобы освободить тебя от тех двоих и посмотреть, придешь ли ты ко мне по своей воле. Но ты спрятался среди хроссов и не шел ко мне, хотя они тебе об этом говорили. Тогда я послал за тобой эльдила, но ты все равно не шел. И наконец собственные твои собратья погнали тебя ко мне и пролилась кровь хнау.

— Я не понимаю, Уарса. Неужели это ты позвал меня с Тулкандры?

— Да. Что еще могло заставить тебя отправиться с ними, как не мой приказ? Разве те двое тебе не сказали? Мои слуги не могли понять, что они говорили тебе в корабле на небесах.

— Твои слуги… Я не понимаю, — сказал Рэнсом.

— Спрашивай, — предложил голос.

— У тебя есть слуги в небесах?

— А где им еще быть? Все сущее — в небесах.

— Но ведь мы на Малакандре, Уарса.

— И Малакандра, как все миры, в небесах. И потом, я не присутствую «здесь», как ты, Рэнсом с Тулкандры. Существа, подобные тебе, не удерживаются в небесах и должны опускаться в какой-нибудь мир. А для нас любой мир — такое же место в небе, как любое другое. Но не пытайся сейчас это понять. Просто знай, что мы — я и мои слуги — даже сейчас в небесах, а в небесном корабле они окружали тебя точно так же, как здесь.

— Значит, ты знал о нас еще до того, как мы вылетели с Тулкандры?

— Нет. Это единственный мир, о котором нам ничего не известно, потому что он вне небес и мы не получаем оттуда никаких известий.

Рэнсом ничего не сказал, но Уарса ответил на

не произнесенный им вопрос:

— Так было не всегда. Это самая длинная и самая печальная история. Когда-то и в вашем мире — он тогда еще назывался Тулкандрой — был Уарса, более светлый и великий, чем я. Но он сделался порченым. Было это еще до того, как в вашем мире появилась жизнь. Настали Годы Порчи — о них до сих пор еще говорят в небесах. Тот, ваш Уарса был еще свободен, как все мы, а не заключен в пределах Тулкандры. Он замышлял испортить и другие миры. Левой рукой он поразил вашу Луну и десницей наслал до срока смерть на мою харандру, и если бы я не направил его открыть хандрамиты и выпустить горячие источники, мой мир стал бы необитаем. Но мы не дали ему долго вольничать. Началась великая война, и по приказу Малельдила мы ниспровергли его с небес и заключили в границы его мира. Он и до сего дня там, и мы больше ничего не знаем об этой планете: она безмолвствует. Мы думаем, что Малельдил не мог предать ее целиком воле Порченого — до нас доходили странные вести, будто Он замыслил, что-то необычайное, и вступил в борьбу с Порченым на Тулкандре. Но это — тайна, о которой вы должны знать больше, чем мы, но и для нас она очень важна.

Рэнсом не сразу смог ответить; Уарса не торопил его. Наконец он взял себя в руки и сказал:

— Теперь, когда я услышал твой рассказ, Уарса, я могу признаться, что наш мир — очень порченый. Те двое взяли меня сюда, потому что им так сказали сорны, а о тебе они ничего не знали. Наверное, они думали, что ты — ложный эльдил. В диких краях нашего мира есть такие ложные эльдилы; люди убивают перед ними других людей; считается, что эльдил любит пить кровь. Они думали, что и сорны хотят сделать со мной то же или еще какое-нибудь зло. Они притащили меня силой. Мне было очень страшно. У нас есть люди, которые выдумывают всякие небылицы; они внушают нам, что если за пределами нашего мира и есть какие-нибудь существа, то они злые.

— Да, — произнес голос, — ты объяснил мне многое из того, чего я раньше не мог понять. Когда вы пересекли границы своего мира и попали в небеса, мои слуги сказали, что твои спутники везут тебя против воли и что-то скрывают от тебя. Я не знал, что бывают настолько порченые существа, что могут силой заставить своего собрата отправиться сюда.

— Они не знали, для чего я нужен тебе, Уарса. Да и я этого еще не знаю.

— Я объясню тебе. Два — а по-вашему четыре — года назад этот корабль впервые прилетел сюда из вашего мира. Мы следили за ним все время, эльдилы сопровождали его над харандрой; наконец он опустился на хандрамит, и более половины моих слуг явились туда, чтобы посмотреть, как пришельцы выйдут из него. Мы никого не подпустили туда, и хнау сначала тоже ничего не знали. Когда пришельцы немного освоились на новом месте, построили себе хижину, и мы думали, что их страх перед новым миром прошел, я послал сорнов познакомиться с ними и научить нашему языку. Я выбрал именно сорнов, так как внешне они больше всего похожи на ваш народ. Тулкандрийцы боялись сорнов и очень плохо поддавались обучению. Но сорны часто приходили к ним и все-таки немного научили их языку. Еще сорны сообщили мне, что тулкандрийцы подбирают во всех ручьях кровь Солнца. Я не мог ничего понять со слов сорнов и велел привести их ко мне — разумеется, не силой. Их очень вежливо пригласили, но они не пожелали прийти. Я звал хотя бы одного, но ни один не захотел. Конечно, схватить их ничего не стоило; но, хотя было ясно, что они глупы, мы еще не знали, до какой степени они порченые, и мне не хотелось

применять свою власть к созданиям из другого мира. Я велел сорнам обращаться с ними, как с детьми, и сказать, что они не получат больше крови Солнца, пока не доставят сюда еще кого-нибудь из своего народа. Услышав это, они до отказа набили свой корабль и покинули Малакандру. Они этим очень удивили нас, и только теперь я все понимаю. Они решили, что я хочу съесть кого-нибудь из вашего народа и отправились за ним. Они могли бы пройти всего несколько миль, и я с почетом принял бы их; вместо того они дважды проделали путь в миллионы миль и теперь все равно явятся передо мной. И ты тоже, Рэнсом с Тулкандры, — сколько напрасных усилий ты потратил, пытаясь избежать этой встречи.

— Да, Уарса, это верно. Все порченые полны страха. Но вот я здесь, перед тобой, и готов выполнить твою волю.

— Я хочу задать тебе два вопроса о твоем народе. Во-первых, зачем ты явился сюда — забота о моем народе велит мне знать это. И во-вторых, я хочу, чтобы ты рассказал мне о Тулкандре и странных войнах, которые вел Малельдил с Порченым, ибо, как я уже говорил, нас это очень интересует.

— Что касается первого вопроса, Уарса, то я оказался здесь не по своей воле. А те двое… од-

ному нужна только кровь Солнца, потому что в нашем мире он сможет обменять ее на власть и наслаждения. А другой хочет причинить вам зло. Мне кажется, что он уничтожил бы весь ваш народ, чтобы освободить место для нашего, а потом постарался бы сделать то же самое и в других мирах. Думаю, он хочет, чтобы наш народ существовал вечно и надеется, что можно без конца перепрыгивать из мира в мир… переселяться к новому солнцу каждый раз, когда умирает старое… что-то в этом роде.

— Он поврежден умом?

— Не знаю. Может быть, я неверно передал его мысли. Он более учен, чем я.

— Неужели он думает, что сможет попасть в великие миры? И что Малельдил позволит какому-нибудь народу существовать вечно?

— Он ничего не знает о Малельдиле. Но в том, что он хочет причинить вам зло, Уарса, нет сомнений. Никого из нас нельзя пускать сюда. Если для этого необходимо убить всех троих, я буду даже рад.

— Будь вы моим народом, Рэнсом, я бы убил их сейчас же, а вскоре и тебя; ибо они безнадежно порченые, а ты, когда станешь немного смелее, будешь готов предстать перед Малельдилом. Но

моя власть распространяется только на мой мир. Убийство чужого хнау — ужасное дело. Это не понадобится.

— Они очень сильны, Уарса, и умеют бросать смерть на много миль и посылают на своих врагов убивающий ветер.

— Самый слабый из моих слуг мог бы коснуться их корабля еще до того, как он опустился на Малакандру, и превратить его в тело с другим движением. Для вас это было бы вообще не тело. Разумеется, никого из вас больше не пустят сюда без моего приказания. Но хватит об этом. Теперь расскажи мне о Тулкандре. Рассказывай все. Мы не знали ничего с того дня, как Порченый упал с небес в воздух вашего мира, пораженный в самый свет своего света. Но почему ты снова испугался?

— Меня ужаснула длина времен, Уарса… Или, может быть, я не понял. Ведь ты сказал, что это случилось до того, как на Тулкандре появилась жизнь?

— Да.

— А ты, Уарса? Значит, ты жил… а тот рисунок на камне, где холод убивает их на харандре? Это было еще до начала моего мира?

— Теперь я вижу, что ты все-таки хнау, — сказал голос. — Разумеется, ни один камень, касавшийся

в те дни воздуха, не мог сохраниться доныне. Когда изображение стачивалось, его повторяли, и так много-много раз, больше, чем эльдилов у тебя над головой. Но повторяли его точно. В этом смысле картина, которую ты видишь, была закончена, когда ваш мир еще начинался. Впрочем, тебе ни к чему обо всем этом думать.

У моего народа есть правило — не говорить слишком много о размерах и числах, даже с сорнами. Раз ты не понимаешь, не стоит на этом сосредотачиваться, иначе можешь не заметить поистине великого. Расскажи мне лучше, что совершил Малельдил на Тулкандре.

— Согласно нашим преданиям… — начал было Рэнсом, но в этот момент торжественную неподвижность собрания нарушило неожиданное вторжение. Со стороны переправы к роще двигалась внушительная группа, почти целая процессия. Насколько Рэнсом мог разглядеть, она состояла из одних хроссов, и они что-то несли.

XIX

Когда процессия приблизилась, Рэнсом увидел, что идущие впереди несут на головах три длинные узкие ноши, каждую по четыре хросса. За ними следовали другие, с гарпунами, и вели за собой двух существ, которых Рэнсом не узнал. Когда они показались в дальнем конце аллеи, свет бил им в спину. Они были намного короче всех известных Рэнсому малакандрийских животных и, по всей видимости, двуногие, хотя нижние конечности, толстые, как сардельки, ногами можно было назвать лишь с натяжкой. Тела слегка сужались кверху, что придавало им сходство с грушей, а голова была не круглой, как у хроссов, и не вытянутой, как у сорнов, а почти квадратной. Они топали узкими, увесистыми ступнями, вдавливая их в землю с какой-то излишней силой. Наконец стали видны их лица — неровно окрашенные куски плоти в буграх и складках, обрамленные темной щетиной. И вдруг с неописуемым волнением Рэнсом понял, что это люди. Да, пленниками были Уэстон и Дивайн, и ему было дано на одно мгновение увидеть чело-

века глазами малакандрийца.

Идущие впереди приблизились к Уарсе на расстояние нескольких ярдов и опустили свою ношу на землю. Тут Рэнсом увидел, что носилки — из неизвестного ему металла, а на них — три мертвых хросса; они лежали на спине и застывшим взглядом (им не закрыли глаза, как принято делать на Земле) недоуменно смотрели на высокий золотой купол рощи. Рэнсом скорее угадал, что один из них — Хьои, но сразу узнал его брата Хьяхи в хроссе, который отделился от толпы и, почтительно приветствовав Уарсу, начал говорить.

Поначалу Рэнсом не слушал — его внимание было приковано к Уэстону и Дивайну. Безоружные, они стояли под бдительной охраной вооруженных хроссов. Оба, как и сам Рэнсом, не брились со дня высадки, оба были бледными и изможденными. Уэстон стоял, скрестив руки на груди, и всем своим видом изображал безысходное отчаяние. Дивайн засунул руки в карманы с мрачной яростью на лице. Конечно, оба считали, что у них есть все основания для страха, и, надо отдать им должное, не спасовали перед опасностью. Окруженные стражей, они были поглощены происходящим и не заметили Рэнсома. До него наконец стали доходить слова Хьяхи:

— Может быть, Уарса, смерть этих двоих и можно простить челховекам — ведь они очень испугались, когда мы ночью напали на них. Скажем, это была охота и двое погибли, как в битве с хнакрой. Но Хьои не сделал им ничего плохого и не пугал их, а они убили его издалека, оружием трусов. И вот он лежит здесь, а ведь он — хнакрапунт и замечательный поэт. Я говорю так не потому, что он был мне братом, — это знает весь хандрамит.

И тогда пленники впервые услышали голос Уарсы.

— Почему вы убили моих хнау? — спросил он.

Уэстон и Дивайн стали тревожно озираться.

— Господи! — воскликнул по-английски Дивайн. — Ни за что не поверю, что у них тут громкоговоритель.

— Чревовещание, — ответил Уэстон хриплым шепотом. — Сплошь и рядом среди дикарей. Колдун-врачеватель или знахарь делает вид, что впал в транс. Определим, кто знахарь, и будем обращаться все время к нему. Он поймет, что мы его раскусили, и собьется. Попытайтесь понять, кто из этих тварей в трансе… Черт меня дери, засек!

Нельзя отказать Уэстону в проницательности — он обратил внимание на единственного, кто не

стоял в благоговейной позе, а сидел на корточках, прикрыв глаза. Это был пожилой хросс прямо рядом с ним. Шагнув к нему, Уэстон вызывающе прокричал (язык он знал очень плохо):

— Зачем отбирали наш пиф-паф? Мы очень сердиться. Мы не бояться.

Он думал, что это произведет большое впечатление. К несчастью, теорию его никто не разделял. Старик — его прекрасно знали все, не исключая и Рэнсома, — прибыл не с траурной процессией, а гораздо раньше. Разумеется, он и не думал выказывать неуважение к Уарсе; просто еще до начала церемонии он плохо себя почувствовал, что в этом возрасте обычно для всех хнау, а теперь, когда приступ миновал, наслаждался глубоким сном. От крика у него только дернулся ус, но глаза он не открыл.

Снова раздался голос Уарсы.

— Почему ты обращаешься к нему? — сказал он. — Это я спрашиваю, почему вы убили моих хнау.

— Отпускай нас, потом отвечать, — ревел Уэстон над спящим хроссом. — Ты думать, мы без силы! Думать, ты делать, что хотеть. Ты не мочь. Большой сильный человек с неба нас посылать. Ты не делать, что мы хотеть, — он приходить,

всех вас убивать. Пиф! Паф!

— Я не понимаю, что значит «пиф-паф», — сказал голос. — Почему ты убил моих хнау?

— Скажите, что это вышло нечаянно, — зашептал Дивайн по-английски.

— Я же вам говорил, — ответил ему Уэстон, — с туземцами так нельзя. Стоит проявить слабость — тут же горло перегрызут. Они понимают только угрозы.

— Ладно, валяйте, — пробурчал Дивайн. Он явно терял доверие к своему компаньону.

Уэстон прочистил горло и снова напустился на старого хросса.

— Мы его убивать! — надрывался он. — Показывать, что мы мочь! Кто Не делать, что мы говорить, мы его убивать! Пиф-паф! Вы делать, что мы говорить, а мы вам давать красивый вещь. Смотри! Смотри! — и к вящему ужасу Рэнсома, Уэстон выхватил из кармана дешевые разноцветные бусы и принялся размахивать ими перед носом своих стражей, медленно кружа на месте и вопя: — Хорош! Хорош! Смотри! Смотри!

Результаты превзошли все его ожидания. Целая буря звуков, которых и не слышало ухо человека, взорвала тишину священного места и разбудила эхо далеких гор. Хроссы лаяли, пфифльтригги

пищали, сорны гудели, и в воздухе слабо, но явственно звенели голоса эльдилов. К чести Уэстона надо сказать, что он хотя и побледнел, самообладания не утратил.

— Вы не кричать на меня! — загремел он. — Не запугать! Я вас не бояться!

— Не обижайся на них, — сказал Уарса, и даже голос его стал иным. — Они не кричат на тебя, они смеются.

Но Уэстон не знал, как по-малакандрийски «смеяться»; впрочем, он и на любом языке не вполне понимал смысл этого слова. Рэнсом, сгорая от стыда, готов был молиться, чтобы он прекратил эксперимент — но он плохо знал Уэстона. Тот ждал, чтобы шум улегся. Он знал, что в точности следует правилам обращения с дикарями — запугать, потом уластить, — и был не из тех, у кого опустятся руки от одной-двух неудач. Поэтому он снова завертелся на месте, как детский волчок при замедленной съемке, вытирая левой рукой пот со лба, — в правой были бусы. Зрителей охватил новый приступ хохота, совершенно заглушивший его увещевания, и лишь по движению губ можно было догадаться, что он все орет: «Хорош! Хорош!». Вдруг смех стал чуть ли не вдвое громче. Сами звезды были

против Уэстона. В его ученой голове всплыло туманное воспоминание, как давным-давно он развлекал годовалую племянницу — и, наклонив голову набок, он стал выделывать странные, почти танцевальные па. Насколько Рэнсом слышал, приговаривал он что-то вроде: «У-тю-тю-тю!».

Наконец крупнейший физик изнемог и остановился. Такого представления Малакандра еще не видела и встретила шумным восторгом. Когда все умолкли, Рэнсом услышал, что Дивайн говорит по-английски:

— Уэстон, ради Бога, перестаньте корчить шута. Сами видите — ничего не выйдет.

— Да, что-то не выходит, — признал Уэстон. — Вероятно, они тупее, чем мы предполагали. Как вы думаете, стоит еще раз попробовать? А может, теперь вы?

— А, черт! — простонал Дивайн, отвернулся, уселся прямо на землю, достал портсигар и закурил.

— Дам-ка я это колдуну, — сказал Уэстон и, воспользовавшись тем, что все завороженно следили за действиями Дивайна, беспрепятственно приблизился к пожилому хроссу, чтобы надеть ему бусы на шею. Но и это ему не удалось — голова у хросса была слишком велика, так что они

застряли, и получился, какой-то венец набекрень. Хросс повел головой, как собака, потревоженная мухой, немного всхрапнул и не проснулся.

Тогда голос Уарсы обратился к Рэнсому:

— Может быть, твои собратья обделены рассудком, Рэнсом с Тулкандры, или слишком боятся меня?

— Нет, Уарса, — сказал Рэнсом. — По-моему, они не могут поверить, что ты здесь, и думают, что все эти хнау — маленькие дети. Толстый человек пытается их напугать, а потом задобрить подарками.

Услышав Рэнсома, пленники разом обернулись. Уэстон открыл было рот, но Рэнсом опередил его и сказал по-английски:

— Уэстон, это не обман. Это голос реального существа, оно стоит там, где, если присмотришься, виден свет или что-то вроде света. Оно не менее разумно, чем мы, люди, и, кажется, живет невероятно долго. Перестаньте вести себя с ним, как с ребенком, отвечайте ему. Я бы вам посоветовал не лгать и не орать.

— Похоже, у этих тварей хватило ума, чтобы спеться с вами, — пробурчал Уэстон. Тем не менее, когда он снова обратился к спящему хроссу, не в силах расстаться со своей навязчивой идеей,

голос его звучал иначе.

— Мы не хотеть убивать, — сказал он, указывая на Хьои. — Да, да, не хотеть. Сорны нам велеть приводить человек, его дать для большая голова. Мы уходить назад в небо. Он приходить, — тут оратор указал на Рэнсома, — с нами. Он очень порченый, он убегать, не слушать сорнов, как мы. Мы за ним бежать, приводить сорнам — пусть делать, что мы говорить, что сорны говорить, ясно? Он нас не слушать. Убегать, убегать. Мы бежать за ним, видеть большой черный, думать он нас убивать, мы его убивать — пиф! паф! Все порченый человек. Он не убегать, хороший быть — мы за ним не бежать, черного не убивать! Вы порченый брать — он делать беду — вы его брать, нас отпускать. Он вас бояться, мы не бояться. Слушай…

В этот момент непрерывные вопли Уэстона произвели наконец тот эффект, которого он так упорно добивался. Спящий открыл глаза и кротко посмотрел на него в некотором замешательстве. Потом, постепенно осознав свою вину, медленно выпрямился, отвесил Уарсе почтительный поклон и заковылял прочь, так и не заметив сползшего на ухо венца. А Уэстон все еще с открытым ртом провожал растерянным взглядом

удаляющуюся фигуру, пока она не скрылась между стеблей рощи.

И снова голос Уарсы прервал тишину:

— Мы достаточно повеселились. Пора услышать правдивые ответы на все вопросы. У тебя что-то не в порядке с головой, хнау с Тулкандры. В ней слишком много крови. Здесь ли Фирикитекила?

— Здесь, Уарса, — отозвался один пфифльтригг.

— У тебя есть в цистернах вода, в которую впущен холод?

— Да, Уарса.

— Пусть тогда этого плотного хнау отведут в гостиницу и опустят его голову в холодную воду. Много раз, и побольше воды. Потом приведите его назад. А мы тем временем позаботимся о мертвых хроссах.

Уэстон не совсем понял, что говорит голос, — он все еще пытался определить его источник. Но когда его подхватили и повлекли куда-то сильные руки хроссов, он испытал настоящий ужас. Рэнсом хотел крикнуть ему вслед что-нибудь ободряющее, но Уэстон вопил так, что ничего бы не услышал. Он смешивал английский с малакандрийским, и последнее, что донеслось до

Рэнсома, был пронзительный крик:

— Поплатитесь за это… пиф! паф!.. Рэнсом, ради Бога… Рэнсом! Рэнсом!

— А теперь, — сказал Уарса, когда настала тишина, — давайте почтим моих мертвых хнау.

При этих словах десять хроссов вышли вперед к носилкам. Они подняли головы и, хотя никто не подавал им знака, запели.

Когда впервые знакомишься с новым искусством, то, что вначале казалось бессмысленным, в какой-то миг вдруг приподнимает край завесы над тайной, и один краткий взгляд на скрытые внутри неистощимые возможности повергает вас в восторг, с каким не сравнится никакое последующее, сколь угодно искушенное понимание частностей. И для Рэнсома настал такой момент, когда он слушал малакандрийское пение; он понял, что эти ритмы порождены иною кровью, чем наша, быстрее бьющимся сердцем и большим жаром. Узнав и полюбив этот народ, теперь он хоть немного услышал их музыку их ушами. С первыми тактами гортанной песни перед ним возникли огромные глыбы, мчащиеся на немыслимой скорости, пляшущие великаны, вечная скорбь, вечное утешение и еще что-то неясное, но бесконечно близкое. Душа его исполнилась

благоговения, словно райские врата открылись перед ним.

— Пусть уйдет тело, — пели хроссы. — Пусть уйдет, растворится, и не станет его. Урони, освободи, вырони тихо, как пальцы склонившегося над водой роняют камень. Дай ему упасть, утонуть, исчезнуть. Там, под покровом, ничто ему не помешает, ибо в воде нет слоев, она едина и нераздельна. Отправь его в путь, из которого нет возврата. Дай ему опуститься, из него поднимутся хнау. Это — вторая жизнь, другое начало. Откройся, о пестрый мир, неведомый, безбрежный! Ты — второй, и лучший; этот, первый — немощен. Когда внутри миров был жар, в них рождалась жизнь, но то были бледные цветы, темные цветы. Мы видим их детей — они растут вдали от солнца, в местах печальных. Потом небеса породили другие миры, в них — дерзновенные вьюны, ярководосые леса, ланиты цветов. Первое — темней, второе — ярче. Первое — от миров, второе — от солнца.

Вот примерно то, что Рэнсому удалось запомнить и перевести. Когда песнь кончилась, Уарса сказал:

— Рассыплем движения, которые были их телами. Так рассеет и Малельдил все миры, когда

истощится первое, немощное.

Он дал знак одному из пфифльтриггов, тот поднялся и подошел к покойным. Хроссы, отступив шагов на десять, опять запели, но тихо, почти неслышно. Пфифлътригг дотронулся до каждого из мертвых небольшим стеклянным то ли хрустальным предметом, потом по-лягушечьи отпрыгнул. От ослепительного света Рэнсом зажмурился, в лицо ему будто ударил сильный ветер, но лишь на долю секунды. Потом все стихло, гробы оказались пустыми.

— Господи, как бы эта штука пригодилась на Земле! — сказал Дивайн Рэнсому. — Представляете, убийце и думать не надо, куда девать труп!

Рэнсом думал о Хьои и не ответил ему. Он бы и не успел ничего сказать — показались стражи, ведущие злосчастного Уэстона, и все обернулись к ним.

XX

Хросс, возглавлявший процессию, был совестлив и сразу начал беспокойно оправдываться.

— Надеюсь, мы поступили правильно, Уарса, — сказал он. — Но мы не уверены. Мы окунали его головой в холодную воду, а на седьмой раз с головы что-то упало. Мы подумали, это верхушка головы, но тут увидели, что это покрышка из чьей-то кожи. Одни стали говорить, что мы уже исполнили твою волю, окунули семь раз, а другие говорили — нет. Тогда мы еще семь раз окунули. Надеемся, все правильно. Оно много разговаривало, особенно перед вторыми погружениями, но мы ничего не поняли.

— Вы сделали очень хорошо, Хноо, — сказал Уарса. — Отойдите, чтобы я его видел. Я буду говорить с ним.

Стражники распались на обе стороны. Бледное лицо Уэстона покраснело от холодной воды, как спелый помидор, а волосы, не стриженные с тех пор, как он прибыл на Малакандру, прямыми гладкими прядями прилепились ко лбу. С носа и ушей стекала вода. Зрители, не знающие зем-

ной физиогномики, не поняли, что выражает это лицо, но именно так выглядел бы храбрец, который очень страдает за великое дело и скорее стремится к самому худшему, чем боится его. Чтобы объяснить его поведение, вспомним, что в это утро он уже вынес все ужасы приготовления к мученичеству и четырнадцать холодных душей. Дивайн знал своего приятеля и прокричал по-английски:

— Спокойно, Уэстон. Эти черти способны расщепить атом, если не хуже того. Говорите с ними осторожно, не порите ерунды.

— Ха! — сказал Уэстон. — Вы теперь у них за своего?

— Тихо, — раздался голос Уарсы. — Ты, Плотный, ничего не рассказал мне о себе, и я сам тебе расскажу. В своем мире ты хорошо разобрался в телах и смог сделать корабль, способный пересечь небеса; но во всем остальном у тебя ум животного. Когда ты в первый раз пришел сюда, я послал за тобою, чтобы оказать тебе честь. Ты же испугался, ибо ты темен и невежествен, и решил, что я желаю тебе зла, и пошел как зверь против зверя другой породы, и поймал в ловушку этого Рэн-сома. Ты собрался предать его злу, которого боялся сам. Увидев его здесь, ты хотел второй

раз отдать его мне, чтобы спасти себя. Вот как ты поступаешь со своим собратом. А что ты предназначил моему народу? Нескольких ты уже убил. Пришел ты, чтобы убить всех. Для тебя все равно, хнау это или нет. Сперва я думал, что тебя заботит только, есть ли у существа тело, подобное твоему; но у Рэнсома оно есть, а ты готов убить и его так же легко, как моих хнау. Я не знал, что Порченый столько натворил в вашем мире, и до сих пор не могу этого понять. Будь ты моим, я бы развоплотил тебя, здесь, сейчас. Не безрассудствуй; моею рукой Малельдил творит и большее, и я могу развоплотить тебя даже там, на самой границе твоего мира. Но пока я еще не решил. Говори. Я хочу увидеть, есть ли у тебя хоть что-нибудь, кроме страха, и смерти, и страсти.

Уэстон обернулся к Рэнсому.

— Вижу, — сказал он, — что для своего предательства вы выбрали самый ответственный момент в истории человечества.

Затем он повернулся к голосу.

— Знаю, ты убить нас, — сказал он. — Мне не страх. Другие идут, делают этот мир наш.

Дивайн вскочил и перебил его.

— Нет, нет, Уарса! — закричал он. — Не слушать его. Он очень глупый, он бред. Мы маленькие

люди, только хотим кровь капли Солнца. Ты дать нам много кровь капли Солнца, мы уйти в небо, ты нас видеть никогда. И все. Ясно?

— Тихо, — сказал Уарса. Почти неуловимо изменился свет, если можно назвать светом то, откуда шел голос, и Дивайн съежился, и снова упал на землю. Когда он опять сел, он был бледен и дышал тяжело.

— Продолжай, — сказал Уарса Уэстону.

— Мне нет… нет… — начал Уэстон по-малакандрийски, но запнулся. — Ничего не могу сказать на их проклятом языке!

— Говори Рэнсому, он переложит на наш язык, — сказал Уарса.

Уэстон сразу согласился. Он был уверен, что настал его смертный час, и твердо решил высказать все, что всерьез занимало его помимо науки. Он прочистил горло, встал в позу оратора и начал:

— Быть может, я кажусь тебе просто разбойником, но на моих плечах судьбы будущих поколений. Ваша первобытная, общинная жизнь, орудия каменного века, хижины-ульи, примитивные лодки и неразвитая социальная структура не идут ни в какое сравнение с нашей цивилизацией — с нашей наукой, медициной и юриспруденцией, нашей армией, нашей архитектурой, нашей

торговлей и нашей транспортной системой, которая стремительно уничтожает пространство и время. Мы вправе вытеснить вас — это право высшего по отношению к низшему. Жизнь…

— Минутку, — сказал Рэнсом по-английски. — Я больше не смогу в один прием.

Повернувшись к Уарсе, он стал переводить, как мог. Ему было трудно, получалось плохо, примерно так:

— У нас, Уарса, есть такие хнау, которые забирают еду и… и вещи у других хнау, когда те не видят. Он говорит, что он — не такой. Он говорит, то, что он сейчас делает, изменит жизнь тем нашим людям, которые еще не родились. Он говорит, что у вас хнау одного рода живут все вместе, а у хроссов копья, которые у нас были очень давно, а хижины у вас маленькие и круглые, а лодки маленькие и легкие, как у нас раньше, и у вас только один правитель. Он говорит, что у нас по-другому. Он говорит, что мы много знаем. Он говорит, что в нашем мире тело живого существа ощущает боль и слабеет, и мы иногда знаем, как это остановить. Он говорит, что у нас много порченых людей, и мы их убиваем или запираем в хижины, и у нас есть люди, которые улаживают ссоры между порчеными хнау из-за хижин, или подруг, или

вещей. Он говорит, что мы знаем много способов, которыми хнау одной страны могут убивать хнау другой страны, и некоторые специально этому учатся. Он говорит, что мы строим очень большие и крепкие хижины — как пфифльтригги. Еще он говорит, что мы обмениваемся вещами и можем перевозить тяжелые грузы очень быстро и далеко. Вот почему, говорит он, если наши хнау убьют всех ваших хнау, это не будет порченым поступком.

Как только Рэнсом кончил, Уэстон продолжал:

— Жизнь величественней любой моральной системы, ее запросы абсолютны. Не согласуясь с племенными табу и прописными истинами, она идет неудержимым шагом от амебы к человеку, от человека — к цивилизации.

— Он говорит, — перевел Рэнсом, — что живые существа важнее вопроса о том, порченое действие или хорошее… — нет, так не может быть, он говорит, лучше быть живым и порченым, чем мертвым… нет, он говорит… он говорит… не могу, Уарса, сказать на вашем языке, что он говорит. Ну, он говорит, что только одно хорошо: чтобы было много живых существ. Он говорит, что до первых людей было много других животных, и те, кто позже, лучше тех, кто раньше; но рождались жи-

вотные не оттого, что старшие говорят младшим о порченых и хороших поступках. И он говорит, что эти животные совсем не знали жалости.

— Она… — начал Уэстон.

— Прости, — перебил Рэнсом, — я забыл, кто «она».

— Жизнь, конечно, — огрызнулся Уэстон. — Она безжалостно ломает все препятствия и устраняет все недостатки, и сегодня в своей высшей форме — цивилизованном человечестве—и во мне как его представителе она совершает тот межпланетный скачок, который, возможно, вынесет ее навсегда за пределы смерти.

— Он говорит, — продолжал Рэнсом, — что эти животные научились делать много трудных вещей, а некоторые не смогли научиться, и умерли, и другие животные не жалели о них. И он говорит, что сейчас самое лучшее животное — это такой человек, который строит большие хижины и перевозит тяжелые грузы, и делает все остальное, о чем я рассказывал, и он — один из таких, и он говорит, что если бы все остальные знали, что он делает, им бы понравилось. Он говорит, что если бы он мог всех вас убить и поселить на Малакандре наших людей, то они могли бы жить здесь, если бы с нашим миром что-нибудь

случилось. А если бы что-нибудь случилось с Малакандрой, они могли бы пойти и убить всех хнау в каком-нибудь другом мире. А потом — еще в другом, и так они никогда не вымрут.

— Во имя ее прав, — сказал Уэстон, — или, если угодно, во имя могущества самой Жизни, я готов не дрогнув водрузить флаг человека на земле Малакандры: идти вперед шаг за шагом, вытесняя, где необходимо, низшие формы жизни, заявляя свои права на планету за планетой, на систему за системой до тех пор, пока наше потомство — какую бы необычную форму и непредсказуемое мировоззрение оно ни обрело — не распространится по Вселенной везде, где только она обитаема.

— Он говорит, — перевел Рэнсом, — что это не будет порченым поступком, то есть он говорит, так можно поступить — ему убить всех вас и переселить сюда нас. Он говориг, что ему не будет вас жалко. И опять он говорит, что они, видимо, смогут передвигаться из одного мира в другой, и всюду, куда придут, будут всех убивать. Думаю, теперь он уже говорит о мирах, вращающихся вокруг других солнц. Он хочет, чтобы существа, рожденные от нас, были повсюду, где только смогут. Он говорит, что не знает, какими будут

эти существа.

— Я могу оступиться, — сказал Уэстон, — но пока я жив и держу в руках ключ, я не соглашусь замкнуть врата будущего для своей расы. Что в этом будущем — мы не знаем, и не можем вообразить. Мне достаточно того, что есть высшее.

— Он говорит, — перевел Рэнсом, — что будет все это делать, пока вы его не убьете. Он не знает, что станет с рожденными от нас существами, но очень хочет, чтобы это с ними стало.

Закончив свою речь, Уэстон оглянулся — на земле он обычно плюхался на стул, когда начинались аплодисменты. Но стула не было, а он не мог сидеть на земле, как Дивайн, и скрестил руки на груди.

— Хорошо, что я тебя выслушал, — сказал Уарса. — Хотя ум твой слаб, воля не такая порченая, как я думал. Ты хочешь сделать все это не для себя.

— Да, — гордо сказал Уэстон по-малакандрийски. — Мне умереть. Человек жить.

— И ты понимаешь, что эти существа должны быть совсем не такими, как ты, чтобы жить в других мирах.

— Да, да. Все новые. Никто еще не знать. Странный! Большой!

— Значит, не форму тела ты любишь?

— Нет. Мне все равно, как форму.

— Казалось бы, ты печешься о разуме. Но это не так, иначе ты любил бы хнау, где бы его ни встретил.

— Все равно — хнау. Не все равно — человек.

— Если это не разум, подобный разуму других хнау, — ведь Малельдил создал нас всех… если не тело — оно изменится… если тебе безразлично и то, и другое, что же называешь ты человеком?

Это пришлось перевести. Уэстон ответил:

— Мне забота — человек, забота наша раса, что человек порождает.

Как сказать «раса» и «порождать», он спросил у Рэнсома.

— Странно! — сказал Уарса. — Ты любишь не всех из своей расы, ведь ты позволил бы мне убить Рэнсома. Ты не любишь ни разума, ни тела своей расы. Существо угодно тебе, только если оно твоего рода — такого, каков ты сейчас. Мне кажется, Плотный, ты на самом деле любишь не завершенное существо, а лишь семя. Остается только оно.

— Ответьте, — сказал Уэстон, когда Рэнсом это перевел, — что я не философ. Я прибыл не для отвлеченных рассуждений. Если он не понимает

— как и вы, очевидно, — таких фундаментальных вещей, как преданность человечеству, я ничего не смогу ему объяснить.

Рэнсом не сумел это перевести, и Уарса продолжал:

— Я вижу, тебя очень испортил повелитель Безмолвного мира. Есть законы, известные всем хнау, — жалость и прямодушие, и стыд, и приязнь. Один из них — любовь к себе подобным. Вы умеете нарушать все законы, кроме этого, хотя он как раз не из главных. Но и его извратили вы так, что он стал безумием. Он стал для вас каким-то маленьким слепым уарсой. Вы повинуетесь ему, хотя если спросить вас, почему это — закон, вы не объясните, как не объясните, почему нарушаете другие, более важные законы. Знаешь ли ты, почему он это сделал?

— Мне думать, такого нет. Мудрый, новый человек не верить старая сказка.

— Я скажу тебе. Он оставил вам этот закон, потому что порченый хнау может сделать больше зла, чем сломанный. Он испортил тебя, а вот этого, Скудного, который сидит на земле, он сломал — он оставил ему только алчность. Теперь он всего лишь говорящее животное и в моем мире сделал не больше зла, чем животное. Будь он

моим, я бы развоплотил его, потому что хнау в нем уже мертв. А будь моим ты, я постарался бы тебя излечить. Скажи мне, Плотный, зачем ты сюда пришел?

— Я сказать — надо человек жить все время.

— Неужели ваши мудрецы так невежественны, и не знают, что Малакандра старше вашего мира и ближе к смерти? Мой народ живет только в хандрамитах; тепла и воды было больше, а станет еще меньше. Теперь уже скоро, очень скоро я положу конец моему миру и возвращу мой народ Малельдилу.

— Мне знать это много. Первая попытка. Скоро идти другой мир.

— Известно ли тебе, что умрут все миры?

— Люди уйти прежде умрет — опять и опять. Ясно?

— А когда умрут все?

Уэстон молчал. Уарса заговорил снова,

— И ты не спрашиваешь, почему мой народ, чей мир стар, не решил прийти в ваш мир и взять его себе?

— Хо-хо! — сказал Уэстон. — Не знать, как.

— Ты не прав, — сказал Уарса. — Много тысяч тысячелетий тому назад, когда в вашем мире еще не было жизни, на мою харандру наступала

холодная смерть. Я очень беспокоился — не из-за смерти моих хнау, Малельдил не создает их долгожителями, а из-за того, что повелитель вашего мира, еще не сдерживаемый ничем, вложил в их умы. Он хотел сделать их такими, как ваши люди, которые достаточно мудры, чтобы предвидеть близкий конец своего рода, но недостаточно мудры, чтобы вынести его. Они готовы были следовать порченым советам. Они могли построить неболеты. Малельдил остановил их моею рукой. Некоторых я излечил, некоторых развоплотил…

— И смотри, что стало! — перебил Уэстон. — Сидеть в хандрамитах, скоро все умереть.

— Да, — сказал Уарса. — Но одно мы забыли — страх, а с ним — убийство и ропот. Слабейший из моих людей не страшится смерти. Это только Порченый, повелитель вашего мира, растрачивает ваши жизни и оскверняет их бегством от того, что вас настигнет. Будь вы подданными Малельдила, вы жили бы радостно и покойно.

Уэстон сморщился от раздражения. Он очень хотел говорить, но не знал языка.

— Вздор! Пораженческий вздор! — по-английски закричал он и, выпрямившись в полный рост, добавил по-малакандрийски: — Ты говоришь, твой Малельдил вести всех умирать. Другой, Пор-

ченый — бороться, прыгать, жить. Плевал ваш Малельдил. Порченый лучше, моя его сторона.

— Разве ты не видишь, что он не станет и не сможет… — начал Уарса, но замолчал, как бы собираясь с мыслями. — Нет, я должен больше узнать о вашем мире от Рэнсома, а для этого мне понадобится остаток дня. Я не буду убивать тебя, да и Скудного, ибо вы — вне моего мира. Завтра ты отправишься отсюда в своем корабле.

Лицо Дивайна вдруг вытянулось. Он быстро заговорил по-английски:

— Ради Бога, Уэстон, объясните ему. Мы здесь пробыли несколько месяцев, Земля теперь не в противостоянии. Скажите ему, что это невозможно. Лучше уж сразу нас убить.

— Как долго вам лететь до Тулкандры? — спросил Уарса. Уэстон, пользуясь переводом Рэнсома, объяснил, что лететь почти невозможно. Расстояние увеличилось на миллионы миль. Угол их курса по отношению к солнечным лучам будет сильно отличаться от того, на который он рассчитывал. Даже если у них есть один шанс из ста попасть на Землю, запасы кислорода почти наверное истощатся еще в пути.

— Скажите ему, чтобы сразу нас убил, — добавил он.

— Мне все это известно, — сказал Уарса. — Если вы останетесь в моем мире, я должен вас убить, я не потерплю таких существ на Малакандре. Да, шансов вернуться в свой мир у вас немного; но немного — не значит «ничего». Выберите время отлета от нынешней минуты до следующей луны. А пока что скажите, сколько времени, самое большее, вам лететь?

После долгих вычислений Уэстон дрожащим голосом ответил: если за девяносто дней это не выйдет, не выйдет вообще. Мало того, они к этому времени уже умрут от удушья.

— Девяносто дней у вас будет, — сказал Уарса. — Мои сорны и пфифльтригги дадут вам воздух (мы владеем и этим искусством) и пищу на девяносто дней. Но они сделают кое-что и с вашим кораблем. Я не хотел бы возвращать его в небо после того, как он сядет на Тулкандру. Тебя. Плотный, не было тут, когда я развоплотил моего хросса, которого ты убил. Скудный расскажет тебе. Я это делать могу — иногда, в некоторых местах. Меня учил Малельдил. Прежде, чем ваш небо-лет поднимется, мои сорны кое-что сделают с ним. Через девяносто дней он развоплотится и станет тем, что у вас называется «ничто». Если этот день застигнет его в небе, ваша смерть не

станет горше; но уходите из корабля, как только опуститесь на Тулкандру. Теперь уведите этих двоих, а сами, дети мои, идите куда хотите. Мне надо поговорить с Рэнсомом.

XXI

Всю вторую половину дня Рэнсом отвечал на вопросы. Мне не позволено записывать этот разговор, кроме заключительных слов Уарсы:

— Ты раскрыл передо мною больше чудес, чем известно во всем небесном мире.

После этого они говорили о самом Рэнсоме. Ему был предоставлен выбор: остаться на Малакандре или отважиться на отчаянное путешествие к Земле. Он долго, мучительно думал, и в конце концов решил отдаться на произвол судьбы вместе с Уэстоном и Дивайном.

— Любовь, как ее понимаем мы, — сказал он, — это не самый главный закон. Но ты, Уарса, говоришь, что это закон. Если мне не жить на Тулкандре, лучше мне совсем не жить.

— Ты сделал правильный выбор, — сказал Уарса, — и я скажу тебе две вещи. Мои люди заберут все чужеродные орудия с корабля, но одно оставят тебе. И эльдилы Глубоких Небес будут рядом с вашим кораблем до самого воздуха Тулкандры, а порой и после. Они не позволят двум другим убить тебя.

Рэнсому в голову не приходило, что Уэстон и Дивайн могут убить его, чтобы сэкономить пищу и кислород, и он поблагодарил Уарсу. Потом великий эльдил отпустил его, сказав:

— Во зле ты не повинен, Рэнсом, повинен лишь в боязливости. Путешествием этим ты наказываешь себя сам, а быть может, излечиваешь: тебе придется или сойти с ума, или быть храбрым. Но я налагаю на тебя обязательство: ты не должен спускать глаз с Уэстона и с Дивайна даже там, у вас. Они могут натворить много зла и в вашем мире, и вне его пределов. Из твоих рассказов я понял, что есть эльдилы, опускающиеся в ваш воздух, прямо в самый оплот Порченого. Ваш мир не наглухо закрыт, как думали мы в нашей части небес. Смотри за этими двумя порчеными. Будь храбр. Не уступай им. Если будет нужно, кто-то из наших придет на помощь, тебе их покажет Малельдил. Может статься даже, мы снова встретимся, пока ты еще во плоти; ведь не без промысла Малельдила мы повстречались с тобой сейчас и я столькому от тебя научился. Наверное, это начало новых переходов между небесами и мирами и из миров в миры — хотя и не так, как надеялся Плотный. Мне позволено сказать тебе, что году, в котором мы сейчас — однако небесные

годы не совпадают с вашими, — суждено стать годом потрясений и огромных перемен. Осада Тулкандры близится к концу. Грядут великие события. Если Малельдил не запретит мне, я не останусь в стороне. А теперь — прощай.

Сквозь огромную толпу разнообразных обитателей Малакандры прошли на следующий день три человеческих существа, начиная свой страшный путь. Уэстон был бледным и осунувшимся после ночи, проведенной за вычислениями, достаточно запутанными для любого математика, даже если бы от них и не зависела его жизнь. Дивайн вел себя шумно и беспечно до истерики. За эту ночь он изменил свое мнение о Малакандре благодаря открытию, что «туземцы» умеют изготовлять алкогольный напиток. Он даже попробовал научить их курить, но хоть как-то восприняли это только пфифльтригги. У него трещала голова, впереди маячила смерть, и он за все разом отыгрывался на Уэстоне. Оба партнера возмутились, что из космического корабля убрали оружие, но в остальном все соответствовало их пожеланиям. Примерно через час после полудня Рэнсом в последний раз окинул взором голубые воды, багровый лес и зеленые стены знакомого хандрамита вдалеке, и последовал за

остальными в корабль. Перед тем, как закрыть люк, Уэстон предупредил их, что нужно будет экономить воздух: во время полета не двигаться без необходимости, разговоры запретить.

— Я буду говорить только в экстренных случаях, — сказал он.

— А все-таки слава Богу, — последнее, что сказал Дивайн. И они задраили люк.

Рэнсом сразу же пошел вниз, где была его каюта, и растянулся на «окне», поскольку в таком положении все было вверх ногами. Он удивился, очнувшись уже на высоте в несколько тысяч футов. Хандрамит стал всего лишь багровой линией на розовато-лиловой поверхности. Они находились над стыком двух хандрамитов. Один из них был, очевидно, тот, где жил Рэнсом, другой — где располагался Мельдилорн. Долина, по которой он когда-то срезал угол между хандрамитами, сидя на плечах Эликана, была почти не видна.

С каждой минутой уменьшаясь, хандрамиты все лучше были видны — длинные прямые линии, иногда параллельные, иногда пересекающиеся или образующие треугольники. Ландшафт становился совсем геометрическим. Промежутки между пурпурными линиями казались абсолютно плоскими. Прямо внизу он узнал по розовому

цвету замершие леса: а на севере и востоке огромные песчаные пустыни, о которых рассказывали ему сорны, — бесконечные пространства желтизны и охры. На западе показались зеленовато-голубые пятна, как бы утопленные ниже уровня окружающей харандры. Он решил, что это лесистая низменность пфифльтриггов, или, скорее, одна из них, потому что теперь такие же пятна стали появляться везде, то в виде узелков на стыках хандрамитов, то очень протяженные. Получается, что все его знания о Малакандре — сиюминутны, ограниченны, односторонни. Как если бы сорн, проделав сорок миллионов миль и попав на Землю, прожил бы там все время между Уортингом и Брайтоном. Он подумал, как мало сможет рассказать о своем потрясающем путешествии, если останется в живых: поверхностное знание языка, несколько пейзажей, смутные сведенья из физики, но где же статистика, история, подробный обзор внеземных условий? Вот что надлежало бы привезти с собой из такого путешествия. Например, хандрамиты. Сейчас, с высоты, их геометрическая

правильность

перечеркивала все его первоначальные впечатления, будто это естественные долины. Нет,

это гигантские инженерные сооружения, завершенные, похоже, до того, как началась история человечества… до того, как началась история животного мира, а он об этом не узнал ничего! Или все это только мифы? Конечно, это покажется мифом, когда он возвратится на Землю (если возвратится), но в памяти еще так свежо присутствие Уарсы, что пока что сомневаться не приходится. Ему даже пришло в голову, что за пределами Земли само различие между историей и мифологией не имеет смысла.

Эта мысль загнала его в тупик, и он снова посмотрел на пейзаж внизу — пейзаж, с каждой минутой все больше походивший не на пейзаж, а на диаграмму. К этому времени с востока вдоль красноватой охры малакандрийского мира стало расплываться пятно, гораздо большее и намного более темное, причудливой формы, с длинными руками или рогами, распростертыми в стороны, и чем-то вроде залива между ними, подобного вогнутой стороне полумесяца. Пятно все росло и росло. Казалось, длинные темные руки раскинулись, чтобы охватить всю планету. Вдруг в середине темного пятна он увидел яркую светящуюся точку и понял, что это вовсе не пятно на поверхности планеты, а черное небо, показавше-

еся за ней. Плавная кривая линия очерчивала ее диск. И тут, в первый раз с начала путешествия, его охватил страх. Медленно, но все же не так медленно, чтобы этого нельзя было заметить, темные руки вытягивались все дальше и дальше вокруг светлой поверхности и соединились наконец. Перед ним висел круглый диск в черной раме. Долгое время слышался слабый стук метеоритов; окно, в которое он смотрел, находилось уже не строго внизу. Его руки и ноги, такие теперь легкие, двигались с трудом, и он очень хотел есть. Рэнсом посмотрел на часы. Зачарованный, он просидел на одном месте почти восемь часов.

Он кое-как добрался до солнечной стороны корабля и отшатнулся, почти ослепленный сверканием. Ощупью нашел он темные очки в своей старой каюте и взял себе поесть и попить: Уэстон жестко ограничил их и в том, и в другом. Потом он заглянул в рубку управления. Оба партнера замерли перед какой-то металлической пластинкой: на ней было тонкое, чуть-чуть вибрирующее покрытие из кристалликов и мелких проводков. Рэнсома они не заметили. До конца их молчаливого пути корабль оставался в его распоряжении.

Рэнсом вернулся на темную сторону. Поки-

нутый мир висел в усыпанном звездами небе и был не крупнее нашей земной луны. Цвета еще можно было различить: красновато-желтый диск, испещренный зеленовато-голубым и увенчанный белым на полюсах. Он увидел две крошечные малакандрийские луны — они явно двигались — и подумал, что это лишь тысячная часть того, чего он не замечал, когда был там. Он заснул и проснулся, и увидел, что диск все еще висит в небе. Теперь он был меньше Луны. Краски стерлись, остался лишь слабый и равномерный оттенок красноты; даже свет от него был теперь не намного ярче, чем свет бесчисленных звезд. Это была уже не Малакандра; это был всего лишь Марс.

И Рэнсом опять погрузился в рутину сна и наслаждения, перемежая их работой над малакандрийским словарем. Он знал, что шанс поделиться своими знаниями с людьми у него невелик, что их приключения почти наверняка закончатся незаметной гибелью в глубинах космоса. Но он уже не мог называть это «космосом». Были минуты холодного страха; они становились все короче и растворялись в священном трепете, перед которым личная судьба казалась совершенно несущественной. Он не ощущал себя и

своих спутников островком жизни, пересекающим пропасть смерти. Наоборот — за пределами маленькой железной скорлупки, в которой они мчались, ждала жизнь, ежеминутно готовая ворваться внутрь, и если она убьет их, то избытком жизненной силы. Он страстно надеялся, что если им суждено погибнуть, то это будет «развоплощение», а не удушье. Выйти, освободиться, раствориться в океане вечного дня — казалось ему порой более желанным, чем вернуться на Землю. И тот душевный подъем, который ощущал он, впервые пересекая небеса, был сейчас в десять раз большим, ибо он верил, что пропасть полна жизни в самом буквальном смысле слова — она полна живых существ.

Доверие к словам Уарсы об эльдилах скорее росло в пути, чем ослабевало. Он не заметил ни одного; свет, в котором плыл корабль, был так ярок, что мимолетные образы и не могли бы обнаружить в нем себя. Но он слышал (или ему казалось, что слышал) разнообразные тихие звуки, а может быть, вибрации, подобные звукам; они сливались с барабанящим дождем метеоритов, и часто трудно было противостоять чувству их неосязаемого присутствия. Вот отчего вопрос, выживет ли он, уже не имел значения. Как эфе-

мерен, как мал и он сам, и весь род человеческий перед лицом такой неизмеримой полноты. От мысли о реальном населении Вселенной мутилось в голове — от трехмерной бесконечности ее территории, от незапамятной вечности ее прошлого; но сердце его никогда не билось так ровно.

Хорошо, что разум его окреп прежде, чем стали по-настоящему ощущаться все тяготы их путешествия. После отлета с Малакандры температура постоянно поднималась; никогда еще за время их путешествия она не была такой высокой. И она продолжала расти. Свет тоже усиливался. Даже в очках Рэнсом обычно крепко зажмуривался, приоткрывая глаза только в те короткие промежутки времени, когда двигался. Он знал, что если вернется на Землю, зрение его будет неизлечимо нарушено. Но все-таки это было ничто по сравнению с пыткой жарой. Все трое бодрствовали двадцать четыре часа в сутки и терпели мучительную жажду, с глазами навыкате, с почерневшими губами, покрытые потом. Увеличивать скудный рацион воды было бь: безрассудно, и даже тратить воздух на обсуждение этого вопроса было безрассудством.

Он прекрасно понимал, что происходит. Со-

вершая свой последний рывок к жизни, Уэстон вошел вовнутрь земной орбиты, и они сейчас были ближе к солнцу, чем когда-либо находился человек, а может быть, и жизнь вообще. Это было неизбежно: нельзя догнать ускользающую Землю, двигаясь по ее собственной орбите. Они пытались идти ей навстречу, перерезать ей путь — сумасшествие! Но этот вопрос его не очень занимал; невозможно было подолгу думать ни о чем, кроме жажды. Думалось о воде; затем думалось о жажде; затем — о мыслях про жажду; затем опять о воде. А температура все росла. К стенам корабля нельзя было притронуться. Было ясно, что наступает кризис. За следующие несколько часов жара убьет их, если не спадет.

Она спала. Настало время им лежать, измученным и дрожащим от того, что казалось холодом, хотя было все еще жарче, чем в любой точке Земли. Итак, Уэстон добился своего: он отважился пройти через самую высокую температуру, при которой теоретически возможна человеческая жизнь, и они выжили. Но это были уже не те люди. До сих пор Уэстон очень мало спал, даже если снимал часы; заставив себя отдохнуть часок, он возвращался к своим картам и бесконечным, почти безнадежным вычислениям. Видно было,

что он борется с отчаяньем, опять и опять с ужасом погружаясь в цифры. Теперь же он на цифры и не глядел, казался даже рассеянным. А Дивайн двигался, как сомнамбула. Рэнсом все чаще сидел на темной стороне и часами ни о чем не думал. Несмотря на то, что главная опасность была позади, никто из них серьезно не надеялся на благополучный исход. Пятьдесят дней провели они в своей стальной скорлупе, не разговаривая, и воздух был уже очень нехорош.

Уэстон сделался так не похож на самого себя, что даже позволил Рэнсому участвовать в управлении кораблем. Большей частью знаками, несколько слов прошептав, он научил его делать все, что требовалось на этом отрезке пути. Понятно стало, что они спешат домой — хотя и мало шансов поспеть в срок, — пользуясь чем-то вроде космического пассата. Несколько простых приемов управления позволяли Рэнсому держать курс на звезду в центре верхнего смотрового стекла, но левую руку он не снимал с кнопки звонка в каюту Уэстона.

Звездой этой была не Земля. Количество дней — чисто теоретических «дней», важных для наших путешественников — возросло до пятидесяти восьми, и тогда Уэстон изменил курс, поставив

в центр смотрового стекла другое светило. Шестьдесят дней — и стала различима какая-то планета. Шестьдесят шесть — и она стала видна, как в полевой бинокль. Семьдесят — и она стала не похожей ни на что из того, что Рэнсому доводилось видеть — маленький сверкающий диск размером больше любой планеты, но гораздо меньше Луны. Теперь, когда он управлял кораблем, его благоразумие пошатнулось. В нем пробудилась дикая, животная жажда жить и томительная тоска по свежему воздуху, запаху земли, по траве, мясу, пиву, чаю, человеческому голосу. Сначала самым трудным на дежурстве было преодолеть дремоту; теперь, хотя воздух стал хуже, лихорадочное возбуждение делало его бдительным. Часто после дежурства правая рука у него немела от напряжения: часами он, сам того не сознавая, давил ею на пульт управления, будто мог этим добавить скорости кораблю.

Оставалось двадцать дней пути. Девятнадцать, восемнадцать — и на белом земном диске, который был уже немного больше шестипенсовика, он мог различить, как ему казалось, Австралию и юго-восточный угол Азии. Проходил час за часом, и, хотя эти очертания медленно перемещались по диску в соответствии с суточным оборотом

Земли, сам диск не увеличивался. «Скорее! Скорее!» — шептал Рэнсом кораблю. Осталось десять суток. Земля стала как Луна, и сделалась такой яркой, что они не могли больше смотреть на нее неотрывно. Воздух в их маленькой сфере был уже угрожающе плохим, но Рэнсом и Дивайн отваживались на шепот, когда сменяли друг друга на дежурстве.

— Успеем, — говорили они. — Еще успеем.

Когда на восемьдесят седьмой день Рэнсом сменил Дивайна, ему показалось, что с Землей что-то не так, и он уверился в этом еще до окончания дежурства. Земля больше не была правильным кругом — с одной стороны появилась выпуклость, она стала напоминать грушу. Когда в рубку вошел Уэстон и взглянул в верхнее смотровое стекло, он побледнел, как мел, и неистово зазвонил в звонок Дивайну. Оттолкнув Рэнсома, он сел за пульт управления и, видимо, попытался что-то сделать, но лишь бессильно развел руками, с отчаянием посмотрел на вошедшего Дивайна и уткнулся головой в пульт.

Рэнсом и Дивайн обменялись взглядами. Они подняли Уэстона — он плакал, как ребенок, — и его место занял Дивайн. Теперь наконец Рэнсом разгадал загадку. То, что казалось выпуклостью,

все более походило на второй диск, почти такой же большой и закрывавший уже больше половины Земли. Это была Луна — между ними и Землей, и на двести сорок тысяч миль ближе. Рэнсом не знал, что это означало; Дивайн, очевидно, знал и никогда еще не выглядел так великолепно. Он был бледен, как Уэстон, но ясные глаза его дико сияли. Как зверь перед прыжком, он припал к пульту, и тихо насвистывал сквозь зубы.

Рэнсом понял, что он делает, только через несколько часов, когда увидел, что оба диска уменьшаются в размерах. Космический корабль уже не приближался ни к Земле, ни к Луне; он был от них дальше, чем полчаса назад — вот в чем был смысл лихорадочных действий Дивайна. Беда не только в том, что Луна пересекла им путь и отрезала от Земли; видимо, по какой-то причине — наверное, гравитационной — было опасно слишком приближаться к Луне, и Дивайн отодвинулся дальше в космос. Уже видя бухту, они снова повернули в открытое море. Рэнсом взглянул на хронометр. Было утро восемьдесят восьмого дня. Два дня, чтобы успеть на Землю, а они удалялись от нее.

— Видно, нам конец? — прошептал он.

— Думаю, да, — прошептал Дивайн не обора-

чиваясь.

Уэстон уже оправился и встал рядом с Дивайном. Дела для Рэнсома не было. Теперь он был уверен, что им скоро умирать. И когда он это осознал, мучительное беспокойство вдруг исчезло. Перед ним стояла смерть, и было неважно, наступит она сейчас, или тридцатью годами позже, на Земле. Человек должен быть готов. Рэнсом ушел в одно из помещений на солнечной стороне, в невозмутимость неподвижного света, в тепло, в тишину и резкие тени. Спать он не собирался. Должно быть, это недостаток воздуха навел на него дрему. Он заснул.

Проснулся он почти в полной темноте от громкого непонятного шума. Что-то в нем было знакомое — что-то из прошлой жизни… Монотонный барабанящий стук прямо над головой. Сердце его вдруг сжалось.

— О, Боже, — зарыдал он. — О, Боже! Это дождь.

Он был на земле. Несмотря на тяжелый спертый воздух, ощущение мучительного удушья прошло. Он понял, что находится еще в космическом корабле. Остальные, похоже, испугавшись «развоплощения», покинули корабль сразу, как он приземлился, и оставили его на произвол судьбы. В темноте трудно было найти выход. Но

ему удалось. Он нашел люк, соскользнул по внешней стороне сферы и упал в грязь, благословляя ее запах. Подняв наконец на ноги непривычно тяжелое тело, он стоял в кромешной тьме под проливным дождем, огромными глотками пил свежий воздух, впитывал запах поля всем сердцем — это был клочок земли, его родной планеты, где росла трава, бродили коровы, где вскоре он наткнется на плетень и калитку.

Он шел около получаса, когда яркий свет позади и сильный короткий порыв ветра дали ему знать, что космического корабля больше нет. Ему было все равно. Он видел впереди тусклые огоньки — там были люди. Ему удалось найти тропинку, потом дорогу, потом деревенскую улицу. Освещенная дверь была открыта. Внутри слышались голоса, говорили по-английски. Знакомый запах. Он ввалился внутрь и, не обращая внимания на изумленные взгляды, подошел к стойке бара.

— Пинту горького, пожалуйста, — сказал Рэнсом.

XXII

Если бы я руководствовался соображениями чисто литературными, то на этом месте поставил бы точку, но настало время снять маску и раскрыть истинные цели, ради которых написана эта книга. Кроме того, читатель узнает, как я вообще получил возможность ее написать.

Доктор Рэнсом — вы уже, конечно, догадались, что это имя не настоящее — вскоре отказался от мысли составить малакандрийский словарь и вообще делиться с миром своей историей. Несколько месяцев он был болен, а когда выздоровел, сам засомневался, действительно ли произошло то, что ему вспоминается, и не примерещилось ли в бреду во время болезни. Он подумал, что большую часть его приключений можно объяснить психоаналитически. Само по себе это не очень его смущало — сколько раз он убеждался, что «реальность» разных свойств флоры и фауны в нашем собственном мире можно счесть иллюзией. Поэтому он решил, что если сам не вполне уверен в своих рассказах, то уж весь остальной мир и подавно назовет их небы-

лицами. Он решил молчать, и на этом бы дело и кончилось, если бы не одно совпадение, весьма любопытное.

Вот здесь как раз вступаю в рассказ я. Мы были знакомы с доктором Рэнсомом несколько лет и переписывались на литературные и филологические темы, однако встречались очень редко. За несколько месяцев до этого я, как обычно, написал ему письмо, из которого процитирую относящиеся к делу абзацы. Вот что я писал:

«Сейчас я занимаюсь платонической школой в двенадцатом веке, и между прочим, латынь их просто чудовищна. У одного из них, Бернардуса Сильвестриса, есть слово, о котором я хотел бы узнать Ваше мнение — слово Уарсес. Он употребляет его, описывая путешествия по небесам; по-видимому, Уарсес — это „интеллект“ или дух-хранитель какой-то из небесных сфер, т.е., на нашем языке, какой-то планеты. Я спросил об этом у С.Дж., и он сказал, что, должно быть, имеется в виду Усиарх. Это имеет некоторый смысл, но все же не совсем меня удовлетворяет. Не встречалось ли Вам случайно слово, похожее на Уарсес, или, может быть, Вы рискнете предположить, из какого языка оно происходит?»

В ответ я незамедлительно получил приглаше-

ние провести у доктора Рэнсома выходные. Он рассказал мне всю свою историю, и с тех пор мы непрерывно размышляем над разгадкой тайны. Обнаружилось множество фактов, которые в настоящее время я не считаю нужным публиковать; фактов о планетах вообще и, в частности, о Марсе, о средневековой школе платоников и (что не менее важно) о профессоре, которому я дал вымышленное имя Уэстон. Конечно, можно было бы обнародовать систематическое изложение этих фактов, но почти наверняка нас ждет недоверие, а «Уэстон» подаст на нас в суд за клевету. В то же время оба мы полагаем, что молчать невозможно. С каждым днем мы все больше убеждаемся, что марсианский уарсес был прав, говоря, что нынешний «небесный год» должен быть поворотным, что длительная изоляция нашей планеты близится к концу, что мы перед лицом великих перемен. У нас есть основания полагать, что средневековые платоники жили в том же небесном году, что и мы, и начался он в двенадцатом веке нашей эры, а Бернардус Сильвестрис говорит об Уарсе (по-латыни «Уарсес») не случайно. И еще у нас есть сведения — с каждым днем их все больше, — что «Уэстон», либо сила или силы, стоящие за ним, сыграют в событиях

следующих веков роль очень важную и притом губительную, если этого не предотвратить. Мы не думаем, что они собираются вторгнуться на Марс, это не просто призыв: «Руки прочь от Малакандры». Нам угрожает опасность в масштабе космоса, а не планеты, по меньшей мере — в масштабе солнечной системы, и не преходящая, а вечная. Сказать больше, чем сказано, было бы неразумно.

Доктору Рэнсому первому пришла в голову мысль, что достоверные факты, которые в чистом виде вряд ли воспримут, можно изложить в художественной форме. Он даже полагал — сильно переоценивая мои литературные способности, — что в этом будут и свои преимущества: более широкий круг читателей и, конечно, возможность обратиться сразу ко многим людям раньше, чем это сделает «Уэстон». Я возражал, что беллетристика — и есть не более чем выдумка, а он ответил, что найдутся читатели, которым всерьез важны эти вещи, и уж они-то нам поверят.

— Им, — сказал он, — будет нетрудно найти вас или меня, и они без труда распознают Уэстона. Во всяком случае, — продолжал он, — сейчас нужно не столько убедить людей поверить нам, сколько ознакомить их с определенными идеями. Если бы

нам удалось хотя бы для одного процента наших читателей сменить понятие Космоса на понятие Небес, это было бы неплохим началом.

Никто из нас не мог предвидеть, что события развернутся так стремительно и книга устареет еще до публикации. Эти события сделали ее уже не рассказом, а скорее прологом к рассказу. Но не будем забегать вперед. Что касается дальнейших приключений, еще задолго до Киплинга Аристотель одарил нас своею формулой: «Это другая история».

ПОСТСКРИПТУМ

(Выдержки из письма, написанного автору прототипом «доктора Рэнсома»)

…Думаю, вы правы, и если внести две-три поправки, М.Ист. пойдет. Не скрою, я разочарован. Но как ни пытайся рассказать такое, человек, действительно там побывавший, непременно разочаруется. Я уж не говорю о том, как вы безжалостно обкорнали всю филологическую часть (мы даем читателю прямо карикатуру на малакандрийский язык); важнее другое, но не знаю, смогу ли это выразить. Как можно «выбросить» запахи Малакандры? Ничто так живо не возвращается ко мне в мечтах… особенно запах лиловых лесов рано поутру; причем, само упоминание «раннего утра» и «лесов» только вводит в заблуждение, потому что сразу представляешь что-то земное — мхи, паутину, запахи нашей планеты, а я думаю о совсем не похожем. Больше «ароматов»… — да, но там не жарко, не пышно, не экзотично, как подразумевает это слово. Что-то ароматное, пряное, но очень холодное, тонкое, зудящее в носу — для обоняния то же, что высокие,

резкие звуки скрипки для уха. И одновременно мне всегда слышится пение — громкая глухая неотвязная музыка, насыщеннее, чем шаляпинский «теплый, темный звук». Когда вспоминаю о ней, я начинаю тосковать по малакандрийской долине; но знает Бог, когда я слушал все это там, я тосковал по Земле.

Вы, конечно, правы: в рассказе вам приходится сократить время, которое я провел в деревне, потому что «ничего не случалось». Но мне жаль. Эти тихие недели, просто жизнь среди хроссов — для меня самое важное из всего, что произошло. Я их узнал, Льюис, — как это втиснуть в ваш рассказ?

К примеру, я всегда беру с собой на выходные термометр (и это спасло многих от беды) и потому знаю, что нормальная температура у хросса — 103-. Я знаю, хотя не помню, откуда, что живут они около 80 марсианских лет, или 160 земных, женятся примерно в 20 (40); что испражнения у них, как у лошадей, безвредны и для них самих, и для меня, и используются в сельском хозяйстве; что они не проливают слез и не моргают; что в праздники, которых у них очень много, они (как сказали бы у нас) «пьянеют», хотя не напиваются. Но что можно извлечь из этой отрывочной информации? Это просто живые воспоминания,

их трудно выразить словами, разве в этом мире кто-нибудь сможет представить верную картину по таким фрагментам? Например, как мне вам объяснить, откуда я знаю без всяких сомнений, почему малакандрийцы не держат домашних животных и вообще не испытывают к своим «меньшим братьям» тех чувств, что мы? То есть это те вещи, о которых они сами никогда мне не рассказывали. Когда видишь их всех вместе, просто понимаешь, почему. Каждый из них для другого — одновременно и то, что для нас человек, и то, что для нас животное. Они могут друг с другом разговаривать, могут сотрудничать, у них общая этика; в этом смысле сорн и хросс общаются как два человека. И при этом каждый прекрасно сознает, что другой отличается от него самого, и кажется забавным и привлекательным, как бывает привлекательно животное. В нас дремлет какой-то неудовлетворенный инстинкт, который мы пытаемся насытить, обращаясь с неразумными существами почти как с разумными; на Малакандре этот инстинкт удовлетворяется. Домашние животные им не нужны.

Кстати, к вопросу о видах — мне очень жаль, что особенности жанра так упростили биологию. Разве мой рассказ создал у вас впечатление, что

каждый из трех видов абсолютно гомогенен внутри себя? Тогда я ввел вас в заблуждение. Возьмем хроссов. Я дружил с черными хроссами, но бывают еще серебристые хроссы, а где-то в западных хандрамитах обитает большой гребешковый хросс — десяти футов ростом, чаще танцор, чем певец, и самое благородное животное, которое я встречал после человека. Гребешки есть только у мужчин. Еще я видел в Мельдилорне чисто белого хросса, но, по глупости, не выяснил, представлял ли он подвид, или же это просто какое-то отклонение, как наши земные альбиносы. И еще существует по меньшей мере один вид сорнов, кроме тех, что я видел — сороборн, или красный сорн пустыни, живущий в песках севера. По рассказам, это что-то потрясающее.

Мне тоже жаль, что я никогда не видел пфифльтриггов у них дома. Я знаю о них достаточно и мог бы «сочинить» такой визит, чтобы вставить в повествование, но думаю, мы не должны вводить уж совсем полный вымысел. «Правильно по существу» — на земле звучит отлично, но не представляю, как объяснил бы это Уарсе; кстати, я серьезно опасаюсь (см. мое предыдущее письмо), что не дослушал его до конца. И вообще, почему наши «читатели» (похоже, вы о них знаете все) о

языке не хотят слышать ничего, а о пфифльтриггах — как можно больше? Что ж, поработайте над этой темой; тогда неплохо бы рассказать, что они откладывают яйца, что у них матриархат и живут они недолго по сравнению с другими видами. Обширные равнины, где они обитают, очевидно, были когда-то дном малакандрийского океана. Хроссы, бывавшие у них, рассказывали, что шли в глубине лесов через пески, «а вокруг — окостенения (окаменелости) древних волнорезов». Нет сомнения, это те темные пятна, которые мы видим на марсианском диске с Земли. И это напомнило мне «карты» Марса, которые я смотрел после возвращения — они так сильно друг с другом не согласуются, что я оставил все попытки найти тот, свой хандрамит. Если вы хотите попробовать, надо искать в районе «канала» северо-восток — юго-запад, пересекающего северный и южный «канал» не более чем в двадцати милях от экватора. Но разные астрономы видят разное.

Теперь — к тому из ваших вопросов, который раздражает меня больше всего: «Может быть, Эликан, описывая эльдилов, смешивает понятия тонкой материи и высшего существа?» Нет. Смешиваете вы. Он сказал две вещи: что у эльдилов тела иные, чем у остальных животных планеты,

и что они превосходят всех разумом. Ни он, ни кто другой на Малакандре никогда не смешивал одно утверждение с другим и никогда не выводил одно из другого. На самом деле у меня есть основания думать, что существуют еще иррациональные животные с эльдиловым типом тела (помните «воздушных зверей» Чосера?).

Интересно, сумеете ли вы благоразумно обойти проблему речи эльдилов. Я согласен, что если вы начнете рассуждать об этом в сцене суда (Мельдилорн), это перегрузит повествование, но ведь сообразительные читатели спросят: как же эльдилы, которые, по всей видимости, не дышат, могут разговаривать? Мы действительно этого не знаем, почему бы не признаться в этом читателю? Я изложил Дж. — единственному из ученых, кому доверяю, — вашу теорию, что у них могут быть инструменты или даже органы, Бездействующие на воздух и таким образом извлекающие звук, но он, кажется, не слишком этим воодушевился. Ему представляется более вероятным, что они непосредственно воздействуют на уши тех, с кем «говорят». Конечно, все это очень сложно, но не забывайте, что мы фактически ничего не знаем ни о форме, ни о размерах эльдила, ни как они соотносятся с пространством (нашим про-

странством). Мы вообще почти ничего не знаем о них. Как и вам, мне трудно удержаться, чтобы не привязать их к чему-то в земной традиции — богам, ангелам, феям. Но у нас нет данных. Когда я пытался изложить Уарсе нашу христианскую ангелологию, он, мне показалось, воспринял наших «ангелов» как нечто отличное от себя. Но что он имел в виду — другие это существа, или какая-то особая каста воинов (ведь наша бедная старушка земля оказалась чем-то вроде полигона во Вселенной), — я не знаю.

Почему вы опускаете мой рассказ о том, как заело заслонку перед нашим приземлением на Малакандру? Если без этого описывать, как мы страдали от обилия света на обратном пути, возникнет законный вопрос: «Что ж они не закрыли заслонку?». Я не разделяю вашу теорию, что «читатели никогда не замечают таких вещей». Уверен, что я бы заметят.

Я бы хотел, чтобы вы включили в книгу две сцены — так или иначе, они живут во мне. Едва я закрываю глаза, передо мной всегда встает либо одна, либо другая.

Первая — это малакандрийское небо поутру: бледно-голубое небо, такое бледное, что теперь, когда я все больше привыкаю к земному небу, оно

кажется мне почти белым. На его фоне верхушки гигантских растений (вы назвали бы их «деревьями») кажутся вблизи черными, а там, вдали, за ослепительно синими просторами вод, — акварельно-багровые леса. Тени на бледной траве вокруг моих ног, как тени на снегу. Мимо идут существа, стройные, несмотря на гигантский рост, черные и гладкие, как цилиндр; большие круглые головы на гибком стебле тела похожи на черные тюльпаны. Они поют, спускаясь к берегу озера, музыка наполняет лес тихим трепетом, словно далекие звуки органа; я едва ее слышу. Кто-то отплывает, остальные остаются. Все происходит очень медленно — это не просто отплытие, это какая-то церемония. Да, это похороны хросса. Те трос в серых масках уплыли в Мельдилорн умирать. Потому что в этом мире никто не умирает до времени, кроме тех, кого взяла хнакра. Каждому роду отмерен свой срок, и смерть можно предсказать, как у нас — рождение. Вся деревня знала, что эти трое умрут в этом году, в этом месяце; легко было предвидеть даже, что умрут они на этой неделе. И вот они отплыли к Уарсе получить последнее напутствие, умереть и быть «развоплощенными». Тела их, в прямом смысле, просуществуют лишь несколько минут;

гробов нет на Малакандре, ни могильщиков, ни кладбищ. Долина торжественно провожает их, но я не вижу печали и слез. Они уверены в своем бессмертии, и друзья-ровесники остаются неразлучны. Одногодки покидают этот мир, как и появились в нем — вместе. Смерти не предшествует страх, и за ней не следует разложение.

Другая сцена — ночная. Я вижу, как купаюсь с Хьои в теплом озере. Он смеется надо мной: я привык к более тяжелому миру, и не могу достаточно погрузиться в воду, чтобы плыть вперед. И тут я вижу ночное небо. Оно очень похоже на наше, только глубже и темнее, а звезды — ярче; но на западе творится такое, чего никакая земная аналогия не поможет вам представить. Вообразите себе увеличенный Млечный Путь — Млечный Путь через самый мощный телескоп в самую ясную ночь. А теперь представьте, что он не пересекает небо, а восходит, как созвездие над вершинами гор. Ослепительное ожерелье огней медленно поднимается, заполняя пятую часть небосвода, и между ним и горизонтом ложится длинный черный пояс. Над харандрой светло, как при полной луне; света так много, что долго смотреть невозможно. И все-таки это только предчувствие, ожидание чего-то еще. «Ахихра!»

— кричит Хьои, и из темноты вокруг ему вторят отрывистые вскрики. И вот, встает истинный царь, осторожно прокладывая путь через дивную западную галактику, и свет ее тонет в его сверкании. Я отвожу взгляд, потому что маленький диск гораздо ярче, чем самое сильное лунное сиянье. Весь хандрамит купается в бесцветном свете; я могу сосчитать все стебли в лесу на той стороне озера; я вижу, что ногти у меня обломанные и грязные. И вот, я догадываюсь, что передо мной — Юпитер, восходящий за поясом астероидов, на сорок миллионов миль ближе, чем когда-либо видели глаза человека. Но малакандрийцы сказали бы «внутри астероидов», у них странная привычка иногда выворачивать наизнанку Солнечную систему. Они называют астероиды «танцорами на пороге Великих Миров». Великие Миры — это планеты, как мы говорим, «за», «по ту сторону» пояса астероидов. Глундандра (Юпитер) из них самая большая и очень важна для малакандрийцев, но почему — я не понял. Она — «центр», «великий Мельдилорн», «трон» и «праздник». Им, конечно, прекрасно известно, что она необитаема; по крайней мере, там нет животных планетарного типа; и они не выдумывают, как язычники, что там живет Малельдил.

Однако кто-то или что-то очень важное связано с Юпитером; как всегда, «серони знают». Но мне они никогда не рассказывали. Наверное, лучшее объяснение — у автора, которого я вам цитировал: «Ибо верно сказано о великом Африканусе, что он никогда не был менее одинок, чем когда был одинок; потому, по нашей философии, нет места во Вселенной менее уединенного, чем то, которое именует уединенным чернь, ибо отсутствие людей и зверей означает лишь полноту пребывания более высших существ».

Подробнее об этом, когда вы приедете. Я стараюсь прочитывать все старые книги на эту тему, о которых узнаю. Теперь, когда «Уэстон» захлопнул дверь, путь к планетам лежит через прошлое; и если предстоят еще космические путешествия, это будут также и путешествия во времени.